

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

Филиппова Дарья Юрьевна

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
(конец 1920-х – 1991 гг.)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Васильев Лев Геннадьевич

Калуга, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА	9
1.1. Научные парадигмы и проблема изучения лингвистических теорий	9
1.2. Методологические основы организации исследования	28
1.3. Метаязык лингвистики текста	43
Выводы по первой главе	60
ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ И АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА	62
2.1. Основания классификации и параметры анализа парадигм и теорий	62
2.2. Структурная парадигма	69
2.3. Неоструктурная парадигма	125
Выводы по второй главе	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	171

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено системно-лингвистическому описанию отечественных концепций лингвистики текста. В работе рассматривается развитие данного направления в советский период с 1920-х годов до начала 1990-х годов. Под лингвистикой текста понимается комплексная парадигма (мегапарадигма) исследований текста с системно-структурной точки зрения; тем самым в сферу объекта не включаются концепции дискурса, связанные с прагматической, психолингвистической, социолингвистической парадигмами, а также с компьютерно-прикладным языкознанием.

Существует ряд работ, посвященных анализу различных направлений исследований зарубежной и отечественной лингвистики текста [Филиппов 2003; Чернявская 2009; Левицкий 2014 и др.]. Однако на данном этапе развития языкознания нельзя говорить о существовании полноценного аналитического описания отечественных исследований лингвистики текста.

Обращение к теме данной диссертации диктуется необходимостью системного рассмотрения и критического анализа результатов и характерных особенностей онтогенеза лингвистики текста в отечественном языкознании. Первостепенность учета исторического, философского и общенаучного изучения определяется позицией лингвистики относительно других наук.

Актуальность данного исследования заключается в: 1) потребности восполнения неизученных областей в историографии языкознания в силу отсутствия всестороннего монографического рассмотрения накопленных знаний в области отечественной лингвистики текста; 2) необходимости оценки претензий и результатов лингвистических исследований текста; 3) потребности системного изучения концепций отечественной лингвистики текста и анализа отношений между теориями внутри парадигмы; 4) необходимости создания системы аналитического обзора лингвистических концепций.

Научная новизна данного диссертационного исследования определяется тем, что впервые проводится многоаспектное рассмотрение концепций отечественной лингвистики текста с позиций системного подхода и системной методологии:

- исследуются принципы классификаций и проводится таксономизация направлений лингвистики текста;
- рассматриваются особенности построения исследований текста;
- разрабатываются параметры анализа концепций лингвистики текста;
- проводится системный анализ концепций советской лингвистики текста.

В качестве объекта исследования выбраны теории текста в работах советских лингвистов.

Предметом диссертационного исследования являются системные характеристики концепций лингвистики текста и особенности трактовки свойств текста в них.

Основная цель данного диссертационного исследования заключается во всестороннем системном рассмотрении отечественной лингвистики текста, оценке ее результатов, а также возможных перспектив развития. Эта цель достигается при помощи решения следующих задач:

- 1) установить и проанализировать основные понятия лингвистики текста;
- 2) описать особенности парадигмы отечественной лингвистики текста и установить ключевые субпарадигмы внутри лингвистики текста;
- 3) построить классификацию направлений отечественной лингвистики текста;
- 4) выделить системные критерии анализа теорий лингвистики текста, дать характеристику основных направлений этой парадигмы и рассмотреть содержание основных ее положений, применяя принципы системного анализа;
- 5) определить особенности каждого направления и каждой концепции в области лингвистики текста.

Задачи, поставленные в диссертационном исследовании, определили применение соответствующих методов. Методами исследования являются: историко-лингвистический метод (для осуществления разбора основных понятий

исследования); метод системного анализа (применяемый в работе в области анализа концепций); метод логического анализа (относящийся к рассмотрению методологического аппарата и изучению теорий текста); метод моделирования (для построения общей модели анализа теорий текста); метод семантической интерпретации (для осуществления группировки наблюдений); метод трансформационного анализа (применяемый для анализа концепций и основных положений исследований). Важно уточнить применение двух последних методов в настоящем исследовании. Под методом семантической интерпретации в работе понимается группировка наблюдаемых концепций по принципу семантической близости понятий, рассматриваемых в них. Трансформационный метод применяется в следующей трактовке: изменения в лингвистике текста представляют собой рост знания и тем самым являются трансформационным процессом; соответственно постепенное развитие и уточнение уже существующих положений и рассматривается при помощи анализа существующих в концепциях трансформаций.

Сформулированные в работе положения основываются на принципах отечественного языкознания, которые говорят о необходимости исследования методологических предпосылок научных парадигм, их положений в общем процессе развития научного знания, внутренних особенностей развития концептуальных взглядов, исторической обоснованности их смены.

Теоретической и методологической основой настоящего исследования послужили работы в области системной методологии [Берталанфи 1973; Блауберг 1977; Декарт 2000; Зайцев 2005, 2008; Кун 1977, 2003; Лакатос 1995; Печенкин 1991; Поппер 2002, 2003; Рорти 1997; Стёпин 2000; Feyerabend 1970, 1995; Чебанов 2000; Щедровицкий 1981; Feyerabend 1970, 1995;]; анализа характеристик лингвистических теорий [Васильев 1983; Гиндин 1972, 1977; Демьянков 1989, 2006, 2009; Залевская 2005; Звегинцев 1981; Кубрякова 1994, 1999, 2004; Левицкий 2014; Маляров 2005; Сусов 1999].

Материалом исследования являются концепции лингвистов отечественного языкознания по теории текста. Разработкой проблем лингвистики текста занимались многие ученые, начиная с конца 20-х годов XX века [Пропп 1928; Пospelов 1948;

Винокур 1948; Фигуровский 1948; Смирнов 1948; Жинкин 1956; Ряднова 1961; Зарубина 1970; Арнольд 1975; Киселева 1978; Акишина 1979; Гальперин 1981; Колшанский 1983; Плотников 1984; Васильев 1991; Москальчук 2003 и др.]. Актуальность исследований текста сохраняется и до настоящего момента.

В ходе исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие положения.

1. Отечественная лингвистика текста развивалась в русле европейской традиции, в которой тексту как объекту исследования всегда уделялось внимание. В связи с этим теории текста являются хорошо проработанными в работах отечественных лингвистов.

2. Невозможно построить адекватную научную классификацию лингвистики текста, базируясь на одном принципе. В связи с этим классификация должна производиться на основании принципа множественного членения в условиях системного подхода и последовательного применения процедур ее построения, а оценка теорий строиться по отношению к конкретным проблемам.

3. Для определения критериев оценки теорий текста целесообразно использование принципа моделирования. Построение же единых параметров анализа для полноценной оценки теорий текста возможно на основе применения понятия модели и ее составляющих.

5. В рамках исследования текста отечественная лингвистика текста добилась выдающихся результатов как в создании общей теории текста, так и в исследовании текста с отдельных сторон. Наиболее полно разработаны проблемы категорий текста, структуры текстов отдельных жанров, восприятия и порождения текстов. Создание универсальной объяснительной теории текста вызывает затруднение в связи со сложным специфическим строением объекта и невозможностью рассмотрения всех его параметров.

6. В лингвистике текста выделены структурная и неструктурная парадигмы. Структурная парадигма подразделяется на грамматическую и собственно структурную субпарадигмы, а неструктурная – на личностно-ориентированную и информационную субпарадигмы.

Теоретическая значимость результатов данного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в исследование комплексных системных представлений об исследовательских парадигмах в лингвистике в целом и в отечественном языкознании в частности. Также значимость определяется углублением общей теории текста и уточнением его сущностных характеристик.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты проведенного исследования могут стать основой для разработки курсов по истории лингвистики, общему языкознанию, введению в языкознание, а также в спецкурсах по лингвистике текста.

Апробация описанных в работе теоретических изысканий и практическое применение результатов претворялись в жизнь в ходе выступлений с докладами на международной научной конференции «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2010), на научно-практической конференции с международным участием «Языки и этнокультуры Европы» (Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко, Глазов, 2012), на межвузовской научно-практической конференции «Компетентностный подход в профессиональной подготовке студентов гуманитарного вуза» (КФ МГЭИ, Калуга, 2011), на конференциях аспирантов и преподавателей КГУ им. К. Э. Циолковского (Калуга, 2010, 2011, 2012, 2013 гг.) и в 2009–2013 г. в докладах на аспирантских семинарах при кафедре лингвистики и иностранных языков КГУ им. К. Э. Циолковского.

По теме диссертации имеется 16 публикаций, в том числе 3 статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем диссертации. Объем диссертации 190 страниц, из них 20 страниц занимает список литературы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений и списка использованной литературы.

Во введении дается обоснование актуальности темы данного диссертационного исследования, теоретическая и практическая важность работы, описываются методы анализа.

В первой главе характеризуется парадигма лингвистики текста; анализируются особенности развития лингвистики текста в отечественном

языкознании; рассматриваются основные положения классификаций лингвистических концепций.

Во второй главе проводится построение классификации концепций изучения текста и приводится схема анализа изучаемых теорий; анализируются ключевые подходы в области лингвистики текста; происходит критическое осмысление их содержания с точки зрения общеметодологических и внутритеоретических аспектов; оценивается важность результатов исследования в условиях развития направления в целом.

В заключении описываются наиболее общие положения, выраженные в работе, и предлагается рассмотрение перспектив для дальнейших научных исследований в области лингвистики текста.

Список литературы содержит 223 наименования на русском, французском и английском языках.

Глава 1. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

1.1. Научные парадигмы и проблема изучения лингвистических теорий

Науку часто сравнивают с кораблем, который время от времени перестраивается сверху донизу, оставаясь все время на плаву.

Ю.Д. Апресян

Развитие мировой науки принято рассматривать не столько в персоналиях и школах, сколько в перспективах и парадигмах. Первые два термина вполне понятны: персоналии означают выдающихся исследователей, а школы – группу их последователей, разделяющих сходные идеи. Сложнее обстоит дело с двумя другими терминами [Добренев 2004]. В связи с задачами данного исследования рассмотрим понятие *парадигмы*.

Ф. де Соссюр ввел в научный обиход термин *парадигма*, который обозначал формы одного слова, то есть структуру языка на примере одного слова, «как бы свод таблиц и склонений и спряжений» [Маслова 2007: 5]. Основываясь на данном определении, в научное употребление входит термин – «парадигма научного знания», который появился в работах Томаса Куна (1922 – 1995), американского физика и историка науки, автора книги «Структура научных революций» [Кун 1977]. Т. Кун утверждал: «Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Там же: 17].

Появление данного исследования было подготовлено рядом работ. Например, еще в 1935 г. Л. Флек написал работу «Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива» [Флек 1999]. В ней он показал, что научный факт – это результат

труда научного коллектива, что точка зрения, с которой ученый смотрит на объект, очень важна.

Т. Кун предложил представление о парадигме как о некоторой совокупности знаний и особенностях подхода к объекту исследования [Маслова 2007: 6]. В рамках данной концепции «научная деятельность является рациональной в той степени, в которой ученый в своей деятельности руководствуется определенным рядом дисциплинарных установок, или парадигмой, принятым научным сообществом» [Алексеев 1998: 304]. По мнению Т. Куна, с момента принятия научным сообществом определенной парадигмы, упорядочивающей научную деятельность, как раз и начинается научный этап в развитии той или иной области исследования.

Особое внимание Т. Кун уделял изучению развития науки. В историографии науки широко распространен так называемый кумулятивный подход. Согласно ему, процесс развития науки выглядит как постепенный последовательный рост однажды познанного, «... такой подход признает лишь рост науки, но отвергает ее подлинное развитие: научная картина не изменяется, а только расширяется. ... Практически это выразилось в том, что историки науки вместо анализа особенностей нового знания и путей его возникновения, едва зафиксировав его появление в истории, наперегонки бросались на поиски предшественников и предвозвестников» [Кун 1977: 269]. Т. Кун не поддерживает идею о таком образе науки. Он выделяет несколько фаз развития научного знания: допарадигматическую, фазу «нормальной науки», фазу научной революции. Рассмотрим их подробнее.

В допарадигматической стадии любая научная область представляет собой несколько научных школ, которые конкурируют между собой. На данном этапе отсутствуют общие взгляды и методики, а также общая парадигма. Т. Кун определял данные дисциплины в качестве незрелых [Гримен 2004: 44].

В парадигматической стадии коммуникация между исследователями становится гораздо легче осуществляемой, в первую очередь по той причине, что основы берутся в качестве аксиом, не требующих доказательств. Дисциплина

постепенно научно оформляется: появляются журналы, возникают кафедры при высших учебных заведениях, занимающиеся подготовкой профессиональных кадров в этой области. На данном этапе фазы нормальной науки и революции сменяют друг друга [Гримен 2004: 45]. «Нормальная наука», по Т. Куну, – это исследования, прочно опирающиеся на прошлые достижения науки, которые уже признаны конкретным научным сообществом «как основа для его дальнейшей практической деятельности» [Кун 2003: 34]. «Учёные в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими» [Там же: 50–51].

И всё же явления, о существовании которых никто не подозревал, открываются одно за другим. Аномалия стимулирует открытие, то есть в процессе установления факта, что «природа каким-то образом нарушила навешанные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки. Это приводит ... к более или менее расширенному исследованию области аномалии» [Там же: 84]. Аномалии бывают значительными. Тогда их объяснение в рамках существующей парадигмы сталкивается с серьезными трудностями. В этом случае следует «охарактеризовать затронутые ими области как области, находящиеся в состоянии нарастающего кризиса» [Там же: 101]. Т. Кун говорит, что «все кризисы заканчиваются одним из трёх возможных исходов. Иногда нормальная наука в конце концов доказывает свою способность разрешить проблему, порождающую кризис.... В других случаях положения не исправляют даже явно радикально новые подходы. Тогда ученые могут прийти к заключению, что при сложившемся в их области исследования положении вещей решения проблемы не предвидится. Проблема снабжается соответствующим ярлыком и оставляется в стороне в наследство будущему поколению.... Наконец, возможен случай, ... когда кризис разрешается с возникновением нового претендента на место парадигмы и последующей борьбы за его принятие» [Там же: 121]. Накопление большого количества знаний в той или иной области не приводит к смещению парадигм, а стимулирует реконструкцию дисциплин в науке, основываясь на новых идеях. Такое положение дел приводит к изменениям

базовых теоретических обобщений, а также методов работы. В период смены старой парадигмы на новую существует наложение проблем, которые могут решаться в условиях старой парадигмы, или появление таких, которым необходимо новое мышление. Кроме того, обнаруживаются различия в способах восприятия, разрешения проблем. «Переход от признания одной парадигмы к признанию другой есть акт «обращения», в котором не может быть места принуждению» [Кун 1977:199]. Важно отметить, что смена парадигм, по Т. Куну, «предполагает отказ и отрицание предшествующих достижений» [Маляров 2005: 14].

Несмотря на все достоинства теории Т. Куна, многие исследователи подчеркивают то, что он сузил значение термина *парадигма*. Так, И. Лакатос [Lakatos 1970], как К. Поппер до него [Popper 1959] и П. Фейерабенд до и после него [Feysrabend 1991], призывают к «теоретическому плюрализму». К. Поппер отмечал невозможность применения подхода Т. Куна ко всем областям науки. Однако он не отрицал возможность существования периода «нормальной науки», хотя отмечал, что в этот период существует несколько парадигм одновременно, что порождает дискуссии и ведет к развитию теорий. К. Поппер утверждал, что нет такой теории, которая могла бы быть полностью истинной и должна постоянно подвергаться проверке.

По мнению И. Лакатоса, в науке предполагается не только образование цепочек меняющихся теорий, о которых говорит К. Поппер, но и научных исследовательских программ, которые представляют собой совокупность структурированных определенным образом теоретических построений [Лакатос 1995]. К. Поппер концентрирует свое внимание преимущественно на борьбе между теориями, И. Лакатос добавляет к подобному рассмотрению и соревнование исследовательских программ. В связи с этим процесс развития науки по И. Лакатосу представляется не как смена отдельных научных концепций, а как появление, развитие или существование и затмение исследовательских программ. И. Лакатос отмечает, что научные революции в его понимании не обладают высокой степенью важности, так как наука в целом не

предполагает господства одной из «программ». Исследователь утверждает возможность сосуществования нескольких соперничающих программ, теорий или идей.

П. Фейрабенд критически подходил к идеям кумулятивизма в науке. Он отмечал, что теории не могут быть связаны друг с другом, для них характерны различные положения. Он говорил о теоретическом плюрализме, отрицая жесткие критерии научности. Тем самым он подчеркивал связь научного и ненаучного знания. Последнее в свою очередь рассматривалось как необходимый компонент для развития знаний в целом. В целом он стремился доказать необходимость любой теории знаний, но не учитывал, что развитие науки имеет определенные тенденции.

Дальнейшее развитие взглядов, направленных на изучение смены парадигм, находим у С. Тулмина [Тулмин 1984]. Он пишет: «Нам необходимо учесть, что переключение парадигмы никогда не бывает таким полным, как это подразумевает строгое определение, что в действительности соперничающие парадигмы никогда не равносильны альтернативным мировоззрениям в их полном объеме и что за интеллектуальным перерывом постепенности на теоретическом уровне науки скрывается основополагающая непрерывность на более глубоком, методологическом уровне» [Там же]. С. Тулмин выдвигает эволюционную модель развития науки. При помощи данного термина происходит объяснение развития научных взглядов в условиях взаимодействия таких процессов, как «инновация» и «отбор». Рассмотрение закономерностей развития науки приводит к двум классам проблем: что влияет на появление теоретических новшеств и какие обстоятельства влияют на одобрение той или иной концепции.

Необходимо также отметить исследование В.С. Стёпина [Стёпин 2000]. В результате развития, изменения и дополнения куновских идей В.С. Стёпин пришел к концепции того, что он называет «парадигматическими трансплантациями» — новому виду научных революций, лишенных соответствующих куновских кризисов нормальной науки, когда благодаря связи между различными науками в них возникают научные кризисы. В.С. Стёпин

одним из первых обогатил этой идеей научно-теоретическую философию, поскольку еще до развития, скажем, исторического конструктивизма, так называемой «сильной программы» Эдинбургской школы в социологии он установил и попытался проанализировать влияние динамики ценностей и социального резонанса на развитие науки [Ленк 2009].

Существенные изменения в основаниях науки происходили, по В.С. Стёпину, в ходе четырех глобальных научных революций, характеризующихся следующими сроками и особенностями объектов исследования, доступных уровню развития методов науки (см. табл.1).

Таблица 1. Научные революции по В.С. Стёпину

Научная революция	Период	Характеристика науки	Характеристика объектов исследования
I.	с XVII в.	классическая механистическая наука	простые системы
II.	конец XVIII — первая половина XIX вв.	классическая дисциплинарно организованная наука	сложные системы
III.	конец XIX — середина XX вв.	неклассическая наука, кибернетика, общая теория систем	сложные саморегулирующиеся системы
IV.	последняя треть XX в.	постнеклассическая наука, синергетика	сложные саморазвивающиеся системы

В соответствии с Т. Куном, выделение четырех глобальных научных революций может свидетельствовать о смене четырех глобальных, общенаучных парадигм [Мартынов 2003].

Существуют и другие взгляды на количество парадигм. Так, А.К. Зайцев выделяет пять парадигм: классическая, неклассическая, постнеклассическая, постпостнеклассическая, парадигма творения [Зайцев 2008].

Существенным признаком данного взгляда является выделение таких парадигм, как постпостнеклассическая и парадигма творения. Для данного исследования такой подход вряд ли применим в связи с задачами работы. Однако важно отметить, что в работах А.К. Зайцева подчеркивается, что ситуация в науке

представляется как «многомерная». Тем самым ученый отмечает отказ от идеи отрицания той или иной парадигмы, связанный с появлением новой.

Очевидно, что на данном этапе развития философии и методологии науки можно обнаружить немалое количество трактовок понятия «парадигма», а также разное их количество и названия. В целом в работе не ставится цель выделить универсальный подход. В связи с задачами исследования необходимо выделить выводы теоретиков развития научного знания, которые далее возможно применить к лингвистике в общем и к лингвистике текста в частности. Они заключаются в утверждении плюрализма знаний (идеи П. Фейрабенда, И. Лакатоса, В.С. Стёпина), смены парадигм не методом полного отказа от существующей теории, а переходом одной господствующей тенденции в другую без отрицания первой (идеи В.С. Стёпина, С. Тулмина, А.К. Зайцева). Основываясь на идеях Е. С. Кубряковой, мы будем определять парадигму «как своеобразное триединство ее составных частей: установочно-предпосылочной, предметно-познавательной и технической, оперативной, или процедурной» [Кубрякова 1994: 10]. В этой связи парадигму можно рассматривать одновременно и как единое целое, и как комплекс, состоящий из нескольких субпарадигм, которые объединяют перечисленные характеристики. «Если в задачу описания входит представление возможно более полной картины в теоретической лингвистике, целесообразнее представить все крупные школы современности как отдельные научные парадигмы знания и оценить настоящий этап как полипарадигмальный» [Там же]. В связи с этим перейдем к рассмотрению изучения парадигм в лингвистике.

На сегодняшний день в современной лингвистике нет однозначного подхода к выделению парадигм, изменение которых и составляет историю лингвистики. Существует много исследований, рассматривающих термин «парадигма» с точки зрения лингвистики. Так, В.З. Демьянков в статье «Термин парадигма в обыденном языке и в лингвистике» сравнивает употребление данного понятия в разных языках и стилях речи [Демьянков 2006]. В связи с этим можно выделить несколько представлений о понятии *парадигма*:

- в обыденном языке данный термин в большинстве языков определяется как образец, модель;
- в грамматике парадигма относится к образцу склонения или спряжения, задающему словоизменительные возможности лексемы. Например: «Парадигма, м., (греч.παράδειγμα – образец) (грам.), система форм изменяющегося слова, конструкции» [Ожегов 1992];
- «парадигма (от греч.παράδειγμα – пример – образец) – исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе» [Малинин 2012: 25]; смена парадигм представляет собой научную революцию (это идеи сторонников взглядов Т. Куна).

В связи с целями и задачами данного исследования целесообразно придерживаться философско-методологического подхода к определению парадигмы с внесением допустимых ограничений. Парадигма рассматривается как совокупность теорий, которые отличаются едиными моделями постановки задач и их решения и методами исследования. Важно отметить, что в настоящей работе принимается теоретический плюрализм и отрицается господство лишь одной парадигмы в определенный временной период. К тому же смена парадигм не происходит посредством «научной революции», а предполагает смену тенденций в науке, что отрицает исчезновение ранее предшествующей парадигмы.

Исследователи определяют различное количество научных парадигм на протяжении развития языкознания. Так, Ю.Н. Караулов называет историческую, психологическую, системно-структурную и социальную парадигмы [Караулов 1987]. Интересны взгляды Е.С. Кубряковой, которая выделяет четыре базовые парадигмы: «традиционную, генеративную, когнитивную и коммуникативную. Каждая из них сочетает, хотя и в разных соотношениях, элементы формального описания с функциональными объяснениями... Но каждая из них представляет особую модель описания языка и решения главных проблем в его организации и функционировании» [Кубрякова 1999: 190]. Позднее в своих работах Е.С.

Кубрякова вводит новую парадигму, а именно когнитивно-дискурсивную [Кубрякова 2004]. А.В. Кравченко [Кравченко 2001], В.В. Лазарев [Лазарев 2000] и другие современные ученые выделяют когнитивную парадигму.

Однако есть лингвисты, возводящие в ранг парадигм отдельные аспекты языкознания. Так, А.А. Ворожбитова обнаруживает лингвориторическую парадигму [Ворожбитова 2005], а В.И. Шаховский – эмотивную [Шаховский 2008] и т.д. Основываясь на анализе того или иного аспекта языка, Ю.С. Степанов выделяет три ключевых научных парадигмы – семантическую, прагматическую, синтаксическую [Степанов 1985]. Р. Богранд утверждает наличие восьми различных направлений, соотнося их со школами (дескриптивизм, логическая лингвистика) или с научными дисциплинами (традиционная грамматика, филология) [Beaugrande 1991]. В.А. Маслова характеризует три научные парадигмы – сравнительно-историческую, системно-структурную и, наконец, антропоцентрическую [Маслова 2007]. Однако подход В.А. Масловой не покрывает семантики, что не дает нам возможности базировать свое исследование на данной позиции.

Методологически значимым для настоящего исследования представляется подход И.П. Сусова. Он предлагал выделить три парадигмы в лингвистике: генетическую, системно-структурную и коммуникативно-прагматическую. Данный подход в целом коррелирует с большинством взглядов на данную проблему и включает все необходимые области языкознания. Рассмотрим подробнее основные положения и методы каждой из парадигм согласно воззрениям И.П. Сусова.

Генетическая парадигма объединяет те теории лингвистики, в которых обнаруживается принцип историзма. Согласно этому принципу, язык рассматривается в своем развитии при помощи сравнительно-исторического метода. Появление сравнительно-исторического метода и послужило причиной возникновения лингвистики как полноценной науки, так как его по праву признают первым специальным методом в языкознании (см., например: [Маслова 2007]). Пионерами сравнительного, или генетического, языкознания принято

считать немецких лингвистов Франца Боппа и Якоба Гримма, а также датского лингвиста Расмуса Христиана Раска [Березин 1984: 35–36]. Данная парадигма была главной на протяжении всего XIX века. Необходимо также отметить таких исследователей, как Август Фридрих Потт, который стал основоположником этимологии; Август Шлейхер – создатель теории родословного древа и учения о языковых формах, в основе которых он видел формальные признаки слова; Иоганн Шмидт, который создал «теорию волн». Принято считать, что пиком развития сравнительно-исторического языкознания является младограмматизм и неограмматизм. Его представители работали в рамках русских научных школ (глава Московской школы – Ф.Ф. Фортунатов, Казанской – И.А. Бодуэн де Куртенэ) [Маслова 2007: 7]. Основными заслугами данной парадигмы принято считать следующие:

- был разработан сравнительно-исторический метод, что послужило выделению лингвистики в самостоятельную дисциплину;
- сравнение языков явилось инструментом систематизации всего языкового материала;
- появилось понятие родственных языков;
- родство индоевропейских языков было доказано;
- создавались морфологические и генеалогические классификации языков, исторические грамматики и фонетики различных языков.

Следующей парадигмой в лингвистике, согласно И.П. Сусову, принято считать системно-структурную. И.П. Сусов отмечал постепенное формирование этой парадигмы. Он выделил три ступени: инвентарную, структурную и системно-структурную [Сусов 1985]. Основоположником структурализма в лингвистике принято считать Фердинанда де Соссюра. Он подчеркивал необходимость рассмотрения языка в синхроническом аспекте. Он был убежден, что для говорящего человека существенен только синхронический аспект языка, то есть подлинная и единственная реальность [Sossure 1972]. На основании результатов исследований Ф. де Соссюра и И.А. Бодуэна де Куртэне возникло несколько направлений структурализма: пражская школа (В. Матезиус, Н.С.

Трубецкой, С.А. Карцевский, Р.О. Якобсон и др.); копенгагенская школа (глоссематика) (В. Брёндаль, Х. Ульдалль, Л. Ельмслев и др.); американский структурализм (дескриптивная лингвистика) (Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф и др.); генеративная лингвистика (Н. Хомский, И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, Ю.Д. Апресян и др.).

Основными положениями данной парадигмы являются следующие:

- «язык – это системно-структурное образование, в котором все единицы связаны универсальными отношениями – синтагматическими и парадигматическими;
- язык – система знаков, соотносящаяся с другими знаковыми системами в пределах семиотики;
- строго различаются язык и речь;
- язык можно исследовать с двух точек зрения: синхронической и диахронической;
- в исследовании языка нужно использовать точные методы, сближающие языкознание с естественными науками» [Матусевич 2016: 16];
- утверждается приоритет дедуктивного языкознания;
- намечается интерес к когнитивным аспектам личности ребенка, работающим при усвоении им языка.

В дальнейшем исследования начали характеризоваться функциональным подходом и оформились в коммуникативно-прагматическую парадигму. Эта парадигма базируется на принципе деятельности. Человек рассматривается как субъект деятельности. Приоритет отдается изучению факторов, которые служат для успешной реализации коммуникативной деятельности человеком. В данной парадигме работали В.А. Звегинцев [Звегинцев 1981], Б.А. Серебренников [Серебренников 1988], Ю.С. Степанов [Степанов 1985] и многие другие. Основные достижения коммуникативно-прагматической парадигмы можно охарактеризовать следующим образом:

- на первое место ставится человек, а язык считается главной его конституирующей характеристикой, его важнейшей составляющей;

- интерес направлен на функционирование языка в каждодневном общении;
- имеет место расширение области научных исследований, а именно – формирование новых направлений исследования (психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и др.).

Применим подход, изложенный выше, к языкознанию.

В своем общем виде лингвистика может показаться наукой, с трудом поддающейся какой-либо классификации. «В истории языкознания нередко предпринимались попытки выделить основные черты для большинства научных школ» [Заец 2010: 257]. Как было рассмотрено ранее, применение термина *парадигма* значительно облегчает данное исследование. Однако необходимо выяснить, каким образом происходит смена парадигм в языкознании. Для этого вернемся к наиболее разработанной концепции парадигм – подходу Т. Куна. В нем рассматривается смена парадигм как отказ и отрицание предшествующих достижений [Маляров 2005: 14]. Подобная постановка проблемы вызвала многочисленные споры.

П. Фейерабенд утверждает, что, трактуя идеи Т. Куна традиционно, можно прийти к выводу, что разные парадигмы оперируют понятиями, в которых невозможно установление простых логических связей, более того, исследователи, относящиеся к разным парадигмам, не только применяют различные понятия, но и приходят к разным выводам и оперируют разными методами в ходе проведения исследований и оценивания их результатов [Feyerabend 1970]. Можно полагать, что данный подход не может быть применен к лингвистике, так как в данном случае методы и понятия совпадают в разных концепциях.

Однако положения, изложенные Т. Куном, применяются в лингвистике с целью описания ее истории и периодизации. Так, Э.А. Макаев успешно проанализировал процесс развития исторических взглядов и основных идей в области сравнительного языкознания [Макаев 1977]. С другой стороны, Ю.С. Степанов отмечает, что понимание парадигмы Т. Куном невозможно применить к лингвистике, так как выделение одной ее парадигмы развития затруднительно

[Степанов 1985]. В общем большинство лингвистов поддерживают данную точку зрения [Bahner 1983; Percival 1976]. И.П. Сусов утверждает, что «смена лидера в науке не всегда означает смены научных парадигм, предполагающей революционную ломку взглядов и всеобщую переориентацию исследований на новые принципы. Такие течения в языкознании, как структурализм, генеративизм и функционализм (по преимуществу синхронистские течения лингвистической мысли) совместно противостоят историко-генетическому языкознанию, но, тем не менее, не могут и сегодня взять полностью на себя ни его проблем, ни его целей и задач, то есть заменить его» [Сусов 1999: 99]. Тем самым обращается внимание на невозможность применения «понятия отрицания как ухода от старого, вчерашнего, отжившего во внешнем мире» [Зайцев 2005: 112].

«Важнейшей характеристикой современной лингвистики на данном этапе ее развития выступает ее многоликость» [Заец 2010: 257]. Основываясь на этом, можно утверждать, что «мы имеем не монолитную лингвистику, а разнообразие теорий более частного порядка, основанных на различных сферах данных, на различных философских позициях и обладающих разными конечными целями» [Демьянков 1989: 13]. Однако такое разнообразие все же позволяет определить общие тенденции. Гуманитарные науки имеют такую отличительную особенность, как «полипарадигматизм, т. е. такой прогресс знания, который обеспечивается анализом объекта сразу же по разным направлениям, в разных парадигмах знаний» [Кубрякова 1994: 4].

П.Б. Паршин полагает, что история лингвистики в XX веке — «это история перманентного методологического мятежа, протекающего на фоне и в форме последовательных теоретических переворотов, осуществляемых со значительной лёгкостью и встречаемых благосклонно» [Паршин 1996: 27]. Смена парадигм может рассматриваться в данном случае как вполне закономерная. «Познающий субъект расширяет, углубляет и стремится разнообразить предмет изучения с целью выявить все его особенности и характеристики. В то же самое время объект может изменяться. В свою очередь, желание проникнуть вглубь объекта исследования

видоизменяет предметный ракурс и требует новых познавательных возможностей» [Заец 2010: 257].

Изложенные параметры определяют сравнительно быстрое появление новых лингвистических парадигм. «Однако это совсем не предполагает смену парадигм или полный отказ от уже существующих. Как нам кажется, в данной связи уместно употреблять термин «снятие», предложенный А.К. Зайцевым в его работе «Философия ведической цивилизации» [Зайцев 2005]» [Заец 2010: 257]. «Снятие означает переход мысли от одной парадигмы к другой, более совершенной, целостной и всеобъемлющей» [Зайцев 2005: 112]. Очевидно, что в данном определении под мыслью понимается не что иное, как научные тенденции, преобладающие в той или иной области знания. Следовательно, и в языкознании происходит не скачок от одной парадигмы к другой, а переход от рассмотрения меньшего объекта изучения к большему.

В языкознании происходит «смена акцентов в воззрениях на языковой феномен, на первый план выдвигаются то эволюционная, то организационная, то функциональная стороны этого феномена. Устанавливаются и развиваются новые связи между дисциплинами, изучающими эти стороны языковой действительности» [Сусов 1985: 12]. «Термин «снятие» не подразумевает полного отрицания какой-либо из парадигм» [Заец 2010: 258], что также свойственно языкознанию. Данной позиции придерживаются многие исследователи. Например, П. Серио утверждает, что «в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время...» [Серио 1993: 52]. Парадигмы постоянно взаимодействуют между собой, обмениваются результатами полученных исследований для рассмотрения своих объектов или углубления накопленных знаний.

Особенной чертой лингвистических парадигм является преемственность. Для обнаружения новой парадигмы в лингвистике не всегда нужна новая реальность. «В лингвистике «новой реальностью» становится как раз новая интерпретация фактов!» [Кубрякова 1994: 8]. «Всякая новая парадигма не отменяет предыдущей, а активно

используя ее достижения, заставляет обратить внимание на те аспекты языка, которые в старой парадигме почти не исследовались» [Заец 2010: 258].

«Итак, мы полагаем, что в языкознании нужно употреблять термин *смена научной парадигмы* с учетом особенностей данной науки, а именно ее полипарадигмальности. Термин «научная революция» не свойственен языкознанию в своем обычном значении. Парадигмы языкознания не отрицали одна другую, а, изменяя ракурс исследования объекта, строились путем учета исследований одной парадигмы другой. Тем самым можно говорить о «снятии» объектов исследований, а не о полном отрицании предшествующей парадигмы. Важно помнить, что на современном этапе изучение языка происходит не с учетом одной доминирующей парадигмы, а с учетом всех трех парадигм изучения: генетической, системно-структурной, коммуникативно-прагматической. Видимо, и впредь исследования в языкознании будут строиться на таком принципе» [Там же].

Очевидно, что полипарадигматизм в языкознании в целом транслируется на отечественную лингвистику текста. Рассмотрим это подробнее.

Объединяя подход Е.С. Кубряковой к парадигме и доказанную полипарадигмальность в лингвистике в целом, можно предположить существование возможности утверждать, что лингвистику текста (далее – ЛТ) можно определить как мегапарадигму, объединяющую несколько парадигм и субпарадигм. Перспективность такого подхода определяется двумя составляющими.

«Во-первых, появляется возможность дать непротиворечивую классификацию теорий текста, которая на данный момент в науке отсутствует. Изучение ЛТ как мегапарадигмы предполагает выделение парадигм по историческому принципу и субпарадигм, объединяющих отдельные теории в более крупные единицы знаний, что дает возможность создания многоуровневой классификации теорий» [Филиппова 2014: 95]. Важно уточнить, что в нашей работе мы рассматриваем парадигму становления ЛТ как науки с 1920-х годов до 1991 года, то есть в советский период отечественного языкознания.

«Во-вторых, рассмотрение лингвистики текста как мегапарадигмы позволит на основе непротиворечивой классификации существующих теорий создать модель теории текста, которая тоже отсутствует в современном языкознании» [Филиппова 2014: 96].

В связи со спецификой исследований текста, а именно их полипарадигмального характера, который выражается в преемственности между субпарадигмами, особое внимание стоит уделить внутрипарадигмальным связям, применяя компаративный анализ теорий. Попытаемся рассмотреть историю развития взглядов на понятие текста.

Исследователи издавна интересовались рассмотрением различных текстов. Первоначально это касалось сакральных текстов, играющих центральную роль во всех крупнейших религиях. Позже объектом изучения стали тексты других типов, в частности юридические и литературные. С конца XIX в. тексты стали предметом пристального внимания этнологов. Однако понятие «текст» стало собственно лингвистическим, когда стало определяться как единица языка и речи [Москальская 1981: 4]. Исследования текста окончательно оформились в дисциплину под названием «лингвистика текста». ЛТ начала свое формирование в 60-е годы XX века (см. [Маслова 2007: 19], [Левицкий 2014: 69]). Очевидно, что ЛТ – это наука многогранная и очень сложная. В связи с этим можно говорить о различных областях исследований в пределах ЛТ. Несмотря на большой накопленный материал в области исследования текста, мы не можем говорить о сложившейся классификации в этом разделе отечественного языкознания. Однако, базируясь на историческом подходе, можно проанализировать развитие знаний в отечественной ЛТ, что соответствует задачам исследования. Мы предлагаем придерживаться взглядов С.И. Гиндина на развитие знания в области ЛТ [Гиндин 1977]. Итак, можно выделить следующие периоды развития отечественной ЛТ.

1. Предыстория отечественной ЛТ.

Этот этап относится к 1920-30-м годам. В данный период «представления о целом тексте складывались в основном в теоретической поэтике» [Там же: 348].

Но для рассмотрения текста как собственно единицы языка необходимо было рассмотреть все аспекты предложения, найдя в них те вопросы, которые требуют выхода за аспекты предложения. Данные проблемы и были обнаружены в 30-х годах при изучении пунктуации [Фигуровский 1936], а затем и интонации [Артоболевский 1959].

2. Выход за рамки предложения.

В конце 1940-х годов все больше и больше говорят о необходимости рассмотрения сложного синтаксического целого как особой единицы синтаксиса [Москальская 1981: 5]. Так, Н.С. Пospelов утверждал: «При изучении синтаксического строя связной речи следует исходить не непосредственно из предложения, которое не обладает в связной речи достаточной самостоятельностью, а из сложного синтаксического целого как синтаксической единицы, более независимой от окружающего ее контекста связной речи» [Пospelов 1948: 41]. Как утверждает С.И. Гиндин, 1948 год можно по праву признать годом рождения отечественной ЛТ [Гиндин 1977: 348]. Он связывает это с появлением работ таких ученых, как Г.О. Винокур [Винокур 1948], И.А. Фигуровский [Фигуровский 1948], А.А. Смирнов [Смирнов 1948]. В работах данного периода был намечен весьма широкий круг межфразовых связей, которые зачастую сводились к рассмотрению связей между частями предложения.

Однако Н.И. Жинкин указал на необходимость рассмотрения связи предложений в тексте с учетом соотнесенности и взаимной «обоснованности» лексического состава и временных характеристик предложений [Жинкин 1956: 215]. Это обозначило значительный сдвиг в исследованиях ЛТ. Н.С. Пospelов указал на существование в тексте особой «легко обозримой» единицы, промежуточной между отдельным предложением и всем текстом [Пospelов 1948]. Далее А.А. Смирнов доказал релевантность подобной единицы для процесса восприятия и запоминания текста [Смирнов 1948]. Позднее Н.И. Жинкин обратил внимание на наличие в тексте сверхфразового единства (далее СФЕ), которое является одним из важнейших показателей единого механизма

построения письменного текста [Жинкин 1956]. Как единица промежуточного уровня СФЕ должно быть отграничено от отдельного предложения и от последовательности предложений, не образующих СФЕ, или соседних СФЕ того же текста. В отграничении СФЕ от предложения трудность представляет сложносочиненное предложение.

Н.Д. Зарубина предприняла попытку указать определенные признаки, отличающие сложносочиненное предложение от комплекса самостоятельных предложений. Отдельные предложения и синонимичные им комплексы предложений стали рассматриваться как разные поверхностные реализации общей для них глубинной структуры [Зарубина 1970]. «Граница между СФЕ и последовательностью предложений, не образующих СФЕ, или соседних СФЕ того же текста определяются: 1) смысловой самостоятельностью и законченностью; СФЕ сохраняет эти параметры и при извлечении из контекста, 2) особым присоединительным характером связей между предложениями, входящими в СФЕ» [Гиндин 1977: 352].

Понятие сверхфразового единства рассматривалось и в дальнейшем такими исследователями, как Т.С. Ряднова [Ряднова 1961], Б.С. Кандинский [Кандинский 1968] и другими. Важно отметить, что в нашей работе данные исследования преимущественно не будут входить в собственно исследовательскую часть. Это можно объяснить тем, что все положения, выявленные на данном этапе, лишь частично рассматривают понятие «текст». Здесь речь идет скорее о необходимости рассмотрения единиц, выходящих за пределы предложения. К тому же на данном этапе нет работ, относящихся к общим теориям.

3. Аккумуляция мнений.

К этому периоду относятся исследования 1950-60-х годов, которые продолжают рассмотрение заявленных проблем текста и его составляющих. Характерной чертой этой стадии развития ЛТ можно отметить тот факт, что отсутствует интердисциплинарность исследований. Так, «грамматисты не ссылаются на исследования специалистов по стилистике, русисты – на работы англистов, языковеды не знают о поисках психологов. Контакты затруднены и

тем, что каждая из названных групп, приходя к ЛТ от специфических проблем своей науки, предлагала и собственную терминологию» [Гиндин 1977: 348].

4. Систематизация накопленных знаний.

1970-е годы характеризуются интересом к систематизации накопленных знаний в области ЛТ. Об этом свидетельствуют сборники научных материалов по лингвистике текста [Лингвистика текста 1974], психолингвистике и теории коммуникации [Материалы 5-го Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации 1975]. Также в этот период оформилась новая проблематика исследований ЛТ, а именно рассмотрение онтологического статуса текста, роль намерения говорящего, ситуативно-жанровые условия и нормы в конституировании единства и отдельности текста. Данные вопросы рассматривались в работах С.И. Гиндина [Гиндин 1977], Б.М. Лейкиной [Материалы 5-го Всер. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации 1975: 33–36], Г.В. Колшанского [Лингвистика текста 1974: 139–142], а также других исследователей [Гиндин 1977: 355].

Изучение способов построения текстов послужило толчком для развития разнообразных типологий текстов. Эти исследования отражены в работах С.И. Гиндина [Гиндин 1971] и других лингвистов.

5. Современный этап.

Данный этап развития ЛТ начался с 1980-х гг. На этом этапе текст предстает как сложная многоуровневая структура, у которой нет однозначного определения. В этот период возникла общая ЛТ, представленная работами О.И. Москальской [Москальская 1981], И.Р. Гальперина [Гальперин 1981], З.Я. Тураевой [Тураева 1986], и другими; семиотический подход, разрабатываемый Ю.М. Лотманом [Лотман 1972] и др.; психолингвистический, который обращен к особенностям восприятия и порождения текста в работах Е.Ф. Тарасова [Тарасов 1987], Ю.А. Сорокина [Сорокин 1985, 1997], логико-лингвистический семиотический подход Л.Г. Васильева [Васильев 1999; 2014], межкультурный подход И.Э. Клюканова [Клюканов 1999], информационно-семиологический подход (Р.Г. Пиотровский [Пиотровский 1975], Е.А. Шингарева [Шингарева 1986, 1987]) и др. Привлекают

внимание многих исследователей работы в области филологической герменевтики [Богин 1986]. К середине 90-х годов популярность приобретает синергетический подход. Преимущественными направлениями в данном аспекте стали самоорганизация текста [Москальчук 1998], синергетический подход к метафоре [Базылев 1997], синергетика перевода текстов [Кушникова 2014] и другие вопросы. Актуальным остается вопрос соотношения текста и дискурса. Особый интерес лингвисты проявляют к лингвокультурологическому аспекту изучения текстов [Пушина 2017].

Очевидно, что изменение парадигм в языкознании наглядно отражается и в отечественных исследованиях ЛТ. Однако нельзя забывать и о том, что одна парадигма не отрицает другую, а базируется на полученных знаниях. До сих пор ведутся исследования в разных парадигмах. Проблематика ЛТ широка и многогранна, что требует систематизации и классификации.

1.2. Методологические основы организации исследования

Любая научная организация исследования требует четких и объективных оснований. Использование научных принципов, а также методов теории систем является одним из условий подобной организации. Общенаучное методологическое направление, получившее название «общей теории систем» или «системного подхода» возникло в середине XX века и представляет собой довольно значительное по объему изданных работ движение.

«Общая теория систем», как ее назвал Л. фон Бергаланфи, возникла в виде оппозиции пониманию научного знания как описания событий по законам причинности, выражаемым в математической форме. Эта теория имеет своим философским истоком работы Р. Декарта и Ф. Бэкона, а прочно вошла в науку благодаря Галилею [Айдаров 2006]. Данная методологическая установка себя в науке оправдала, но вместе с тем выяснялась и ее ограниченность.

Л. фон Бергаланфи об этом пишет: «Этот метод работал достаточно хорошо до тех пор, пока наблюдаемые процессы позволяли расчленение на отдельные

причинно связанные цепи событий, то есть сведение этих процессов до уровня отношений между двумя или несколькими переменными. На этом фундаменте строились выдающиеся успехи физики и опирающейся на нее техники. Но он ничего не давал, когда речь шла о задачах со многими переменными. Они встречаются уже в механической задаче трех тел, а тем более, когда речь заходит об изучении живого организма или даже атома, по сложности превышающего простейшую систему атома водорода «протон-электрон» [Берталанфи 1973: 22]. Недостатком данного метода являлось прежде всего то, что исследователь сосредоточивался на отдельных частях и процессах, к чему призывало еще второе логическое правило Декарта: «Разделить каждое из рассматриваемых мною затруднений на столько частей, на сколько возможно и сколько требуется для лучшего их разрешения» [Декарт 2000: 80] и упускал из виду организацию, являющуюся фундаментальным признаком живого. Основным нововведением Л. фон Берталанфи в связи с этим явился перенос акцента с исследования отдельных частей и процессов на систему отношений между ними.

Очевидно, что при построении классификации исследований ЛТ, которая понимается здесь как мегапарадигма, включающая в себя парадигмы и субпарадигмы, потребуются основные положения общей теории систем для упорядочивания теорий.

В общей теории систем принято выделять следующие основные положения.

1. «В мире нет ничего, кроме иерархической совокупности систем.
2. Основу общей теории систем составляют фундаментальные положения термодинамики: закон сохранения энергии замкнутой системы (первое начало), закон возрастания энтропии замкнутой системы (второе начало), закон стремления к нулю энтропии (неупорядоченности) системы при стремлении к нулю её температуры (третье начало, или теорема Нернста), принцип Ле-Шателье (внешнее воздействие, выводящее систему из равновесия, стимулирует в ней процессы, стремящиеся ослабить это воздействие) и принцип наименьшего рассеяния энергии Онсагера (или обобщающий его на случай сильно неравновесных систем критерий Гленсдорфа – Пригожина)» [Базаров 1991].

3. «Количественной величиной, характеризующей систему, является пропускная способность образуемого ею информационного канала» [Вентцель 1964].

4. Любая система основывается на иерархическом принципе. Это необходимо для улучшения работы системы в целом, то есть пополнения новыми элементами.

5. Подсистемы нижних уровней системы вынуждены упрощаться в условиях роста системной иерархии.

6. Закон однонаправленности вектора развития.

7. Развитие системы опирается на закон неравномерности. С точки зрения философии, это гегелевский закон перехода количества в качество. Л. Н. Гумилёв [Гумилев 1994] экспериментально подтвердил его в социологии. Такой закон является следствием системной иерархии: «Ясно, что о всяком свойстве (элементе) симметрии можно сказать только либо, что оно есть, либо, что его нет; оно может появиться или исчезнуть сразу, скачком, а не постепенно» [Ландау 1964: 285].

Изучение научных знаний имеет в своей основе принципы системного исследования, которое в свою очередь базируется на принципах, заложенных в общей теории систем. Понятие *системные исследования* можно определить как метод исследования. Он предполагает не рассмотрение частных случаев, а ориентируется на изучение оперирования сложных систем, которые состоят из множества частных явлений, и анализ взаимодействия компонентов в данных системах. Целью такой работы видится стремление к единообразному пониманию сложных комплексов, состоящих из подмножеств, для объяснения которых необходимо привлечь несколько научных дисциплин.

Основными процедурами в ходе реализации системного исследования являются анализирование и синтезирование систем. Производя анализ, необходимо выделить систему из среды, определить ее состав, структуру и возможные функции, охарактеризовать ее свойства и факторы, на которых она строится, описать связи со средой. Процедура синтеза предполагает создание

модели реальной системы, с помощью которой станет возможным улучшить абстрактное описание системы, определить полноту ее состава, структуру, основания для описания, динамические закономерности, особенности поведения.

Системный анализ возможен «там и только там, где сохраняется несколько разных предметов, и мы должны работать с этими разными предметами, двигаясь как бы над ними и по ним, добиваясь связного описания объекта при различии и множественности фиксирующих его предметов» [Щедровицкий 1981]. В системном исследовании анализируемый объект рассматривается как определенное множество элементов. Их связь подтверждает целостность этого множества. Важным аспектом является выделение разнообразных связей и отношений внутри объекта исследований, а также его отношения и связи с окружающей его средой. Г. П. Щедровицкий описывает это как «принцип множественности представлений и знаний, относимых к одному объекту» [Там же]. Рассмотрение основных свойств объекта (а именно целостной системы) заключается не в их перечислении, а в выявление свойств и связей в структуре данного объекта.

«Специфика системного исследования определяется не усложнением методов анализа (в известном смысле эти методы могут даже подвергаться упрощению), а выдвижением новых принципов подхода к объекту изучения, новой ориентации всего движения исследователя» [Спицнадель 2000: 129].

Соответственно, можно утверждать, что такое стремление исследователя построить целостную картину объекта будет характеризоваться следующими положениями.

1. Исследование объекта с системной позиции на основе описания его составляющих не имеет самостоятельной ценности, так как этот объект описывается с учетом его места в общей системе.

2. При системном исследовании один и тот же субстрат (материал) обладает разным набором характеристик, параметров, функций и строением. Это проявляется в иерархичности любой системы. Проблема возникает на этапе поиска взаимосвязей разных уровней одного объекта. И.В. Блауберг отмечал, что собственно реализацией поиска таких взаимосвязей уровней одного объекта

является управление [Блауберг 1977]. Под управлением в данном случае понимается разнесение субстрата в соответствии с характеристиками к конкретным уровням системной иерархии.

3. Система всегда рассматривается в совокупности с условиями ее существования.

4. Особая характеристика системного подхода видится в задаче построения свойств единого целого из свойств его компонентов, то есть разнообразных характеристик. Такой процесс также наблюдается и в обратном порядке.

5. В ходе системного исследования причинные объяснения функционирования и развития объекта кажутся неполными.

6. Все системы подвергаются изменениям. Источники таких изменений зачастую обнаруживаются в самой системе, что связано с «целесообразным характером поведения систем». Системные объекты часто являются самоорганизующимися системами. Еще одной особенностью системных исследований является необходимость учета большого количества специфических характеристик и степеней свободы [Спицнадель 2000: 12].

Объектом системного исследования в нашем случае будет выступать сама ЛТ как раздел науки о языке. Различные направления внутри ЛТ рассматриваются как отдельные парадигмы знаний в составе мегапарадигмы. Необходимость определения понятия ЛТ обуславливается целями исследования. Чтобы охарактеризовать то или иное направление, необходимо получить представления об объекте как о целом, учитывая его многообразие. Такое понимание определяет критерий для классификации и станет базой для решения задач, поставленных исследованием.

Можно предположить, что ЛТ не имеет четких, фиксированных границ. Это объясняется тем, что язык – это сложная система, где ее части (подсистемы) находятся в тесном взаимодействии, так что, говоря об объектах и границах ЛТ, следует абстрагироваться от междисциплинарных связей. В целом, ЛТ характеризуется как полипарадигмальная мегапарадигма, которая включает в себя парадигмы. В свою очередь, в парадигмах выделяются субпарадигмы.

ЛТ развивалась в русле исследований в языкознании. Представляется невозможным представить эволюционную парадигму в ее составе, так как ЛТ сформировалась позже и в нее не входит круг задач данной парадигмы. Очевидно, что обнаруживаются варианты системно-структурной и коммуникативно-прагматической парадигмы в ее составе (в терминологии И.П. Сусова).

В самом общем виде применение системного подхода к анализу лингвистической теории предполагает следующие действия.

1. Выделение объекта исследования.
2. Обнаружение и «классификация внешних и внутренних связей выделенного объекта исследования.
3. Анализ среди выявленных связей системопорождающих, системообразующих и системообуславливающих.
4. Проведение анализа системных свойств и принципов поведения системы, возникших в результате интегративных процессов.
5. Конструирование такой структуры системных свойств и принципов поведения системы, которые дадут возможность в ходе исследования добиться при наличии определенных ограничений нужного результата.
6. Управление системой в целях обеспечения стабильности в структуре системных свойств и принципах поведения системы» [Маляров 2005: 15].

Важно отметить, что данное исследование не предполагает выполнения всех описанных положений, так как не ставится задача построения целостной системы. Предложенная работа ограничивается первыми четырьмя этапами данного процесса. В ходе исследования результатом последовательного развертывания этих процедур должны стать новые представления о системе. Системный подход опирается на качественно-интегральные и многомерные измерения действительности. Предмет как целое, как система изучается всегда с позиций выяснения и определения свойств, которые делают его системой и являются его системными качествами.

Первый этап систематизации предполагает выделение объекта. В данной работе это непосредственно связано с заданием критериев для определения отбора

теорий, которые в дальнейшем лягут в основу для классификации. Перейдем к их рассмотрению.

К данному моменту было накоплено большое количество работ в области исследования текста в отечественной лингвистике. Все имеющиеся теории не стоит проверять и рассматривать, так как, как было рассмотрено ранее, в ЛТ можно выделить субпарадигмы, которые будут включать теории с характерными для данной субпарадигмы особенностями. Очевидно, что для объединения теорий в рамках одной субпарадигмы должны иметься схожие параметры и характеристики. Тем самым подтверждается избыточность описания всех возможных теорий одной парадигмы. В связи с этим возникает вопрос: по какому принципу производить отбор теорий? Попытаемся на него ответить, обратившись к исследованиям роста научного знания в философии.

По мнению К. Поппера, «наука начинается с проблем и развивается от них к конкурирующим теориям, которые оцениваются критически» [Поппер 2002: 143]. В большинстве случаев теория сталкивается с неразрешимыми проблемами, в результате чего возникают новые горизонты исследований. Однако это не означает крушения всех представлений, неудача одной теории ставит новые проблемы, а следовательно, можно наблюдать научный прогресс. Такой цикл К. Поппер отобразил на следующей схеме:

$$\langle P_1 = > TT = > EE = > P_2,$$

где P_1 – исходная проблема, ТТ – пробная теория, которая может быть (частично или в целом) ошибочной. Эта теория обязательно подвергается процессу устранения ошибок ЕЕ, который может состоять из критического обсуждения или экспериментальных проверок. Результатом является появление новой проблемы P_2 » [Поппер 2002: 20].

Из процедуры «критической проверки теорий» вытекает следующий вывод: все существующие научные теории рано или поздно будут фальсифицированы. Это и является основой попперовского «учения погрешимости знаний», которое получило название «фаллибилизм»: «все законы и теории следует считать

гипотетическими или предположительными... все наши теории являются и остаются догадками, предположениями, гипотезами» [Поппер 2002: 23].

К. Поппер в достижении объективной истины той или иной теории отталкивается от следующего утверждения: несмотря на то, что все ошибаются, «уже сама идея ошибки и человеческих заблуждений предполагает другую идею – идею объективной истины: того стандарта, от которого мы можем отклоняться» [Поппер 2003: 35]. К. Поппер вводит принцип ошибочности. Ошибки могут скрываться даже в самых проверенных теориях. Следовательно, основной задачей исследователей является поиск ошибок, что будет являться толчком для последующего развития теорий.

Выявление ошибок внутри теории не приводит к ее исчезновению. Некоторые ошибки могут быть решены в дальнейшем развитии концепции. П. Фейерабенд для описания таких обстоятельств вводит понятие «принцип упорства» или прочности. Принцип упорства кажется уместным, так как теории склонны к развитию, совершенствованию и в дальнейшем могут преодолеть трудности, которые теория у своих истоков решить не могла [Feyerabend 1970]. Экспериментальные результаты не могут быть безоговорочной основой для верификации теорий, поскольку они могут быть ошибочны. Разные экспериментаторы могут совершать различные ошибки. В целом требуется время, чтобы получить единые результаты экспериментов [Там же]. К. Поппер также недоверчиво относится к фактам. Он полагает, что «факты не являются основой теорий, а также их гарантией: они не более надежны, чем какие-либо из наших теорий или “предрассудков”, но даже менее надежны, если вообще можно говорить об этом» [Popper 1979].

Возникает логический вопрос: «Могут ли некоторые теории быть лучше других?». Основанием для ответа, по К. Попперу, является отсутствие «абсолютной надежности (reliance), но, поскольку выбирать все же приходится, будет «рационально» выбрать лучше всего проверенную теорию» [Поппер 2002: 31]. Рассматривая данную проблему, К. Поппер вводит такие понятия, как *степень подкрепления теории* и *правдоподобность*.

«Под степенью подкрепления теории я подразумеваю сжатый отчет, оценивающий состояние (на данный момент времени t) критического обсуждения теории с точки зрения того, как она решает свои проблемы, ее степени проверяемости, строгости проверок, которым она подвергалась, и того, как она выдержала эти проверки. Таким образом, подкрепленность (или степень подкрепления) теории – это оценочный отчет о ее предыдущем функционировании... Иногда мы можем сказать о двух конкурирующих теориях А и В, что в свете состояния критического обсуждения на момент времени t и эмпирических данных (проверочных высказываний), полученных в ходе обсуждения, теория А оказывается более предпочтительной или лучше подкрепленной, чем теория В... Правдоподобность высказывания будет определена как возрастающая с ростом его истинностного содержания и убывающая с ростом его ложностного содержания» [Поппер 2002: 25, 28].

Отсюда можно сделать вывод, что содержание теорий, а также их объяснительная сила представляются ключевыми регулятивными идеями с целью их оценки. Эти параметры находятся в тесной связи с уровнем проверяемости теорий. По К. Попперу, принципиальным положением для оценки теории является истина, а точнее то, что он называет «правдоподобностью (plausibility)».

Оценка теории существенна для развития научных представлений в целом. Рассмотрение ошибок и недостатков тех или иных теоретических положений приводит исследователей к истине. Однако нет необходимости производить оценку всех теорий. Низкая степень проверяемости, нехватка содержания в научных концепциях делает невозможным процедуры их оценки [Popper 1979]. Из этого можно сделать вывод, что не стоит производить оценку теорий, которые не имеют достаточной объяснительной силы и, как следствие, не представляют большого интереса для науки. Априорная оценка используется для определения степени возможности оценивания той или иной концепции. Теории следует оценивать с точки зрения тех проблем, которые существовали ранее. Затем производится проверка теории. Концепции, которые обладают высоким уровнем проверяемости, вызывают наибольший научный интерес даже при условии, что в ходе проверки

обнаруживаются противоречия. Выявление недостатков, даже если они приводят к краху теории, бывает продуктивным, так как оно показывает направление для появления лучшей теории или развития старой.

В работе анализ направлений и теорий ЛТ в целом строится с применением данного принципа. При помощи априорной оценки выявляются ключевые концепции и направления ЛТ, которые представили способы решения основного круга задач рассмотрения объекта и привели к приросту научных знаний. Данные теории подвергаются последующей проверке, чтобы выявить их объяснительный потенциал и найти ошибки в теоретических построениях.

Еще одним критерием отбора теорий является темпоральный. В данном случае мы считаем необходимым и возможным отразить период, насыщенный большим количеством работ и разработкой новых подходов. К тому же начало 1990-х годов является кульминацией развития всех течений в области ЛТ. Тем самым в работе отражаются наиболее значимые исследования заявленного периода. Кроме того, 1991 год является распадом СССР, а в работе рассматриваются исследования советского периода.

Очевидно, что системный принцип не является единственным для построения классификации. В связи с этим рассмотрим особенности построения теоретико-лингвистической классификации.

Классифицирование занимает одно из важных мест в работе лингвиста. Однако построение классификации сталкивается с рядом методологических затруднений. По словам С.В. Чебанова, «подавляющее большинство «классификаций» создается лингвистами почти спонтанно, по образцу, без достаточного обсуждения их методологической корректности. Поэтому обычно трудно составить представление о философских и методологических основаниях соответствующих построений, а делать это приходится косвенно (по принадлежности к школе, попутным замечаниям и т.д.)» [Чебанов 2000: 27]. Однако результатом классифицирования (процесса создания классификации) должно стать непротиворечивое и достаточно исчерпывающее описание объекта. С.В. Чебанов

рассматривает классифицирование как «упорядочивающе-систематизирующую деятельность». Данная деятельность включает в себя следующие этапы.

I. Упорядочивание.

Данная процедура включает в себя задание множественности взглядов на объект исследования и их соотношение с «архетипом и индивидом». В свою очередь, существует три типа упорядочивания.

А. Диагностика «позволяет на основании диагностического синдрома признаков индивида соотнести его с некоторым архетипом» [Чебанов 1983: 24].

Б. Именованье заключается в соотношении индивида и архетипа.

В. Шкалирование соотносит результаты диагностики и именованья. Оно может быть трех видов:

- количественное (измерение);
- порядковое (ранжирование);
- номинальное (наименование).

II. Систематизация.

В отличие от упорядочивания систематизация имеет дело не только с меронимическими, но и с таксономическими процедурами. В процессе систематизации осуществляется следующие процессы.

А. Фрагментация включает в себя операции деления понятий и операции над ними. Принято различать три вида фрагментации:

- иерархическая;
- комбинативная;
- параметрическая.

Б. Морфологизация занимается обобщенным строением представителей некоторой группы с использованием собирательных категорий.

В. Группирование заключается в разнесении сходных экземпляров по группам.

Любая классификация будет обладать рядом характеристик.

- Функция.

Классификация осуществляет систематизацию определенной предметной области и вместе с этим задает общее направление ее дальнейшего целенаправленного исследования и может провоцировать создание новых научных дисциплин [Субботин 2001: 10–11].

- Зона действия.

Данная характеристика может говорить об объеме охвата объекта исследования, то есть об особенностях классификации как статического объекта, а также может рассматривать особенности классификации как эволюционирующего объекта, то есть проследить исторически изменения в той или иной классификации [Покровский 2009: 326].

- Номенклатура.

В большинстве классификаций достаточно трудно проследить те или иные основания отнесения и соотнесения рассматриваемого материала. Однако данный параметр является важным для построения непротиворечивой классификации.

- Варианты членения.

Классификация может предполагать множественность членения. В связи с этим при построении классификации необходимо проводить соотнесение и обоснование задач и варианта членения.

- Неклассифицируемые остатки.

Большое количество классификаций не опирается полностью на описанные принципы построения. В связи с этим в материале всегда возникает остаток, не подходящий под общие основания классификации. Поэтому необходимо вводить поправки, которые в свою очередь разрушают строгость положенных в классификацию принципов.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что последовательная теоретико-лингвистическая классификация должна обладать следующими параметрами: поставленные перед исследователем задачи должны определить цель классификации; ее функции; ее зону действия; выбор подходящего деления объекта классификации; всестороннее описание группировок и принципов отнесения к ним;

минимизацию неклассифицируемых остатков. Эти критерии легли в основу построения классификации ЛТ.

Выделив данные критерии, попытаемся проанализировать существующие группировки исследований ЛТ.

Современная ЛТ насчитывает большое количество различного рода исследований. Очевидно, что такое многообразие должно быть классифицировано.

Однако в современной отечественной лингвистической литературе до сих пор отсутствует четкая классификация исследований текста. Обращаясь к опыту группировок исследований в области ЛТ, можно отметить, что большинство исследователей лишь обзорно отражают историческое развитие исследований ЛТ. Такие представления находим у И.Р. Гальперина [Гальперин 2006], В.Е. Чернявской [Чернявская 2009], В.А. Масловой [Маслова 2007] и других исследователей.

И.Р. Гальперин предлагает выделять два направления в развитии ЛТ: построение грамматики текста и развитие общей теории текста [Гальперин 2006: 8]. Первое стремление предполагает описание правил, закономерностей для построения структуры текста. Второе направление отражает переход от изучения конкретных примеров к выделению закономерностей. Автор отмечает, что первый подход относится к европейской традиции, а второй – к советской. Анализируя данный подход в связи с критериями, выделенными ранее, становится очевидным полное противоречие процедурам построения классификации. Так, не отражена множественность взглядов хотя бы списочным упоминанием представителей исследований, не определена зона действия классификация, представленные направления не имеют единого критерия выделения. К тому же в двух противопоставленных подходах цель исследований сводится к одному – определить компоненты структуры текста, а это противоречит этапу систематизации.

В.Е. Чернявская выделяет три этапа развития взглядов в ЛТ.

1. Грамматика текста. На данном этапе рассматривались правила объединения цепочек предложений или высказываний в более крупные единицы.

2. Коммуникативно-прагматический этап (предполагает функциональное описание текста). В этот период изучалась связность и цельность текста.

3. Когнитивно-ориентированный анализ, предполагающий исследование процессов порождения и восприятия текста [Чернявская 2009: 15–16].

В данном случае рассматриваются три подхода в области ЛТ. Однако с трудом можно обнаружить единый критерий их выделения. Так, понятия связности и цельности непосредственно относятся к изучению в области грамматики текста, так как являются его категориями. Также отсутствует критика и концептуальное обоснование полученных результатов, не ясны критерии отнесения работ исследователей к тому или иному направлению, так как не задан даже их списочный состав.

В работе В.А. Масловой можно обнаружить два подхода к изучению накопленных исследований в области ЛТ. Первый базируется на изменении объекта исследования. В.А. Маслова отмечает здесь два этапа: рассмотрение текста и его категорий и изучение текста как социально-речевого произведения [Маслова 2007: 20]. Далее автор приводит перечень подходов в области ЛТ: синтаксический, стилистический, структурно-семантический, общая ЛТ, прагмалингвистика, семиотический, гносеологический, психолингвистический, герменевтический, интерпретация текста, социопсихолингвистический, семиопсихолингвистический, лингвокультурологический, когнитивный, дискурсивный. К каждому из подходов дается список авторов, работающих в том или ином направлении. Однако основные положения рассматриваются только относительно нескольких групп теорий. К тому же отсутствуют четкие основания для выделения такого количества подходов. Непонятным остается сочетание первого и второго вариантов членения исследований в области ЛТ. Данного рода представление материала носит скорее описательный характер.

В целом, можно обнаружить, что работы И.Р. Гальперина, В.Е. Чернявской, В.А. Масловой нельзя отнести к понятию *классификация*. Это объясняется тем, что не выделен параметр, который положен в основу классификации, и нет критериев групповой отнесенности; не определены цели классификации и ее функции; не

обосновывается соотнесение исследователей и направлений; не объявлена зона действия; не для каждой группы задается списочный состав.

К более цельным, по нашему мнению, классификациям можно отнести рассмотрение направлений ЛТ. Такого рода классификацию находим у З.Я. Тураевой [Тураева 1986]. Она выделяет шесть направлений ЛТ.

1. «Изучение текста как системы высшего ранга, основными признаками которой являются целостность и связанность.

2. Выстраивание типологий текстов.

3. Изучение единиц текста.

4. Рассмотрение особых текстовых категорий.

5. Анализ функционирования языковых единиц в тексте.

6. Изучение межфразовых связей и отношений» [Там же: 7].

Если анализировать данный подход по принципам С.В. Чебанова, то можно прийти к следующим выводам: очевидным оказывается тот факт, что классификация не включила в себя этапа систематизации, так как отсутствует единый критерий классификации и иерархическая фрагментация, то есть ступенчатость. Более того, рассмотрение эволюции исследований того или иного направления сводится к перечислению персоналий с точки зрения историзма, что затрудняет понимание оснований отнесения той или иной теории к предложенному направлению, а значит, в данной классификации отсутствует номенклатура, то есть обоснование критериев членения объекта классификации. Также зона действия подхода З.Я. Тураевой не отражена в исследовании. В связи с этим можно сделать вывод о недостаточности данного подхода.

Еще один системный подход к изучению теорий текста мы находим у А.А. Залевской [Залевская 2005]. Исследователь рассматривает теории понимания текста и выделяет:

- логико-лингвистический подход;
- системно-семиотический подход;
- герменевтический подход;
- когнитивный подход;

- психолингвистический подход;
- подход с позиций психопоэтики.

В этой классификации четко прослеживается зона действия: здесь мы имеем дело с теориями текста, рассматривающими его понимание. Тем самым определяется и функции классификации, а именно систематизация конкретной предметной области. В связи с четким определением зоны действия классификации можно утверждать, что в данном роде классификации не требуется ступенчатость (иерархическая фрагментация) в связи с объектом исследования. По каждому направлению представлен анализ работ ведущих исследователей в этой области. Тем самым можно говорить о наличии строгой номенклатуры, ведь выделяются основания для отнесения той или иной позиции к определенному подходу. Такое положение дел дает возможность сделать вывод о непротиворечивом подходе к анализу теорий понимания текста. Однако область применения сводится лишь к перцепции текста, а не к разнообразным аспектам текста.

Проанализировав опыт группировок исследований, можно утверждать, что было бы неверно говорить о наличии последовательной классификации отечественных исследований текста в чистом виде. Однако представляется возможным выделить еще один блок критериев, которые послужат необходимыми элементами для проведения этапа систематизации при построении классификации теорий ЛТ, а также для правильного выбора членения объекта классификации. Эти критерии включают: центральное понятие (текст), методологическое описание аспектов центрального понятия, универсальность, количество уровней (см. об этом: [Маляров 2005]).

1.3. Метаязык лингвистики текста

Предметом исследования данной научной работы являются накопленные теории в области ЛТ. Мегапарадигма ЛТ является сложной системой, которая состоит из подсистем. Они также могут иметь многоуровневую структуру. Необходимо помнить, что подсистемы не обладают линейным строением. Очевидно,

что не существует возможности разложить естественную систему на конечное число элементов. Одно и то же явление может одновременно относиться к разным подсистемам и уровням. Из этого можно сделать вывод, что к исследованию теорий ЛТ необходимо применять модульный принцип анализа. Он предполагает изучение с применением нескольких критериев.

Представленная выше структура описания системы может быть сведена к следующим процедурам.

1. Рассмотрение объекта, которое включает:

- а) выделение объекта из окружающей действительности;
- б) задание множественности представлений об объекте.

2. Выявление и классификация внешних и внутренних связей ЛТ. Данная процедура начинается с системного анализа центрального понятия ЛТ – *текст*. В дальнейшем анализ строится по принципу соотнесения отдельных элементов с центральным понятием.

Интеграция двух первых операций приведет к системному рассмотрению направлений ЛТ, так как эти ступени отвечают основным принципам общей теории систем.

3. Анализ теорий ЛТ, то есть членение объекта. Основой для рассмотрения теории будет являться ее высокая степень верифицируемости. «Теория и экспериментальные исследования должны составлять одно целое, быть неразрывными компонентами познания исследований. Сложность изучения языка заключается в том, что язык выступает и как объект, и как средство изучения. Нельзя познать язык, не пользуясь языком. Любая лингвистическая теория должна базироваться на языковом материале и быть неразрывно с ним связана» [Маляров 2005: 28].

Такой подход позволяет сохранить принцип целостности при рассмотрении системы ЛТ и избежать однобокости.

В современной лингвистике можно встретить много статей, направленных на критику той или иной теории. Чаще всего подобная критика базируется на принципе конкуренции альтернативных гипотез, подходов, теорий. Исследователи указывают

на наличие противоречий во взглядах своих оппонентов. «Критика конкурирующей точки зрения ведется главным образом путем приведения контрпримеров – эмпирических фактов, противоречащих этой точке зрения» [Печенкин 1987: 107]. Приведение контрпримеров или иная интерпретация данных примеров является пониманием материала с учетом другой теоретической базы. Теории анализируются с позиций исследователя, который убежден в истинности своей теории. Очевидно, подобное описание является односторонним и не принесет продуктивных результатов в проверке научной значимости концепций. Возникает вопрос: «Какие принципы должны быть положены в основу анализа научных концепций?»

Объяснительное научное знание характеризуется объективностью и должно быть независимо от субъективных положений исследователя. Что же может обеспечить данную объективность при анализе научных исследований?

В теории философии критики можно найти различные точки зрения по данному вопросу. В работе не ставится цель перечислить все существующие методы анализа. Необходимо рассмотреть наиболее эффективные методы в связи с задачами данного исследования.

Н.Е. Копосов в статье «Что такое критика социальных наук?» рассматривает критику социальных наук, к которым он относит историю, социологию, антропологию, лингвистику, филологию, а также значительные разделы психологии, географии, юриспруденции, экономики и философии с точки зрения нескольких подходов, которые должны реализовываться одновременно для достижения объективности анализа. Н.Е. Копосов выделяет следующее

1. Исторический подход.

Данный подход связан с рассмотрением социальной науки как предмета истории, с точки зрения различных направлений, сложившихся в этой области исследований [Копосов 1999].

2. Социологический подход.

Поскольку социальные науки являются социальным институтом, одним из измерений их критики является изучение их становления и развития именно как

системы учреждений, прежде всего, конечно, необходимо изучение ключевых, переломных моментов этого процесса.

3. Лингвистический подход.

Автор разграничивает социальные и интеллектуальные (когнитивные) основания науки. Последние он предлагает рассматривать с помощью методов, предложенных современной лингвистикой. Этот подход позволяет проанализировать взгляды исследователей.

4. Логический подход.

«Разные формы мысли имеют, возможно, присущие им различные логики, основанные на разных формах опыта, порождающих разные базовые очевидности и разные критерии возможного, которые далеко не всегда совместимы друг с другом или переводимы друг в друга» [Копосов 1999].

Очевидно, что данные подходы предполагают выявление оснований теорий, что является необходимым условием объективности критического исследования. А.А. Печенкин вводит понятие «концептуальной обоснованности теории». Подобное обоснование теории представляет собой критическую деятельность, которая ставит целью выявление просчетов в теоретических построениях. Ключевые принципы и положения должны пройти через критику. В данном случае говорится о критике с позиций общенаучных правил (правил дедуктивной логики) и требований объединения знаний, что еще раз подчеркивает необходимость интеграции подходов, предложенных Н.Е. Копосовым. Концептуальное обоснование ставит целью выявление внутренних противоречий теории. Концептуальное обоснование невозможно достигнуть при «некритическом подходе, чревато абсолютизацией той или иной (а часто как той, так и иной) частной трактовки этой теории, при конкурентной борьбе между этими трактовками, борьбе за победу одной из них» [Печенкин 1987: 107]. Концептуальное обоснование стремится выявить не только несоответствия внутри теоретических построений различных авторов, но и обнаружить общие тенденции и положения развития.

ЛТ исследуется в настоящее время не столь активно, однако это не показывает, что все проблемы подробно изучены и не происходит работа по

исследованию текста. На данном этапе есть научные школы, которые работают в направлении развития и описания отдельных проблем, связанных с текстом, стремятся интегрировать ЛТ в общую структуру лингвистики.

Центральным понятием в ЛТ является понятие *текст*. Фактически при помощи соотношения с центральным понятием происходит организация системы концепции, выделяются направления и ступени исследования, а также единицы анализа. Термин *текст* трактуется широко в отечественной и в зарубежной лингвистике. Следствием этого является выделение различных аспектов текста, методов и принципов анализа.

Несмотря на многочисленное использование понятия *текст* в разного рода исследованиях (научных и практических), на данный момент нет четких единых критериев и параметров, по которым можно вывести определение данного понятия и классифицировать его. Это служит методологическим и методическим основанием для утверждения возможности анализа проверяемости теории. Ключевая причина такого положения дел видится в отсутствии общепринятых системообразующих признаков понятия *текст*. В связи с этим в данной работе производится классифицирование понятия *текст*. Эта процедура позволяет выявить конкретные ограничения, возникающие в ходе описания систем. Анализ понятия *текст* в данной работе проводится в соответствии со схемой классифицирования, предложенной С.В. Чебановым. Данная схема предполагает следующие действия:

- 1) задание множественности представлений и их именование (упорядочивание);
- 2) систематизация представлений:
 - а) параметрическая фрагментация;
 - б) группирование.

Операция 1. Применяя первое действие, мы должны указать (что делалось и ранее), что в современной ЛТ отсутствует четкое и единое определение понятия *текста*. Во многих случаях для определения понятия *текст* приходится опираться на признаки, характеризующие его, поэтому определение задается не напрямую, а посредством синтеза образующих его признаков. Это говорит о множественности

представлений о данном термине. Важно отметить, что их именование сводится к перечислению определений текста ведущих лингвистов с учетом года их появления, то есть определения будут представлены в хронологическом порядке, что поможет осуществить процедуру именования (упорядочивания). Представим несколько примеров определения понятия *текст*.

1. «Текст является не столько выражением чего-то вне него лежащего и до него уже существовавшего (языка, идеи, внетекстовой реальности, авторской интенции и т.п.), сколько самостоятельным универсумом, всё это порождающим и включающим в себя... В тексте скрывается сам автор, текст есть свидетельство о нём; каждое творение содержит в себе – в том или ином виде – образ своего творца» [Лотман 1972: 38–40].

2. «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркиваем, что этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт "оппозиций", возможный только в пределах одного текста (но не текста и контекстов) между абстрактными элементами ({знаками} внутри текста) и необходимый только на первом этапе понимания (понимания значения, а не смысла). За этим контактом контакт личностей, а не вещей (в пределе). Если мы превратим диалог в один сплошной текст, то есть сотрем разделы голосов (смены говорящих субъектов), что в пределе возможно (монологическая диалектика Гегеля), то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку)» [Бахтин 1979: 45–46].

3. «Текст – это сообщение в письменной форме, характеризующееся смысловой завершенностью и определенным отношением автора к сообщаемому» [Лосева 1980: 4].

4. «Текст — произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовков) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств),

объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

5. «Текст – это письменное по форме речевое произведение, принадлежащее одному участнику коммуникации, законченное и правильно оформленное» [Зарубина 1981: 11].

6. «Основной единицей речи, выражающей законченное высказывание, является не предложение, а текст, предложение-высказывание есть лишь частный случай, особая разновидность текста» [Москальская 1981: 9].

7. «Текст – это связь по меньшей мере двух высказываний, в которых может завершаться минимальный акт общения — передача информации или обмен мыслями между партнерами» [Колшанский 1985: 10–14].

8. «...Текст как нечто целостное (цельное) есть некоторый концепт, то ментальное образование, которое в лингвистической литературе именуется цельностью текста» [Сорокин 1985: 62–63].

9. «Текст и речь не являются зеркальным отражением друг друга, ибо не всякая речь поддается текстовому перекодированию» [Горелов 1987: 225–227].

10. «Текст – это характеризуемая коммуникативностью система речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающая сопряженную модель коммуникативных деятельности отправителя и получателя сообщений» [Сидоров 1987: 38–39].

11. «Текст представляет собой основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивида и т.д.» [Белянин 1988: 6].

12. «Текст (от латинского *textus* – ткань, сплетение, соединение) можно определить как объединенную смысловой и грамматической связью последовательность речевых единиц: высказываний, сверхфразовых единиц (прозаических строф), фрагментов, разделов и т. д.» [Солганик 2000: 16].

13. «Текст – это информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на адресата» [Кубрякова 2001: 73].

14. «...текст как таковой рассматривается в качестве последовательности высказываний-диктем, объединенных некоторой темой... Он существует не только как контекстный минимум диагностики смысла, но и как законченное целое, будь то письменное монологическое сочинение или устный диалог, – ведь и последний имеет свое начало и свой конец, позволяющий подвести итог реализованному обмену мыслями» [Блох 2004: 90, 169].

15. «Текст – это сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой» [Лукин 2005: 5].

Представленные выше описания понятия «текст» далеко не исчерпывают всего многообразия существующих определений. Выполняя именование с точки зрения содержания дефиниций, можно также прийти к выводу, что рассмотренные определения показывают, что большинство представленных исследователей стараются соотнести понятия текста, языка и речи, обозначить место текста относительно этих понятий, а также выделить категории, присущие только этой единице. В этом и видится их неоспоримое сходство.

Операция 2. Теперь обратимся к группировке определений на основе их параметрических отличий. Самым очевидным разделением данных понятий является описание текста лишь как письменного явления (3, 4, 5, 11). Однако большинство исследователей рассматривают как письменный, так и неписьменный варианты текста (1, 2, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15).

Следующим критерием разделения может послужить соотношение текста, речи и языка. Существует две позиции относительно данного соотношения:

- текст рассматривается как единица языка, функционирующая в обществе (4, 6, 7, 13);

- текст рассматривается с позиций соотношения и языка и речи (1, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15).

В основу членения представленных определений может лечь и разделение парадигматического характера. Так, определения 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 14, 15 относятся к структурной парадигме, так как отражают единицы и категории данного термина; определения 1, 2, 10, 11, 13 могут быть отнесены к коммуникативно-прагматической парадигме, так как рассматривают взаимодействие человека и текста. В свою очередь данные параметры позволяет провести фрагментацию и группирование по парадигмам. Определения, относящиеся к системно-структурным, могут делиться относительно отражения в них категорий завершенности (3, 4, 5, 7, 14) и цельности – связности (8, 12, 15). Определения, относящиеся к коммуникативно-прагматическому подходу, могут члениться по таким критериям, как осуществление в тексте коммуникации индивидов (1, 10, 11, 13) или интертекстуальности (2).

Очевидно, что критериев разделения определений текста по группам существует очень много, поэтому в данном исследовании не ставится цель привести все основания для возможных классификаций определения понятия *текст*.

Краткий анализ понятия *текст* приводит нас к следующим выводам.

1. Понятие *текст* не имеет однозначного определения, так как исследователи понимают данный термин с учетом различий в их позициях, описывая текст с учетом различных аспектов.

2. В зависимости от принципов изучения объекта при описании текста ученые пользуются разнообразными терминами, которые часто имеют схожие системные признаки (например, сообщение и последовательность речевых единиц в определениях 4 и 5). В таких условиях разнообразия терминов и проявляется многообразие пониманий и дефиниций понятия *текст*.

3. Не следует пытаться найти единственно верное определение текста для построения классификации теорий ЛТ. Возможно лишь сократить его описание путем задания характеристик. К таким характеристикам мы можем отнести:

функции текста, строение текста, качественные характеристики текста, соотношение текста, речи и языка, отношение текста к письменной и устной речи.

Неоспоримым фактом является рассмотрение уровней описания текста. Данный критерий требует изучения, так как это необходимо для последующего исследования теорий текста.

В исследованиях текста в отечественной лингвистике наблюдается тенденция к определению нескольких уровней описания текста. Однако важно отметить множественность представлений в данной области. В целях анализа данной области предлагаем применить операции, описанные выше.

Операция 1. Приведем ряд примеров выделения уровней описания текста, разработанных отечественными лингвистами.

1. Б.И. Ярхо выделяет три уровня описания текста [Ярхо 1925, 1927].

1. Идеино-образный.
2. Стилистический.
3. Фонический.

Первый уровень разделяется на два подуровня: 1) идеи и эмоции; 2) образы и мотивы.

Второй уровень также делится на два подуровня: 1) лексика, то есть слова, которые исследователи рассматривают отдельно друг от друга; 2) синтаксис, где рассматриваются сочетания слов.

Третий уровень включает метрику, рифму, строфику и аллитерации, ассонансы [Гаспаров 1997: 15–16].

2. А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов в книге «Работы по поэтике выразительности» отмечают существование двух следующих уровней.

1. Тема.
2. Приемы выразительности [Жолковский 1996].

3. Л.М. Кольцова и О.А. Лунина сводят уровни описания текста, релевантные для его лингвистического анализа, к следующим трем подходам:

- 1) функционально-лингвистическому (структурно-языковому);
- 2) функционально-коммуникативному;

3) текстовому (структурно-семантическому).

Функционально-лингвистическое рассмотрение текста основано на следующем положении: «каждый текст ориентирован на языковую систему и представляет собой выбор языковых средств из имеющегося инвентаря» [Кольцова 2007: 14].

Текстовый подход базируется на отношении к тексту как уникальному целому, замкнутому и рассматриваемому, и не учитывает среду его действия и автора.

Функционально-коммуникативный подход (или системно-деятельностный) имеет в основе следующие постулаты: «1) за каждым текстом стоит его творец, автор, уникальная языковая личность; 2) каждый текст опрокинут в социум, направлен к адресату, читателю» [Кольцова 2007: 14].

4. З.Я. Тураева выделяет два уровня текста: глубинный и поверхностный [Тураева 1986]. К глубинному уровню относится идейно-тематическое содержание текста. К поверхностному уровню принято относить лингвистическую форму текста, в которую облечена глубинная. Данные понятия прочно вошли в лингвистику, однако до сих пор ведутся споры относительно их применения (см. [Солнцев 1977]).

5. Еще один подход находим у В.Е. Чернявской [Чернявская 2009]. Она выделяет три уровня описания текста.

1. Семантический (когерентность).
2. Грамматический (когезия).
3. Прагматический.

Под когерентностью исследователь понимает «семантико-когнитивную связанность». В.Е. Чернявская рассматривает когезию как «взаимосвязь компонентов поверхностного уровня». Необходимо отметить, что соотношение «когезия-когерентность» автор рассматривает как «оппозицию поверхностной структуры и глубинно-смыслового уровня» [Там же: 20]. Прагматический уровень В.Е. Чернявская определяет как «функциональную перспективу текста, его коммуникативное назначение» и относит его к глубинному уровню [Там же: 22].

Операция 2. Проводя параметрическую фрагментацию, необходимо проанализировать каждый подход в отдельности для обнаружения критериев, по которым можно было бы провести группирование.

В первом подходе исследователь проводит различие уровней описания текста с точки зрения того, какая сторона нашего сознания воспринимает то или иное явление. Так, первый уровень мы можем соотнести с восприятием умом и воображением, второй – с чувством языка, связанным с готовностью воспринимать подбор лексики и синтаксических явлений, выбранных автором с целью воздействия нарцептора, третий – со слухом. Несмотря на это, важно отметить ограниченность данного подхода. Автор в основном ссылается на поэтические произведения, что явно ограничивает область применения. К тому же спорным остается вопрос разделения стилистического и идейно-образного уровней.

Второй подход относится к интерпретации художественных текстов и не учитывает форму, структуру текста, то есть грамматический аспект изучения текста.

Третий подход является попыткой рассмотреть уровни текста с точки зрения его структурных компонентов (1 и 2 уровни), а также его продуцирования и восприятия (3 уровень). Однако можно утверждать, что текстовый и функционально-коммуникативный уровни являются явлениями одного порядка [Кольцова 2007: 14–15].

Четвертый подход представляет собой разделение на два уровня, в которые входят собственно структурные (грамматические) характеристики текста и понятийные категории (идея, тема текста).

Пятый подход в сущности повторяет, уточняет подход З.Я. Тураевой (3), разделяя глубинный уровень на когерентность и прагматику и относя к поверхностному уровню когезию.

Все данные подходы можно объединить по принципу присутствия в тексте более одного уровня.

Следующим критерием можно считать применение понятий глубинного и поверхностного уровней. Они не применялись в подходах 1, 2, 3 и были отражены в 4 и 5 подходах. Несмотря на отсутствие данных терминов в этих определениях,

можно в целом все же, так или иначе, наблюдать данное деление и в подходах 1, 2, 3. Так, к глубинному уровню можно отнести уровень 1 первого подхода, уровень 1 второго подхода и уровень 3 третьего подхода; к поверхностному – 2, 3 первого подхода, 2 второго подхода, 1 и 2 третьего подхода. Эти положения наглядно представлены в таблице 2.

Таблица 2. Уровни текста

Глубинный уровень	Поверхностный уровень
Идейно-образный (1.Б.И. Ярхо)	Стилистический Фонический (1.Б.И. Ярхо)
Тема (2.А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов)	Приемы выразительности (2.А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов)
Функционально-коммуникативный (3.Л.М. Кольцова и О.А. Лунина)	Функционально-лингвистический Текстовый (3.Л.М. Кольцова и О.А. Лунина)

Итак, можно прийти к выводу, что существует огромное количество представлений об уровнях текста. Нет необходимости описывать их все. Основной задачей является выделение наиболее общепринятых уровней описания текста, которые могут быть обнаружены в той или иной трактовке в разных теориях. В связи с этим из приведенных примеров становится очевидным, что уровни описания текста можно представить в виде следующей системы.

1. Глубинный уровень:
 - а. семантический;
 - б. прагматический;
 - с. экстралингвистический.

2. Поверхностный уровень.

Очевидно, что поверхностный уровень включает описание текста с точки зрения его строения, его грамматической ориентации, синтаксиса. Глубинный же уровень отражает намерения автора; отношение между текстом – адресатом – смыслом или говорящим – значением – текстом; смысловые отношения в тексте, выраженные в семантике; соотношения текста – адресата – окружающей действительности.

Еще одним параметром изучения текста является методологическая база ЛТ, а именно система аспектов его описания. Такие аспекты выделяются во многих

исследованиях и служат своего рода вариациями системного рассмотрения центрального понятия ЛТ. Проведем их анализ по принципам С.В. Чебанова.

Операция 1. Данная операция предполагает задание множественности взглядов на данную проблему. Именование в нашем случае связано с порядком изложения подходов. Важно отметить, что большинство работ описывают тот или иной аспект изучения текста. Мы приводим примеры подходов, описывающих все, с их точки зрения, аспекты изучения текста.

1. З.Я. Тураева выделяет следующие аспекты изучения текста:

- 1) онтологический;
- 2) гносеологический;
- 3) собственно лингвистический;
- 4) психологический;
- 5) прагматический.

Онтологический подход описывает характер существования текста, его статус. Основной проблемой в данном подходе является рассмотрение отличий текста от предложения или высказывания, СФЕ. Также исследователей интересуют вопросы внутреннего строения текста (его членимости), цельности и единства.

Гносеологический аспект предполагает изучение характера отражения объективной действительности в тексте. В основном исследования в данной области отражают описание типов текстов.

Собственно лингвистический подход описывает уровень языкового оформления текста. В данном аспекте исследователи рассматривают проблему единиц текста, синтаксические единицы текста и их слияние в текст.

Психологический аспект предполагает изучение восприятия и порождения текста.

Прагматический аспект предполагает рассмотрение отношения автора текста к содержанию и объективной действительности. На данном этапе происходит изучение функций текста, а также анализ лингвокультурологического аспекта текста.

2. Н.С. Валгина выделяет два аспекта изучения текста:

- 1) функциональный;
- 2) прагматический [Валгина 2003].

Функциональный анализ текста предполагает не просто изучение единиц текста, а еще и учет их значимости для всего текста в целом.

Прагматический анализ отражает взаимодействие автора и читателя.

Автор подчеркивает, что прагматический анализ является продолжением функционального.

3. Л.Г. Бабенко и И.В. Казарин выделяют следующие аспекты изучения применительно к художественному тексту:

- 1) лингвоцентрический;
- 2) текстоцентрический;
- 3) антропоцентрический;
- 4) когнитивный.

Лингвоцентрический подход занимается исследованием «функционирования языковых единиц и категорий в условиях художественного текста» [Бабенко 2005: 14].

Текстоцентрический подход разделяется в зависимости от предмета исследования на семантику и грамматику текста. Он изучает текст как целостное произведение.

Антропоцентрический подход рассматривает текст с позиций его порождения, восприятия, воздействия на читателя и в деривационном аспекте. Данный подход предполагает несколько направлений исследований: психолингвистическое, деривационное, прагматическое, речеведческое, коммуникативное.

В рамках когнитивного подхода «текст осмысливается как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [Там же: 23].

4. Ю.А. Левицкий выделяет следующие аспекты изучения текста:

- 1) лингвистика текста;
- 2) психолингвистика;
- 3) прагматика;

- 4) социолингвистика;
- 5) функциональная стилистика.

Каждый рассмотренный аспект отвечает за свою сферу научных исследований. Так, лингвистика текста занимается рассмотрением структуры различных текстов, производит их типологизацию. Психолингвистика отвечает за рассмотрение вопросов продуцирования и восприятия текстов. Прагматика занимается определением условий успешного оперирования текстами. Социолингвистика рассматривает особенности текстов на основании социального разграничения языка. Функциональная стилистика выделяет функциональные стили текстов, изучает особенности средств выразительности в каждом из них и т.д. Ю.А. Левицкий, однако, отмечает, что каждый аспект так или иначе затрагивает правила текстообразования (см. [Левицкий 2014: 62]).

Операция 2. Рассматривая данные подходы, можно сделать вывод, что текст изучается не в одном аспекте, а в нескольких. Очевидно, что группирование данных подходов может быть основано на схожести в трактовках некоторых аспектов. Так, собственно лингвистический аспект подхода З.Я. Тураевой совпадает с лингвоцентрическим Л.Г. Бабенко и И.В. Казарина, частично совпадает с лингвистикой текста Ю.А. Левицкого. У З.Я. Тураевой, Н.С. Валгиной, Ю.А. Левицкого выделяется прагматический аспект рассмотрения текста, что совпадает с когнитивным аспектом по Л.Г. Бабенко и И.В. Казарину. Текстцентрический аспект Л.Г. Бабенко и И.В. Казарина предполагает реализацию онтологического и гносеологического аспектов З.Я. Тураевой и совпадает с функциональным аспектом Н.С. Валгиной и функциональной стилистикой Ю.А. Левицкого. Антропоцентрический аспект Л.Г. Бабенко и И.В. Казарина может отождествляться с психологическим аспектом З.Я. Тураевой и психолингвистикой и социолингвистикой Ю.А. Левицкого. Также можно предположить избыточность выделения когнитивного аспекта в подходе Л.Г. Бабенко и И.В. Казарина, так как он может быть рассмотрен в антропоцентрическом аспекте.

Несмотря на то, что все предложенные аспекты могут быть объединены в три (лингвоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический), в данной работе предлагается выделять:

- 1) онтологический аспект изучения текста, предполагающий рассмотрение статуса текста, его отличий от предложения, высказывания и СФЕ;
- 2) гносеологический аспект, предполагающий проведение процедуры типологизации текстов по разным основаниям;
- 3) лингвистический аспект, предполагающий изучение номенклатуры текста, а именно выделение единиц текста и их передачи общего смысла текста;
- 4) антропоцентрический аспект, предполагающий рассмотрение вопросов производства и восприятия текста (в данном случае речь идет об изучении текста с включением индивида).

Важно отметить, что изучение текста может предполагать наличие нескольких аспектов в теории. Однако в зависимости от парадигмы исследования наполнение данных аспектов будет отличаться.

Теория ЛТ призвана решать широкий круг проблем, связанных с текстами различных видов. Но важно помнить, что не каждое теоретическое построение может применяться с целью описания всего многообразия текста. Очевидно, существует необходимость рассматривать степень универсальности теории. Под универсальностью понимается способность теории описывать все уровни текста. Данный критерий позволит отделять изучение частных категорий текста от универсалий и делать невозможным абсолютизирование деталей в теориях. Частные случаи не стоит рассматривать как основные в ходе концептуального обоснования теории, учитывая, что всесторонняя системная теория ЛТ содержит универсальный элемент для всего обширного количества существующих текстов. Мы можем выделить следующие типы теорий на основе их универсальности.

1. Частные теории.

Это низший уровень в смысле универсальности теории. В нашем понимании данные теории описывают лишь один аспект текста, не ориентируются на целостность исследования всех уровней его описания. Такие работы находим,

например, у И.Ф. Фигуровского, Л.М. Лосевой, которые рассматривали синтаксис текста. Данного рода аспектное рассмотрение проблем текста существует на разных уровнях его описания. Можно утверждать, что большинство работ в области ЛТ скорее относятся к особым теориям в нашем понимании. Однако данное ограничение теорий такой степени универсальности обусловлено сложностью структуры и многообразием самого понятия *текст*.

2. Общие теории.

Данного рода термин мы будем применять относительно теорий, рассматривающих текст на всех возможных уровнях его описания. Такие теории мы находим у И.Р. Гальперина, З.Я. Тураевой, О.И. Москальской и других исследователей. Их концепции смело можно отнести к теории текстов, так как в них последовательно раскрываются все уровни текста. Однако и здесь мы не говорим об абсолютной универсальности. Это связано с тем, что, несмотря на полноту исследования явления текста, они ограничены по тем или иным критериям. К примеру, исследование О.И. Москальской ведется применительно только к немецкому языку, что ставит под вопрос универсальность теории относительно других языков.

Выводы по первой главе

Полипарадигматизм лингвистики предполагает существование нескольких парадигм одновременно. ЛТ представлена как мегапарадигма, в составе которой выделяются субпарадигмы — отдельные направления.

Отечественная ЛТ отличается множественностью взглядов, а также отсутствием классификации полученных результатов исследований.

Анализ ЛТ предполагает применение принципов системного анализа. Во-первых, необходимо выделить объект. Один объект может иметь много различных представлений, некоторые из которых могут не проверяться на истинность. Различные концепции не должны проверяться относительно друг

друга. Вся совокупность представлений об объекте делает возможным его членение.

Теория может быть истинна в различной степени. Но достижение абсолютной истины невозможно. Вследствие этого обнаруживаются плохопроработанные аспекты в теориях, что также обусловлено сложностью строения объекта, наличием связей между уровнями самого объекта и окружающей его средой. Концептуальное обоснование концепций может быть самостоятельной целью научного познания, так как выявляет противоречивость внутри теорий и помогает в разработке более системных подходов. Основным критерием проверки научных исследований следует считать целостность системы.

Единая классификация направлений ЛТ невозможна. В связи с этим появляется необходимость применять модульный подход. Он предполагает проведение процедуры классифицирования с учетом нескольких характеристик.

Понятие *текст* не имеет однозначного определения. Каждый ученый интерпретирует данное понятие по-своему, принимая во внимание особенности объекта исследования. Различная терминология, схожая в тех или иных аспектах, может применяться в ходе определения и работы над теорией текстов. Вариативность определений текста и зависит от многообразия терминов, применяемых к данному понятию. Единственно верное определение найти невозможно. Стоит лишь ограничить описание текстов при помощи заданного набора основных характеристик.

Построение классификации направлений ЛТ представляется возможным с учетом параметров, характерных для ЛТ, а именно: цель классификации, ее функции, ее зона действия, подбор критериев деления объекта, правила группировок и их описание, минимизация неклассифицируемых остатков.

Для анализа теорий ЛТ возможно их членение на два блока: теории, направленные на рассмотрение всех уровней текста; теории, в которых текст рассматривается с учетом лишь одного или нескольких уровней описания.

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ И АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА

2.1. Основания классификации и параметры анализа парадигм и теорий

Суммируя методологию данного исследования, рассмотренную в первой главе, можно прийти к выводу о необходимости выполнения предложенного алгоритма действий для создания системной классификации теорий текста в отечественной лингвистике. Применяя данные принципы, видится необходимым представить систему знаний, накопленных в ЛТ, в виде иерархической классификации, что не противоречит общей теории систем и особенностям построения классификаций в лингвистике. Для этого предлагается применить следующие параметры, рассмотренные ранее.

А. Цель и функции классификации.

Б. Выбор подходящего критерия для деления объекта классификации.

В. Зона действия классификации.

Г. Описание группировок и принципов отнесения к ним.

Д. Минимизация неклассифицируемых остатков.

Применяя параметры (А) – (Д) к классификации исследований ЛТ, мы можем обнаружить следующие характеристики.

А. Необходимо отметить цель и функции классификации. Целью построения классификации исследований ЛТ является необходимость критического осмысления результатов исследований текста. Под функцией понимается возможность отнесения определенного объекта к группе. В связи с этим у классификации теорий ЛТ можно выделить такую функцию как регламентация. Под регламентацией в исследовании понимается проведение процедур упорядочивания и систематизации, предложенных С.В. Чебановым. Поясним их.

Как неоднократно утверждалось ранее, очевидность большого количества работ в области исследования текста трудно переоценить. В связи с этим были

рассмотрены критерии отбора теорий для исследования, что позволяет существенно оптимизировать процесс создания классификации. Несмотря на вышеописанную процедуру создания непротиворечивой классификации, необходимо подробно рассмотреть каждый этап перед анализом теорий и собственно представления самой классификации.

Б. Объединяя подход С.В. Чебанова и особенности исследований ЛТ, следует провести классификацию отечественных теорий текста следующим образом.

Мы уже указывали на множественность взглядов в ЛТ, что является первым этапом упорядочивания. Для того чтобы провести диагностику и именование всех существующих подходов, кажется уместным рассмотреть историю развития взглядов в лингвистике текста. Однако в данном исследовании предлагается рассматривать движение истории не в персоналиях, а в парадигмах. Такой подход не только позволит осуществить шкалирование исследований, но и отразит представления как системные и наметит перспективы развития ЛТ. Как было указано в первой главе, ЛТ рассматривается как мегапарадигма, в которой выделяются парадигмы и субпарадигмы. Повторим, что в данном случае под парадигмой ЛТ понимаются исследования в рамках 1920 – 1990-х годов. В основу именования, а именно соотнесения теорий с субпарадигмами, положена методологическая база ЛТ как первичный аспект классификации.

Следующим этапом будет систематизация. Здесь предлагается провести несколько операций. Проводя иерархическую фрагментацию теорий, относящихся к одной парадигме, предлагается поделить их на субпарадигмы, в которых обнаруживаются общие и частные исследования. Под общими теориями будут пониматься те, что, в сущности, рассматривают все уровни текста под свойственным углом для данного течения ЛТ и претендуют на универсальное рассмотрение различных типов текста. Очевидно, что в таком случае частные теории будут своего рода попыткой применения общих теорий к определенному типу текста или чисто теоретическим рассмотрением положения дел в ЛТ с учетом тенденций исследований и не обладающие достаточным иллюстративным материалом. Такие исследования являются также своего рода продолжением развития идей общих

теорий. Важно помнить доказанность возможности рассмотрения лишь некоторых теорий в пределах одной субпарадигмы, что не будет ограничивать данную классификацию. Такое положение отвечает научному методу дедукции, при котором добавление новых фактов (и, добавим, соответственно, ограничение количества фактов) не влияет на корректность вывода (см. [Васильев 2014: гл.2]). Что касается морфологизации и группирования теорий, то эти процедуры создания классификации не требуют подробного описания, так как связаны с предыдущими этапами работы и наблюдениями исследователя.

Соблюдение параметра выбора критериев членения объекта классификации также предполагает рассмотрение основных методологических характеристик ЛТ, а именно термина *парадигма* и основных понятий ЛТ.

В. Рассматривать зону действия классификации возможно двояко. В целом, как статический объект зона действия ограничивается исследованиями до 1991 года. Однако в связи с множественностью представлений о тексте можно утверждать, что одному критерию будут отвечать несколько теорий, что приведет к сопоставительному рассмотрению теорий в рамках одного критерия, и, следовательно, изучению определенной ступени классификации как развивающегося объекта.

Г. Важно оговорить принципы анализа теорий для их описания и правила отнесения к группировкам. Нами будет предложена четырехчастная структура.

Целью анализа концепций ЛТ является критическое осмысление положений и результатов теорий ЛТ. В данном исследовании нет необходимости давать оценочную характеристику, следовательно, подходы не будут называться правильными и неправильными, а также проверяться на истинность относительно друг друга. Неправильно также полагать, что внутри ЛТ нет принципиальных отличий между парадигмами и субпарадигмами. В этих условиях важно выделить, что в схеме анализа могут возникнуть некие изменения в области структуры разбора теорий, если отсутствуют какие-либо компоненты или находятся различия в толкованиях. К направлениям ЛТ предлагается применить понятие *модель* для

построения схемы анализа концепций. Преимущества данного подхода будут рассмотрены ниже.

В философии существует большое количество работ, посвященных проблеме определения понятия *модель*. Модель определяется как «мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает новую информацию о нем» [Арбузов]. При построении модели важно принимать во внимание ее свойства. М.И. Откупщикова выделяет следующие характеристики модели: наличие модели и моделируемого объекта; системность модели и моделируемого; наличие формы и содержания; тип модели; качество модели; отличие модели от моделируемого объекта; активность создателей модели; целеполагание; аспект воспроизводимости моделируемого в модели; спецификация; обобщения и упрощения моделируемого в модели [Откупщикова 1996: 100–106]. На основании предложенных характеристик предлагается рассмотреть следующие характеристики модели теории ЛТ.

1. В ЛТ объектом исследования является текст. Следовательно, текст и предстает как моделируемый объект в теории текста. В нашем случае модель строится на уже существующих теориях, то есть представляет собой модель теории текста, то есть метамодель. Важно отметить, что модели теории текста будет присуща вариативность, а именно разнообразие подходов описания моделируемого объекта (текста).

2. Что касается системности моделируемого, то моделируемый объект – текст – представляет собой синхронное взаимодействие всех уровней языка и, следовательно, является своего рода системой. Из этого можно сделать вывод, что его исследование требует применения системного подхода. Модель является системой компонентов теории текста и предполагает наличие системных отношений между этими компонентами.

3. Модели можно классифицировать по разным признакам [Арбузов]. Попытаемся охарактеризовать тип модели теории ЛТ по различным параметрам:

- в зависимости от происхождения такая модель будет относиться к знаковым, так как конструируется она знаками языка (в данном случае под природой модели понимается совокупность условий ее существования);

- в зависимости от способа моделирования такую модель можно считать дескриптивной, так как в ней описывается объект исследования, а именно текст;

- в зависимости от назначения данная модель может быть признана научной;

- по форме представления является словесной моделью.

4. Формой модели признается словесное выражение исследований текста. Содержание модели является вариативным в зависимости от парадигмы и субпарадигмы исследования в области ЛТ. Однако предполагается, что содержание модели должно касаться описания не только элементов структуры текста, но и процесса восприятия и порождения текстов, взаимодействия с другими текстами.

5. Модель отличается от моделируемого объекта тем, что представляет собой воплощение его образа. Тем самым мы хотим отметить, что в данном случае мы имеем дело с аналоговой моделью (термин В.С. Стёпина), которая «служит средством построения теории» [Стёпин 2014].

6. Качество моделей и активность создателей модели можно оценить уже после их создания. Тем самым предлагается оценить новизну теории текста, проанализировав её содержание.

7. Цель модели заключается в разработке системы с целью описания теорий текста и их анализа.

8. Спецификация модели заключается в обнаружении параметров и переменных в связи с целью моделирования. В нашем случае речь идет о характеристиках теорий текста, которые могли бы послужить основой для их разделения по субпарадигмам и парадигмам.

9. Модели теорий текста обладают высокой степенью воспроизводимости, а именно – многие исследования базируются на предыдущих. Это подтверждает и преемственность субпарадигм и полипарадигматизм ЛТ.

10. Как и в любой модели, объект исследования подвергается упрощению. Мы можем говорить об описании лишь закономерностей функционирования текстов и их характеристик.

Проанализировав характеристики понятия *модель*, можно выделить те параметры, которые будут общими для всех теорий текста, а также частные, которые требуют непосредственного анализа в зависимости от теории текста. Очевидно, что характеристики 1, 3, 4, 5, 7, 9 являются общими для всех теорий текста, а 4, 6, 8, 10 являются вариативными. Рассмотрение теорий текста при помощи этих составляющих поможет произвести сравнение и анализ накопленного материала в области ЛТ системно. Мы предлагаем рассматривать теории текста по следующей схеме.

1. Содержание.

Этот параметр предполагает изложение материала теории. Здесь необходимо рассмотреть вопросы описания той или иной теории об объекте исследования и его основные характеристики, то есть определить соответствие концепции представлениям об объекте и то, каким образом она характеризует объект.

2. Новизна.

Данный этап предполагает рассмотрение представлений об объекте и его характеристиках, отношений между отдельными исследованиями в области ЛТ как мегапарадигмы с точки зрения усовершенствования ЛТ в целом. В данном случае мы можем говорить о следующих видах построения теорий: 1) строится целостная теория текста; 2) теория является частью более общей теории. Такое деление теорий возможно, так как одни из них представляют собой собственно новый взгляд в ЛТ, а другие являются лишь дополнением уже существующих теорий, то есть стремятся к уточнению отдельных аспектов.

3. Спецификация.

Проанализировав новизну и содержание теорий текста, мы также можем выделить основания для их спецификации, то есть отнесения к конкретной парадигме и субпарадигме.

4. Проблемные аспекты.

Очевидно, что ни одна из существующих теорий не может быть признана всеобъемлющей. Развитие взглядов в области ЛТ — непрерывный процесс, который базируется на выявленных недостатках в уже существующих исследованиях. В связи с этим под упрощением в данной работе понимается выявление проблемных аспектов в теориях текста. В дальнейшем в работе будет применяться термин *проблемные аспекты* в связи с тем, что характеристика модели, предложенная М.И. Откупщиковой (а именно – упрощение), не отражает проведение необходимых процедур в связи с анализом теорий текста.

Проанализировав данные критерии анализа, можно утверждать, что 1, 2 и 4 параметры относятся к собственно анализу теорий, в то время как параметр 3 является критерием группирования работ. В связи с этим его рассмотрение выносится в начало изучения парадигм и субпарадигм, что позволит представить критерии их выделения, сделанные относительно параметров характеристики (1, 2, 4). В дальнейшем при анализе работ пункты 1, 2, 4 будут представляться как 1, 2, 3, а собственно 3 параметр будет освещаться в начале изучения той или иной парадигмы.

Суммируя анализ теорий текста, выведенный из модели, можно увидеть, что такой подход делает возможным выделить место для каждой теории в общей системной парадигме ЛТ, провести группировку концепций, определить ключевые различия между теориями и найти схожие черты. Изучение теорий текста такого рода позволяет также проследить развитие взглядов и причину смены парадигм в ЛТ, которая отражается в возможных противоречиях в теории.

Д. Сведение к минимуму неклассифицируемых остатков будет производиться при помощи представления классификации, опирающейся на определенный набор дифференциальных признаков, с помощью которых производится отнесение к той или иной категории. Комбинации признаков создают разновидности. В нашем случае проводится систематизация исследований по С.В. Чебанову. Эта процедура описана выше.

Подводя итог, необходимо предложить алгоритм изучения и анализа парадигм и субпарадигм в мегапарадигме ЛТ. В самом общем виде он будет включать следующие параметры.

1. Спецификация парадигмы и субпарадигм.
2. Предпосылки появления парадигмы.
3. Анализ теорий в пределах конкретной субпарадигмы.
 1. Содержание.
 2. Новизна.
 3. Проблемные аспекты.
4. Перспективы развития парадигмы.

2.2. Структурная парадигма

СПЕЦИФИКАЦИЯ

К данной парадигме относятся теории, рассматривающие текст в онтологическом, гносеологическом и собственно лингвистическом аспектах. Они подразделяются на следующие субпарадигмы: грамматическая, собственно структурная.

А. Грамматическая субпарадигма.

В данной субпарадигме теории текста ставят своей задачей рассмотрение основных категорий текста. Грамматика выступает как структурный остов текста.

- Общие теории.

К общим теориям данной субпарадигмы относятся те, в рассмотрении которых можно обнаружить все типы текстов. В связи с этим рассмотрению подверглись следующие теории.

- Частные теории.

К данному роду теорий в этой субпарадигме относятся исследования, направленные лишь на один из типов текста. В данном исследовании под типом текста понимается его принадлежность к определенному функциональному стилю. Важно отметить, что это лишь частично ограничивает область

исследования и применения рассмотренных теорий. К тому же большинство из них логически развивают и дополняют представления общих теорий.

Б. Собственно структурная субпарадигма.

В ней рассматриваются теории, ставящие своей задачей изучение структуры текста относительно различных категорий. Очевидно, что построение универсальной для всех типов текста структуры представляется крайне затруднительным явлением. В связи с этим необходимо отметить, что существование общих теорий в данной субпарадигме невозможно. Следовательно, в данной работе будут рассматриваться лишь частные теории. Это необходимо для создания наиболее полной картины исследований в классификации теорий текста. К тому же нет необходимости рассматривать все теории в этом русле. В данной работе рассмотрение исследований ограничено темпоральным критерием. В связи с этим сужается рассмотрение значимых теорий в данной области, которые отражают основные направления развития ЛТ в этой субпарадигме. Однако важно помнить, что, занимаясь построением универсальной классификации, принимается во внимание тот факт, что теории постоянно пополняются; это делает невозможным вносить ограничения в проблематику данной субпарадигмы. Исследования в области структуры текста логично делятся на две подгруппы, а именно изучающие структуру текста с учетом понятия *смысл* или нет. К первым относятся те теории, которые пытаются выстроить своего рода инвариантную структуру одного типа текста, не применяя понятия *смысл*. Ко вторым можно отнести исследования в области поиска смысловой структуры текста. В связи с этим рассматриваются частные и частные смысло-ориентированные теории.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Основоположником идей структурных исследований принято считать Фердинанда де Соссюра в связи с появлением его книги «Курс общей лингвистики» в начале XX века. Исследователь установил необходимость рассматривать язык с синхронических позиций. В дальнейшем И.А. Бодуэн де Куртэне отмечал, что любые составляющие языка могут быть рассмотрены с

учетом выделения разрядов и групп. Такой поворот лингвистических исследований послужил мощным толчком для образования ряда лингвистических школ: пражской, копенгагенской, американского структурализма, генеративизма. Важно отметить, что высшим уровнем изучения признавалось предложение. Однако многие лингвисты обращали внимание на то, что изучения языка не должно ограничиваться рамками предложения. Так Л. Теньер отмечал, что речь не состоит из отдельных фраз, а представляет собой последовательность фраз, направленных на выражение одной мысли [Теньер 1988: 609–610]. Первой попыткой выхода за рамки предложения принято считать исследование И. Най «Сочинительные связи предложений (на примерах текстов Ливия)» (1912) [Филиппов 2003: 43–44]. Лингвист обратила внимание на такие основные признаки текста как незавершенность его компонентов и повторяемость. Выход за рамки предложения стал возможен в условиях изучения тематического членения. В дальнейшем, в 1952 году, З. Харрис применил формальные методы изучения, применявшиеся для исследования языковых единиц, с целью определения структуры текста, не учитывая семантику.

Рассмотрение всех компонентов языка как систем, имеющих структуру, выход за рамки предложения, применение формальных подходов открыли возможность изучения текста с точки зрения его структуры в двух направлениях: синтаксическом и семантическом. Исследование отечественных теорий текста привело к мысли о том, что многие из них включали в себя как рассмотрение текста в синтаксическом, так и в семантическом планах. К данному классу теорий текста относится грамматическая субпарадигма, в которой основной целью является выделение грамматических категорий и единиц текста. Важно уточнить, что отечественная лингвистика переняла данную стратегию исследований в основном из германских теорий. Изначально данный подход был подробно рассмотрен в исследовании В. Дресслера и Р.-А. де Богранда.

В качестве основных категорий текста Р.-А. де Богранд и В. Дресслер предложили семь параметров: когезию, интенциональность, когерентность, адресованность, ситуативность, (типологическую) интертекстуальность,

информативность. Важно подчеркнуть необходимость наличия данных признаков при порождении и восприятии текста. Данные характеристики ученые рассматривают следующим образом: «когезия (1) — это взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста: грамматико-синтаксическая, лексическая, ритмическая, графическая; когерентность (2) — семантико-когнитивная связность в ее различных аспектах: причинно-следственном, временном, референциальном. Оппозиция «когезия – когерентность» – это оппозиция поверхностной структуры и глубинно-смыслового уровня. Интенциональность (3) как обусловленность текстового целого коммуникативной целью тесно связана с адресованностью (4), т.е. коммуникативно-прагматической направленностью на адресата во всем многообразии его, адресата, характеристик: социальных, возрастных, коммуникативно-ролевых etc. Информативность (5) подразумевает отражение в тексте степени/меры ожидаемости/неожиданности, известности/неизвестности, предъявляемых адресату смысловых образований, что обуславливает отбор и комбинирование языковых средств. Ситуативность (6) характеризует соотношенность текста с релевантными факторами коммуникативной ситуации его порождения. Наконец, интертекстуальность (7) предполагает воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных признаков, определяемых моделью его текстопостроения – типа текста» [Чернявская 2009: 20–21].

Параметры текста, предложенные Р.-А. де Бограндом и В. Дресслером, принято считать ключевыми признаками текста во многих зарубежных исследованиях (R.-A. De Beaugrande, W. Dressler, M. Halliday, R. Hasan, H. Vater, W. Heinemann и др.). То же находим и в отечественных работах (например, [Гончарова 2004: 14–23]).

Однако, несмотря на схожесть в этом плане отечественных и зарубежных исследований, важно отметить, что в отечественной науке набор конститутивных категорий текста несколько отличается от приведенных выше. Такое состояние можно объяснить «различием в традициях интерпретации и анализа текста – западно-европейской, ставящей в центр внимания установление критериев или стандартов, отличающих в своей интегративности совокупности текст от нетекста, и

отечественной традиции, ориентированной на выделение и описание текстовых категорий и сопоставление текста с единицами более низких уровней языковой иерархии (И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, Т.М. Дридзе, Ю.А. Сорокин, А.А. Леонтьев, З.Я. Тураева)» [Чернявская 2009: 21].

Однако некоторые теории текста предполагают рассмотрение его структуры с учетом семантического плана. Они относятся к собственно структурной субпарадигме, так как их целью является построение структуры текстов разных типов. Выделение данной субпарадигмы основывается на том, что эти концепции являются доминирующими на протяжении определенного исторического периода, а также показывают основные тенденции развития идей в области определения структуры текста. К тому же упущение их из виду привело бы к образованию своего рода лакуны в классификации, так как эти теории послужили отправной точкой для рассмотрения структуры текста в разных направлениях и в связи с разными задачами.

АНАЛИЗ ТЕОРИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СУБПАРАДИГМЫ

Общие теории

Лингвистическое исследование текста И.Р. Гальперина.

1. Содержание.

Концепция текста И.Р. Гальперина является одной из самых популярных в отечественной лингвистике. Автор последовательно раскрывает все аспекты такого сложного явления, как текст. Он приводит следующее определение: «Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2006: 18]. Данное определение может служить своего рода планом рассмотрения всей концепции. Определение показывает, что текст: 1) явление письменное; 2) имеет некую структуру, которая предполагает наличие единиц его

построения; 3) обладает специфическими признаками («грамматическими категориями»); 4) характеризуется целостностью; 5) несет определенную информацию.

Из определения следует, что текст – явление письменной речи. «Устная речь – это движение, процесс» [Гальперин 2006: 18]. Текст обладает такими признаками, как завершенность, стабильность, организованность, в то время как речь такими характеристиками не обладает. Речь линейна и рассчитана на слуховое восприятие, а текст обладает двойкой сущностью. Он не только стабилен, но и несет в себе движение. И.Р. Гальперин неоднократно подчеркивает, что текст обладает двойственной природой – состоянием покоя и движения. Текст представляется как цепочка дискретных единиц и статичен. Процесс и движение заложены в нем имплицитно. Но при воспроизведении текст находится в движении, и уже признаки покоя выражаются в нем имплицитно.

В основе такого подхода лежит положение, что «в результате длительного процесса формирования письменный вариант языка выработал особенности, которые постепенно приобрели статус системности» [Там же: 15]. Подчеркивая необходимость систематизации знаний о тексте, И.Р. Гальперин использует понятие грамматической категории для выделения признаков текста. Это же доказывается и тем, что грамматика стремится к упорядочиванию языка, а текст является «островком организованности». Текст снимает энтропию, порождаемую отдельными предложениями.

Рассмотрение текста как особого единства предполагает наличие элементов в его структуре. Существует несколько оснований для членения текста и выделения его единиц. И.Р. Гальперин рассматривает: 1)объемно-прагматическое (том, книга, часть, глава, главка, отбивка, абзац, строфа, сноски, цифры, СФЕ); 2)контекстно-вариативное (речь автора, несобственно-прямая речь, чужая речь, цитация).

И.Р. Гальперин отмечает различие вариантов членимости текста в зависимости от типа текста. Так, в художественном тексте членимость текста зависит от информации, которая в нем находится. Исследователь выделяет

содержательно-фактуальную (далее – СФИ), содержательно-подтекстную (далее – СПИ) и содержательно-концептуальную (далее – СКИ) виды информации. Как правило, текст описывает факты, события, места действия и время его протекания, включает в себя рассуждения автора, сюжетную линию и прочее. Это и есть элементы СФИ. Данная информация обладает двумя функциями: наполняет текст жизнью, отражает смыслы, находящиеся в нем, а также шифрует эти смыслы, препятствует пониманию, стимулирует различные трактовки. СКИ включает в себя отражение позиции автора, его замыслов, но не равноценно идее произведения. По мнению И.Р. Гальперина, это комплексное понятие, включающее замысел автора и его содержательную интерпретацию. СКИ чаще всего имплицитна, то есть не выражается словесно в тексте. СПИ, по мнению И. Р. Гальперина, не отождествляется с художественными средствами и появляется вследствие того, что слова, словосочетания и предложения обладают способностью иметь скрытые смыслы. Автор утверждает факультативность концептуальной и подтекстовой информации в зависимости от типа текста. Данные виды информации необходимо учитывать, производя анализ членимости текста. Анализируя различные типы текстов, И.Р. Гальперин приходит к выводу, что «наиболее логическое членение текста находится в научной литературе» [Гальперин 2006: 54].

Наряду с представленными видами членения текста автор останавливается на рассмотрении СФЕ как «основного конституента текста». И.Р. Гальперин указывает на размытость границ СФЕ и определяет его выделение на прагматической основе. Конституентом СФЕ признается предложение.

Теперь обратимся к рассмотрению грамматических категорий текста. И.Р. Гальперин разделяет их на структурные (интеграция, сцепление (когезия), ретроспекция, проспекция, континуум, завершенность) и семантические (информативность, глубина (подтекст), пресуппозиция) [Гальперин 1977: 524].

Рассматривая интеграцию текста, И.Р. Гальперин отмечает, что она заключается в осмыслении текста. Она реализуется: а) в подчинении одних частей текста другим, б) в синонимических повторах, в) в стилистических приемах и др.

Когезия определяется как специфический вид связи, на котором базируется континуум, то есть представляет собой логическую последовательность, позволяющую связывать отдельные сообщения, единицы текста, а именно СФЕ. Когезия бывает логическая, стилистическая, ассоциативная, образная. Континуум в свою очередь определяется И.Р. Гальпериным как категория, представляющая «определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, причем развертывание событий протекает не одинаково в разных типах текстов» [Гальперин 2006: 87]. Отсюда следует, что континуум бывает пространственный и временной.

Категории проспекции и ретроспекции являются формами дисконтинуума. Категория ретроспекции базируется на способности человека удерживать в памяти сообщенное ранее и соединять его с сообщаемой информацией в ходе коммуникации. «Ретроспекция – грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации. Ретроспекция проявляется двояко:

- а) когда предшествующая информация уже была изложена в тексте;
- б) когда предшествующая информация, необходимая для связи событий сообщается, прерывая поступательное движение текста, т.е. происходит перестановка временных планов повествования» [Там же: 110]. Ретроспекция относится к СФИ. Проспекция представляет собой «различные языковые формы отнесения СФИ к тому, о чем речь будет идти в последующих частях текста» [Там же: 112].

Понятие завершенности автор рассматривает в совокупности с понятием названия или заголовка произведения. По мнению И.Р. Гальперина, автор текста, по сути, отражает содержание, концепт всего текста в названии. Существуют различные виды названий, но все они «обладают способностью ограничивать текст и наделять его завершенностью». Так, понятие *название* совмещает в себе проспекцию и рамки изложения. «Текст ограничен во времени и пространстве» [Там же: 134].

Выделенные виды категории информативности были рассмотрены выше. Очевидно, что СПИ тесно связана с категорией подтекста (глубины). Подтекст

является дополнительной информацией, «которая возникает благодаря способности читателя видеть текст как сочетание линейной и супралинейной информации», и рассматривает подтекст как такую организацию СФЕ, «которая возбуждает мысль, органически не связанную с пресуппозицией или импликацией» [Гальперин 2006: 46]. «Подтекст – это своего рода «диалог» между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной сторонами информации; идущие параллельно два потока сообщения – один, выраженный языковыми знаками, другой, создаваемый полифонией этих знаков, – в некоторых точках сближаются, дополняют друг друга, иногда вступают в противоречия» [Там же].

Еще одной семантической категорией у И.Р. Гальперина выступает пресуппозиция, которая близка по своим характеристикам к подтексту. Однако подтекст существует в СФЕ, в то время как пресуппозиция заключается в отдельном предложении. «Пресуппозиция – это те условия, при которых достигается адекватное понимание смысла предложения» [Там же: 44]. Именно при помощи пресуппозиции выделяется подтекст. «Подтекст же – явление чисто лингвистическое, но выводимое из способности предложений порождать дополнительные смыслы благодаря разным структурным особенностям, своеобразию сочетания предложений, символике языковых фактов» [Там же].

И.Р. Гальперин подчеркивает, что не все категории обязательно присутствуют во всех текстах. Он описывает лишь таксономию категорий текста, так как иерархия возможна только при анализе конкретного текста.

2. Новизна.

Анализируя новизну теории текста И.Р. Гальперина, важно отметить, что до сих пор теория И.Р. Гальперина рассматривается как одна из ведущих в отечественной лингвистике текста. Для этого есть ряд оснований. Во-первых, в этой концепции рассмотрены все аспекты текста (онтологический, гносеологический, лингвистический, прагматический и психологический). Во-вторых, разработанная классификация видов информации служит основанием многих последующих работ,

так как является одной из самых непротиворечивых. Хорошо проработанной также представляется таксономия текста.

Важно отметить, что И.Р. Гальперин последовательно применяет принципы структурной лингвистики к тексту. В связи с этим он рассматривает единицы текста и его категории. Последние в свою очередь находят подробное описание с точки зрения их формального и содержательного выражения. И.Р. Гальперин производит разбор системности и несистемности текстов.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на то, что концепция текста И.Р. Гальперина имеет много последователей, все же можно отметить некоторые недостатки в ней. Рассматривая текст как явление лишь письменного языка, И.Р. Гальперин придерживается узкой трактовки данного понятия. Автор не утверждает автономии письменной и устной форм языка, однако все положения в его концепции это доказывают. Как отмечалось выше, текст относится к письменным явлениям, а также все иллюстративные примеры относятся к письменной речи, не включая примеры живой устной речи. Такой подход не совместим с современными лингвистическими исследованиями, в которых чаще рассматривается устная и письменная речь как взаимосвязанные явления. Для концепции И.Р. Гальперина такое рассмотрение вполне логично в связи с определением текста (приведенным выше), на которое ориентирована вся работа.

Выделяя типы информации и сопоставляя СПИ и подтекст, можно прийти к выводу о неоднозначности трактовки данных явлений. Рассматривая подтекст как особый вид организации СФЕ, «которая возбуждает мысль, органически не связанную с пресуппозицией или импликацией» [Гальперин 2006: 44], И.Р. Гальперин подразумевает организацию текста. Это наводит на мысль, что подтекст рассматривается как аспект формальной организации текста, однако исследователь относит данную категорию текста к семантической. Далее И.Р. Гальперин вводит понятие СПИ, которое противопоставляется понятиям СФИ и СКИ. Такой подход вызывает несколько вопросов. Определяя термин СПИ, И.Р. Гальперин утверждает, что подтекст является частью семантической структуры

текста, а также способом организации плана его содержания и информацией, которая таким способом передается, то есть СПИ. Вероятно, такое разграничение оправдано, но возникает сомнение по поводу возможности рассматривать СФИ, СКИ и СПИ как понятия одного ряда, так как СФИ и СКИ могут быть противопоставлены по качественному основанию, а СПИ противопоставляется им по способу представления информации в тексте. Не совсем ясен также механизм возникновения подтекста. Подтекст то определяется как взаимодействие СФИ и СПИ, то только как СПИ, то как результат совмещения СФИ и СКИ (см. [Гальперин 2006: 42, 44, 45, 49]. Также И.Р. Гальперин непоследователен в определении того, кто создает подтекст. Иногда этому служит организация текста, в других случаях этому служит сам читатель (см. [Там же: 46, 49]. Обе точки зрения имеют своих сторонников, однако их объединение не является доказательным.

Существенным положением концепции И.Р. Гальперина является выделение общих и частных категорий текста. Особенность первых состоит в том, что они свойственны всем типам текстов, а специфика вторых — в том, что они могут быть обнаружены лишь в определенных типах текста [Воробьева 1993: 52]. Следует отметить, что содержательные категории текста явно или неявно сориентированы на художественный текст как текстовый прототип, что вряд ли может быть бесспорным при составлении систематизированной концепции текста, относящейся ко всем типам текста. На сегодняшний день работа И.Р. Гальперина по-прежнему остается востребованной в силу полноты и глубины исследования проблем текста.

Грамматика текста О.И. Москальской.

1. Содержание.

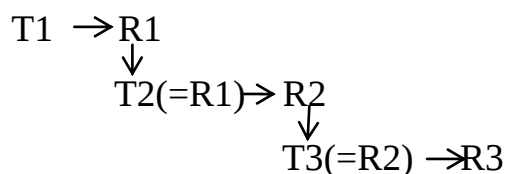
Эта концепция представляет собой конструктивную концепцию текста на примере немецкого языка. Остановимся на общих положениях данной теории.

В теории текста О.И. Москальской понятие «текст» рассматривается в широком смысле — как «целое речевое произведение», и в узком — как микротекст или СФЕ, то есть автор изначально придерживается позиции существования

текстового уровня в лингвистике. Соответственно, приоритетными направлениями лингвистики текста О.И. Москальская видит учение о СФЕ и учение о тексте. Предметом изучения лингвистики текста признается изучение моделей построения связной речи.

Автор подробно останавливается на изучении СФЕ. Исследователь приходит к выводу, что к СФЕ (или микротексту) применим как синтагматический, так и функциональный подходы. «СФЕ – это специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая единое высказывание» [Москальская 1981: 17]. СФЕ всегда монотематично. Целостность микротекста в данном случае рассматривается как единство структуры, смысла и коммуникативной направленности. Данные три критерия относятся к когерентности текста (или макротекста). Структурная целостность заключается во внешнем выражении смысловой и коммуникативной целостности. Сигналами связи между предложениями в СФЕ являются местоимения, местоименные наречия, артикли, время и др. Смысловая целостность микротекста заключается в единой теме в рамках одного СФЕ или в рамках всего макротекста. Тема – это «смысловое ядро» текста, его обобщенное содержание. Важно помнить, что тема макротекста не тождественна сумме частных тем. Единство темы СФЕ заключается в рекуррентности ключевых слов, связанных с темой, сходстве референции, а также в ситуативно-связанных импликациях. Целостность текста и микротекста определяется коммуникативной преемственностью между его компонентами. Коммуникативная целостность СФЕ предполагает текстообразующую функцию предложения. Предложения в СФЕ и в тексте связаны анафорической и катафорической связью. Анализируя СФЕ с точки зрения коммуникативной целостности, О.И. Москальская выделяет следующие модели тема-рематических цепочек СФЕ.

- Линейная тематическая прогрессия



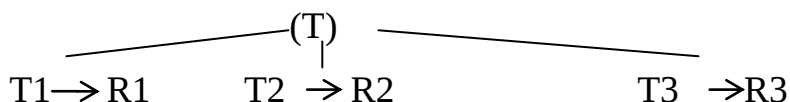
- Сквозная тема

$T_1 \rightarrow R_1$

$T_1 \rightarrow R_2$

$T_1 \rightarrow R_3$

- Производные темы



Исследователь разграничивает понятия СФЕ и абзаца. СФЕ выделяется на основе тема-рематического членения, это единица как монолога, так и диалога. Абзац же – явление графического порядка, относящееся чаще к монологу. Автор не отрицает, что границы абзаца могут совпадать с границами СФЕ, однако данное утверждение не универсально для всех текстов. Понятие абзаца автор относит к единицам композиции текста. О.И. Москальская рассматривает особенности абзаца в научных, научно-популярных и учебных текстах. К ним относятся: монотематичность абзаца, линейное движение от темы к теме, иерархическая организация. Абзацы таких текстов бывают двухчастные (или открытые), которые состоят из ключевой фразы и комментирующей части, и трехчастные (или закрытые), которые состоят из ключевой фразы, комментирующей части и вывода. В художественной литературе мы чаще имеем дело со смешанным или политематическим абзацем, который включает различные авторские отступления. Композиционная структура абзаца допускает варианты. Такое варьирование связано с логико-семантической структурой текста, в частности, с его реляционной структурой. Сравнивая семантический и композиционный анализ, можно утверждать, что одной из задач первого является раскрытие реляционных межфразовых отношений, а второго – описание расположения составляющих данного отношения. Однако важно отметить, что семантический анализ проводится на уровне СФЕ, а композиционный – на уровне абзаца.

Стоит рассмотреть также предложенный О.И. Москальской вариант семантического анализа текста. Компонентами семантики текста являются

целеустановка и реляционная структура. Автор выделяет три основные коммуникативные целеустановки: повествование, побуждение и вопрос. Реляционную структуру О.И. Москальская понимает как систему смысловых отношений между составляющими текста. Смысловые связи могут быть выражены как имплицитно, так и эксплицитно. Автор подробно останавливается на описании особенностей связи простых и сложных предложений. Для изучения реляционной структуры текста необходимо применять канонизацию текста. Данная процедура сводится к «приведению всех синтаксических структур, встречающихся в тексте, к элементарным пропозициям» [Москальская 1981: 70]. Тем самым подчеркивается необходимость учитывать данные синтаксического рассмотрения при анализе семантики.

Семантический анализ текста включает следующие уровни:

- семантико-синтаксический анализ предложения;
- синтактико-семантический анализ текста (раскрытие смысловой структуры текста как целого).

Отсюда также следует и типология сложных смысловых структур СФЕ:

- установление референта, вокруг которого организуется высказывание (тема микротекста);
- определение преобладающих логических форм элементарных предложений.

Очевидно, что в данном случае семантический анализ применяется как инструмент определения типа единиц текста и установления параметров целостности текста, что непосредственно относится к грамматике текста.

Еще одним параметром рассмотрения текста является его актуализация, то есть его отношение к действительности. В данном аспекте рассматриваются категории предикативности и определенности/неопределенности. Исследователь обращает внимание на связь данных характеристик с типом текста, отмечает сложность построения и анализа художественного текста.

Рассматривая вопрос о видах речи, О.И. Москальская разделяет текст на монолог и диалог. Монолог – это «устная или письменная связанная речь лица»,

где второй участник является адресатом. Монолог представляется линейной цепочкой предложений. Диалог же рассматривается как «альтернирующая цепочка», чередующиеся высказывания говорящий – адресат, адресат – говорящий. Оба вида текста имеют общие характеристики: смысловая целостность, коммуникативная структурированность, наличие структурных показателей когезии. Важно отметить, что, несмотря на сходство данных параметров, реализуются они в диалоге и монологе по-разному.

Важно отметить, что все характеристики текста О.И. Москальская связывает со смысловой, структурной и коммуникативной целостностью.

2. Новизна.

Основываясь на рассмотренных параметрах содержания работы, можно прийти к выводу, что это целостная теория текста. Огромный вклад внесла работа О.И. Москальской в развитие идей лингвистики текста. В ней отражаются и уточняются вопросы цельности текста, рассматриваются критерии выделения и анализа микротекста (СФЕ), предложен вариант семантического анализа текста, рассмотрена актуализация текста посредством категории предикации и определенности/неопределенности. Собственно изучением микротекстов занимается стилистика и грамматика, а текстов – лингвистика текста. Однако рассмотрение одного без другого не представляется возможным, что оправдывает такое изучение. Трехмерное рассмотрение цельности текста подчеркивает связь его элементов, уточняет виды такой связи и показывает текст как многоуровневое понятие, что является толчком к семантическому анализу, который отражает данную взаимосвязь.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на все достоинства рассмотренной работы, нельзя обойтись без рассмотрения ряда ограничений. Важнейшим, очевидно, является рассмотрение лишь немецкого языка. Представляется неправомерным обобщать примеры эксплицитного выражения когезии текста на примере лишь одного языка. Современная лингвистика предполагает наличие общих критериев для всех языков (по крайней мере, одной языковой семьи) или же описание специфики

определенных языковых групп. Исследование лишь с позиции одного языка ограничивает рассмотрение не только на уровне текста, но и микротекста в связи с различием в порядке слов, правил построения предложений. Однако данная работа может послужить наглядным примером для составления типологии текстов и теории текста применительно к немецкому языку, а также при составлении универсальной теории с учетом особенностей текстов на данном языке.

Значительное ограничение также вводится при рассмотрении композиции текста, заключающееся в анализе абзаца. Рассматриваются лишь абзацы с одним СФЕ. Анализ же абзацев, включающих несколько СФЕ или СФЕ, выходящих за рамки одного абзаца, не производится. Очевидно, что приемы канонизации, предложенные О.И. Москальской, применимы и в таких случаях, однако примеры разбора данного вида абзацев значительно расширили бы исследование в целом.

Еще одним противоречием видится некоторая путаница в понятиях текста, микротекста, макротекста и СФЕ. Кажется избыточным вводить понятия микротекста и макротекста, так как микротекстом является СФЕ, а макротекстом – собственно текст, что очевидно из следующего определения: «...следует различать два основных объекта лингвистики текста: 1) целое речевое произведение – текст, т.е. текст в широком смысле слова, или макротекст, и 2) сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) – текст в узком смысле слова, или микротекст...» [Москальская 1981: 13].

Несмотря на данные недостатки теории, надо отметить, что попытка трехмерного рассмотрения текста на всех уровнях является важной для развития идей лингвистики текста.

Частные теории

Художественный текст З.Я. Тураевой.

1. Содержание .

Автором одной из первых отечественных монографий по лингвистике текста по праву можно считать З.Я. Тураеву [Тураева 1986]. Наряду с рассмотрением предмета ЛТ, связи ЛТ с другими науками и выделением

основных направлений в области ЛТ, исследователь предлагает свою теорию текста, которая вызывает несомненный интерес. Рассмотрим основные положения концепции текста З.Я. Тураевой.

Предметом исследования является текст. З.Я. Тураева определяет его как «некое упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» [Тураева 1986: 11]. Далее исследователь уточняет, что будет рассматривать текст как «фиксированное на письме речетворческое произведение» [Там же]. Итак, определение *текста*, данное З.Я. Тураевой, обращает внимание на следующее: :

- 1) текст обладает некоторой структурой, которая предполагает наличие элементов его построения, а именно единиц;
- 2) текст характеризуется целостностью;
- 3) текст обладает некоторыми характеристиками, которые автор называет «категориями текста».

З.Я. Тураева предметом рассмотрения видит художественный текст как произведение художественного творчества, объединяющее отражение объективного мира и авторский вымысел. Такой предмет рассмотрения обуславливает специфику всей теории.

Рассматривая онтологический статус текста, З.Я. Тураева определила его структуру как «глобальный способ организации объекта как некой целостной данности» [Там же: 56]. Исследователь приходит к выводу, что художественный «текст обладает глубинной и поверхностной структурами, которые взаимосвязаны друг с другом и не существуют одна без другой» [Филиппова 2014: 97] . «Глубинная структура отражает идейно-тематическое содержание текста, а поверхностная является лингвистической формой» [Тураева 1986: 56]. Автор утверждает первичность глубинной структуры, так как она «подчиняет себе поверхностную» [Там же: 73]. Основанная на данном выводе модель порождения текста определяется З.Я. Тураевой как вертикальная. Однако исследователь

подчеркивает необходимость рассмотрения и горизонтальной модели, которая включает такие линейные зависимости, как актуальное членение, анафорическое/катафорическое построение текста, повторы, средства связи и другие компоненты [Тураева 1986: 59].

Рассмотрение текста как особого единства предполагает наличие единиц, характеризующихся не только «протяженностью, но и особыми свойствами, не сводимыми к простой сумме элементов» [Там же: 113]. З.Я. Тураева признает СФЕ единицей текста. «СФЕ – это отрезок текста, характеризующийся относительной смысловой и функциональной завершенностью, тесными логическими, грамматическими и лексическими связями, объединяющими его составляющие» [Там же: 116]. В связи с этим можно выделить следующие критерии для вычленения СФЕ: единая микротема, общность смысла предложений, согласование смыслов предложений, смысловое и коммуникативное единство предложений. Отсюда следует, что смысловая дискретность как критерий выделения СФЕ предполагает законченность и самостоятельность. З.Я. Тураева наряду с выделением только синтактико-смыслового членения текста (на СФЕ) также отмечает и иные виды членимости текста: композиционно-смысловой вид, предполагающий рассмотрение композиционно-речевых форм (повествование, описание, рассуждение); композиционно-стилистический вид, предполагающий рассмотрение абзаца как единицы текста.

З.Я. Тураева разделяет все категории текста на два типа:

- 1) структурные (сцепление, интеграция, прогресс/ стагнация);
- 2) содержательные, или концептуальные (образ автора, художественное пространство и время, информация, подтекст, причинность и некоторые другие) [Там же: 81].

Впервые в истории ЛТ к рассмотрению категорий текста З.Я. Тураева применяет полевой подход. По ее мнению, «бесконечная вариативность художественного текста, уникальность формы, несущей эстетическую информацию, приводит к тому, что основным средством выражения той или иной

категории, относящимся к ядру поля, не обязательно является наиболее частотное средство, как, например, в функционально-семантических категориях. Исследование полевой структуры категории текста должно идти по пути выявления функциональной нагрузки элементов в каждом конкретном тексте (художественный текст неповторим), должно учитывать их роль в формировании смысла текста, степень интеграции текстом» [Тураева 1986: 99]. Однако «иерархия категорий текста неясна и не установлена» [Там же: 82]. З.Я.Тураева, опираясь на общность двух знаковых систем – первичной (естественный язык) и вторичной (художественный язык) моделирующих систем – считает, что ключевой категорией можно считать образ автора. Данная категория регламентирует выбор языковых средств. «Картина мира, моделируемая в художественном тексте, оказывается пропущенной через индивидуальное сознание художника» [Там же]. Другие категории (сцепление, прогрессия / стагнация, интеграция, причинность, художественное пространство и время, информативность, подтекст и некоторые другие) относятся ею на периферию категориальной системы [Там же].

Стоит также подробнее остановиться на рассмотрении когезии текста, которую З.Я. Тураева считает одной из глобальных характеристик текста. В исследовании глобальная связь текста прослеживается на звуковом, лексическом и морфологическом уровнях, что определяется необходимостью рассмотрения собственно лингвистического аспекта текста. З.Я. Тураева делает вывод, что единство текста характеризуется интегративными (иерархическими) отношениями части и целого (которые включают синтагматику и парадигматику текста); категорией связности глубинной и поверхностной структур, которые в свою очередь образуют макроструктуру; приращением смысла. Парадигматика художественного текста, по мнению З.Я. Тураевой, бесконечна и имплицитна, а синтагматика (отношение между эпизодами в сюжетном пространстве) – эмпицитна, конечна.

Остановимся подробнее на прагматическом аспекте текста. План содержания текста характеризуется результатом взаимодействия значений

языковых единиц, которые входят в текст. Смысл же текста «представляет собой взаимодействие плана содержания с контекстуальной, ситуативной, энциклопедической информацией» [Бондарко 1978: 197]. Множественность интерпретации прагматики текста тем самым заложена автором и зависит от модели мира читателя. Следовательно, З.Я. Тураева определяет связь художественного текста с мегаконтекстом с помощью ассоциативных рядов. Классификация ассоциативных рядов возможна по разным основаниям.

- Противопоставление по степени связи различных текстов. Связи могут быть глобальные (на уровне всего текста) и частные. Такое противопоставление не является жестким. Условием разграничения является сходство в синтагматике текстов.

- Знаковая система. Возможно соотнесение с другими словесными текстами и с другими знаковыми системами. В пределах соотнесенности с той же знаковой системой можно выделить: связи с предметным миром (по типу иконического знака), общность постоянных величин (например, функции сказочных персонажей у В.Я. Проппа), общность персонажей [Тураева 1986: 16–19].

Рассмотренные параметры обосновывают двойственность текста. Текст характеризуется закрытостью (законченностью) и открытостью (актуализируется в сознании получателя), системностью (текст представляет своего рода модель, заданную языковым кодом) и индивидуальностью (вариативность материальной формы), представляет собой модель сложного законченного целого (эмический уровень – конструкт) и одновременно является реализацией такой модели (этический уровень – речь).

2. Новизна.

Рассматривая общие положения теории З.Я. Тураевой, стоит обратить внимание на тот факт, что исследование уточняет и развивает представления И.Р. Гальперина. Очевиден охват всех аспектов текста, а именно онтологического, гносеологического, собственно лингвистического, психологического, прагматического [Там же: 8]. З.Я. Тураева утверждает, что «текст обладает

глубинной и поверхностной структурами, которые взаимосвязаны друг с другом и не существуют одна без другой» [Филиппова 2014: 97]. Глубинная структура является первичной и влияет на поверхностную. Модель порождения текста, основанную на данных выводах, З.Я. Тураева определяет как вертикальную. З.Я. Тураева также уточняет представления И.Р. Гальперина в области членения текста. Различие терминов грамматических категорий в данных теориях отражается в разных типах текстов, берущихся для анализа в работах (к примеру, автосемантия у И.Р. Гальперина и образ автора у З.Я. Тураевой). Особенностью работы З.Я. Тураевой является применение полевого подхода к категориям текста. Исследователь приходит к выводу, что выявление ядра поля должно производиться не по принципу частотности, а на основании функционального наполнения компонентов каждого конкретного текста, таксации их роли в процессе формирования смысла текста, уровня слияния с текстом. Специфика предмета исследования обуславливает выделение образа автора в качестве главенствующей категории текста.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на научную новизну и неоспоримые преимущества работы З.Я. Тураевой, можно обнаружить ряд недостатков. Все аспекты текста рассмотрены в теории лишь с позиций художественного текста и частично – научного, что значительно ограничивает область исследования и не дает возможности представления данной теории как универсальной. Но важно отметить, что художественный текст рассматривается многими учеными как источник всех типов лингвистических явлений и реализации всех уровней текста. Рассмотрение письменного варианта текста, а также приведенные ранее особенности исследования говорят о том, что З.Я. Тураева является последователем И.Р. Гальперина. Такое сходство обнаруживается не только на уровне определения текста, но и в схожести набора категорий текста (за исключением терминологических несовпадений), уровней текста, членимости и единиц текста.

Несмотря на всю привлекательность концепции З.Я. Тураевой, в ней наблюдаются некие противоречия. Так, рассмотрение лишь письменного варианта

текста видится узким. Остается открытым вопрос о существовании текстов в речи, то есть устных текстов. Рассматривая категории текста, автор подчеркивает их универсальность и независимость от языка и типа текста. Однако далее З.Я. Тураева, рассматривая научный и художественный типы текста, обнаруживает не только разный набор категорий, но и их реализацию. Так, категория времени в художественном тексте определяется как художественный хронотоп [Тураева 1986: 82], а в научном тексте – как концептуальное время [Там же: 92]. Данное противоречие не является принципиальным, однако затрудняет восприятие концепции в целом.

Важно отметить явный прорыв в этой теории, а именно применение полевого подхода при построении иерархичной системы категорий художественного текста. Однако данная иерархия категорий художественного текста, предлагаемая З.Я. Тураевой, может быть определена как субъективная, так как место ключевой категории текста обусловлено задачами исследования объекта, а именно художественного текста. Тем самым данная иерархия не может считаться универсальной.

Несмотря на противоречия и узкое представление текста, концепция З.Я. Тураевой до сих пор привлекает внимание ученых и является одним из полных представлений о тексте.

Грамматика и текст в теории В.Г. Адмони.

1. Содержание.

Рассматривая концепцию В.Г. Адмони, следует проявить интерес к его статье «Грамматика и текст» в журнале «Вопросы языкознания» [Адмони 1985]. В этой статье отражены его теоретические взгляды на ЛТ.

Важно отметить, что автор считает необходимым обратить внимание на сам термин «лингвистика текста», который, по его мнению, не отражает самой сущности поворота лингвистики к изучению текста. Он предлагает использовать термин «текстоведение».

Автор делит высказывания на два типа: спонтанные (разовые) и воспроизводимые (текст). Спонтанные высказывания возникают в конкретной

коммуникативной ситуации. Они относятся к диалогической речи и выполняют сиюминутную задачу. Воспроизводимые же высказывания относятся в целом к письменной речи, но могут воспроизводиться и в устной.

В.Г. Адмони утверждает невозможность только лишь формального выделения текста и предлагает формально-функциональный подход. На формальном уровне текст должен быть письменным. С функциональной точки зрения «текст является видом высказывания, который рассчитан на воспроизведение вслух или молча... Текст... – построение устойчивое, нацеленное на длительное существование с расчетом на воспроизведение в последующее время» [Адмони 1985: 63]. Тем самым автор во главу угла ставит категорию воспроизводимости. «Доходчивое» воспроизведение достигается путем членения автором цельности текста на «тома, книги, части, главы, разделы, сверхфразовые синтаксические целые (абзацы), предложения» [Там же: 64]. Такое членение текста видится автору как иерархическое единство с определенным началом и концом. Строение текста определяет его задачу. В.Г. Адмони видит задачу текста в выражении четкой темы. Каждый текст имеет «определенное концептуальное тематическое содержание».

Текст также обладает такой необходимой характеристикой его существования, как когнитивно-речевая конкретность, «способность текста дойти до воспринимающего».

Следовательно, можно сделать вывод, что основными текстовыми категориями В.Г. Адмони считает воспроизводимость, цельность, единую коммуникативную задачу.

Исследователь отмечает, что текст не является лингвистической (грамматической) единицей. Он обращает внимание на то, что такое предположение разрушило бы текст как специфическое образование и снизило бы роль предложения как важнейшей структурной единицы.

В итоге В.Г. Адмони приходит к выводу, что «текст – это в высшей степени исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики» [Там же: 68].

2. Новизна.

Очевидно, что рассмотрение основных категорий текста схоже с представлениями И.Р. Гальперина. Основным отличием от ранее рассмотренных работ и, в данном случае, новизной можно считать рассмотрение текста не как собственно грамматической единицы, а как социальной. Такое представление, очевидно, заставляет задуматься над связью текста и общества, а значит, ставит перед исследователями новые задачи. Более того, новизной взглядов на текст в данном исследовании принято считать объединение исторического и функционального подходов.

3. Проблемные аспекты.

Рассматривая теорию В.Г. Адмони, можно прийти к выводу о сходствах, обнаруженных в работах исследователей данной парадигмы. Так, исследователь относит текст к явлениям лишь письменной речи, проводит выделение категорий текста.

Несмотря на разграничение письменной и устной речи путем выделения спонтанных и воспроизводимых высказываний, граница между этими двумя явлениями кажется условной, что приводит к неким двусмысленным трактовкам в самой теории. Дело в том, что наблюдается противоречие в самом определении текста как «коммуникативно-когнитивной практики», что кажется немислимым без устной речи и не базируется лишь на воспроизводимости.

Более того, автор определяет предложение как главную единицу в лингвистике, что противоречит пониманию содержательных характеристик, то есть ограничивает рассмотрение текста с позиций его содержания. Ведь уже очевиден факт, что, с точки зрения содержания, недостаточно лишь рассмотрения одного предложения. Предложение может считаться лишь формальной единицей текста.

Однако теория В.Г. Адмони, написанная в русле парадигматики своего времени, безусловно, является типичной и необходимой для иллюстрации классификаций теорий текста.

Связность текста А.А. Прокопчука.

1. Содержание.

Одним из представителей грамматической субпарадигмы исследований в области ЛТ можно считать А.А. Прокопчука. В своей работе «Сложно-подчиненное предложение и текст» он изложил свои взгляды на проблему текстовых характеристик и составляющих [Прокопчук 1990].

Вслед за многими исследованиями в области ЛТ автор рассматривает текст как знак и определяет его как «речевое образование, выражающее определенный смысл и служащее целям межличностного взаимодействия» [Там же: 20]. Исследователь выделяет следующие категории текста: целостность, тематическую общность (содержательную упорядоченность), связность, завершенность. В связи с уклоном работы к рассмотрению сложноподчиненных предложений, категория связности ставится во главу исследования и рассматривается как структурная категория текста.

Автор подробно останавливается на рассмотрении единиц текста, к которым он относит СФЕ. СФЕ обладают тремя характеристиками:

1) структурой. Под структурой СФЕ А.А. Прокопчук понимает взаимодействие лексических, грамматических и интонационных параметров. Все эти параметры линейно и коммуникативно упорядочены, так как их выбор автор текста осуществляет в связи с определенной целью взаимодействия с реципиентом;

2) смыслом. Смысловая составляющая СФЕ заключается в том, что оно обращается «к некоторому фрагменту фактической или идеальной действительности» [Там же: 26];

3) коммуникативно-функциональной составляющей. Функции СФЕ отличаются в зависимости от типа текста. Так, научный текст имеет такие функции как подготовку к формулированию проблемы, ее формулирование и решение [Там же: 33]. Функция каждого СФЕ стремится к реализации коммуникативной цели всего текста. Очевидно, что одно СФЕ может обладать сразу несколькими функциями.

А.А. Прокопчук считает необходимым изучить предложение как составляющую СФЕ. Он подробно рассматривает сложноподчиненные предложения (как единицы СФЕ) на примере немецкого языка. Автор отмечает такую категорию СФЕ, как значимость. Под ней он понимает деление смысла на переднеплановый и заднеплановый. Такое квантование четко прослеживается на уровне сложноподчиненных предложений. Автор доказывает, что мнение о том, что подчинительная часть всегда заднепланова, ошибочно. Он приходит к выводу, что сложноподчиненное предложение может представлять собой представление заднеплановой и переднеплановой информации, только заднеплановой или только переднеплановой.

2. Новизна.

Непосредственной новизной в работе является подробное рассмотрение сложноподчиненного предложения как единицы СФЕ. Автор приходит к выводу, что сложноподчиненные предложения (далее – СПП) включаются в текст по правилам иерархии смысловой структуры текста. СПП в составе СФЕ могут иметь доминирующую или недоминирующую коммуникативную функции. На членение содержащейся в тексте информации существенно влияет наличие СПП, ведь они могут передать больший объем информации в одном СФЕ. А.А. Прокопчук рассматривает типы СПП относительно семантико-синтаксической выраженности отношений между их составляющими и выделяет: СПП с семантически однородными составляющими и СПП с семантически неоднородными (разнородными) составляющими. Семантически однородные составляющиеся делятся на основе их союзных элементов на квалифицирующие (обстоятельственные) и относительные (анафорические, аппозитивные). Автор также отмечает, что СПП предрасположены к сентенциальной связи с контекстом, так как в них в большей степени существуют такие явления, как повтор, совпадение, общность компонентов, смысловая соотнесенность. Важно отметить, что СПП с разнородными семантическими составляющими не связаны с предтекстом. Такое положение дел позволяет произвести разделение СПП по синтагматическому критерию на СПП с подхватывающим и развертывающим

придаточным. В первом случае придаточные имеют связь с предтекстом, во втором – нет.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на силу теоретических положений теории А.А. Прокопчука, можно обнаружить в ней ряд ограничений.

Первым из них является рассмотрение лишь немецкого иллюстративного материала. Такое положение дел ставит под вопрос возможность применения результатов исследования к другим языкам.

Во-вторых, автор пользуется несколько запутанной терминологией. Содержательная упорядоченность также называется тематической общностью. Несмотря на то, что связность он относит к явлениям структуры, в дальнейшем он отмечает, что связность проявляется и на смысловом уровне. Логично возникает вопрос: почему не берется во внимание категория целостности, которая как раз и рассматривалась как смысловая?

В работе рассматриваются функции СФЕ лишь для нескольких типов текстов (научного типа, рецензии), что ограничивает предмет исследования.

Несмотря на представленные недочеты, работа является интересной для изучения и анализа.

АНАЛИЗ ТЕОРИЙ СОБСТВЕННО СТРУКТУРНОЙ СУБПАРАДИГМЫ

Частные теории

Морфология сказочных текстов В.Я. Проппа.

1. Содержание.

Одним из первых исследователей в области лингвистики текста принято считать В.Я. Проппа. Его основными работами считают четыре монографии, вышедшие при жизни ученого, и примыкающие к ним по тематике статьи. Первой была «Морфология сказки», изданная в 1928 году, и через тридцать лет принеся ему всемирную известность. Вторая – «Исторические корни волшебной сказки» – вышла в 1946 году. Третьей была фундаментальная монография «Русский героический эпос» (1958) и четвертой – «Русские аграрные праздники» (1963). Также существует работа, не дописанная самим автором, а

изданная его женой в 1984 – «Русская сказка». В последнем издании отражены наиболее системные исследования в области фольклористики.

В.Я. Пропп определяет сказку как «рассказ, отличающийся от всех других видов повествования специфичностью своей поэтики» [Пропп 2000: 24]. Под поэтикой автор понимает объединение стиля и композиции. Ученый проводит классификацию сказок и выделяет следующие типы

1. Волшебные сказки.
2. Новеллистические сказки.
3. Кумулятивные сказки.
4. Сказки о животных.

В основу данной классификации В.Я Пропп положил исследование А.Н. Афанасьева. Последний выделял:

- «сказки о животных (к ним примыкают немногие сказки о предметах, о растениях, о стихиях, волшебные, мифологические, фантастические);
- исторические сказания;
- новеллистические или бытовые;
- былички;
- народные анекдоты;
- докучные;
- прибаутки» [Там же: 50].

В.Я. Пропп определяет недостатки данной классификации в связи с тем, что исторические сказания, пересказы былин, былички, докучные и прибаутки «не относятся к области сказок, но, конечно, они самым тесным образом примыкают к ним и должны помещаться в сборниках сказок» [Там же]. Нет необходимости подробно останавливаться на разграничении данных жанров, однако следует отметить, что критерием отделения сказки от других жанров является «несбыточность». В связи с этим все рассказы, в действительность которых не верят, относятся к сказке. Остальные же жанры данному критерию не отвечают. Интересным представляется вопрос о критерии выделения данных типов. Сам автор признает, что нет единого критерия. Ведь волшебные и кумулятивные

сказки имеют характерную композицию, что же касается сказок новеллистических и сказок о животных, то тут невозможно говорить об уникальной композиции. Однако автор выделяет специфические для каждого типа «функции», которые являются своего рода константами. «Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия, или функции. Отсюда вывод, что сказка нередко приписывает одинаковые действия различным персонажам. Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц» [Пропп 2000: 20]. В.Я. Пропп определял функции как действия, которые имеют значение для развития сюжета [Там же: 194]. В работе «Морфология волшебной сказки» автор выделяет 31 функцию, характерную для данного типа сказки. Например: отлучка, запрет и нарушение, похищение, испытание, случайность и так далее. Однако автор отмечает, что не все функции встречаются в каждой сказке, но порядок их строго определен. В связи с этим и отличия в композиции.

Каждый тип сказок В.Я. Пропп рассматривает с точки зрения следующих оснований:

- общая характеристика;
- композиция и стиль;
- происхождение.

Одним из наиболее разработанных типов сказок является волшебная сказка. Автор утверждает, что она сразу выделяется из общего массива сказок типичностью сюжетов и мотивов. Однако В.Я. Пропп видит основной чертой волшебной сказки определенную последовательность функций, отражаемую в композиции. Рассмотрим волшебную сказку с данной позиции.

1.Завязка.

Функции: временная отлучка, запрет и его нарушение, недостача или похищение, отлучка главного героя из дома.

2. Основная часть:

1) случайность –

функция: встреча с дарителем;

2) испытание –

функции: борьба с противником, применение совета или средства дарителя.

3. Развязка.

Функция: победа героя, клеймение героя, возвращение.

4. Осложнение.

Функции: беда, трудная задача.

5. Окончательная развязка.

Функции: бой, обличие лжегероя.

«Изложенная схема является той единицей мерки, при помощи которой сказки могут быть определены как волшебные уже не на глаз и не приблизительно, а с достаточной научной точностью» [Пропп 2001: 222]. Однако важно помнить, что число и комбинация функций может варьироваться. Такое рассмотрение композиции привело автора к выделению типов героев:

1 – герой-искатель,

2 – герой-жертва,

3 – даритель (советчик),

4 – ложный герой.

Волшебная сказка также отличается своим стилем и языком. Автор отмечает наличие «формул», типичных для данного вида. Особое внимание обращают на себя вводные и заключительные формулы. Вводная формула выводит сказку из реальности. Заключительная формула в основном содержит отказ от изложенного. Рассматривая стиль сказки, В.Я. Пропп указывает на «утроение». «В сказке все утраивается. У родителей три сына, у царя три дочери, царевна задает три задачи, трижды происходит бой со змеем, у трех змеев по 3, 6, 12 голов и т. д.» [Там же: 226]. Другими чертами стиля волшебной сказки являются повторение, гиперболизм и юмор. Источниками происхождения волшебной сказки могли служить мифы, религиозные представления, тотемизм. Вопрос о происхождении волшебной сказки связан с первобытным обществом и типом мышления, преобладающим в нем.

Перейдем к рассмотрению новеллистических сказок (бытовых). В них отсутствует сверхъестественное, присутствуют бытовые элементы (рассказы из жизни) и комический эффект. Происхождение новеллистической сказки не связано с первобытным строем, она создавалась позже. В.Я. Пропп доказывает зарождение этого вида сказок в античности. Новеллистическая сказка, в отличие от волшебной, характеризуется разнообразием тех событий, которые описываются. По композиции она схожа с волшебной. Рассматривая стиль бытовой сказки, важно отметить ее простоту. Ей чужды формулы волшебной сказки. Можно выделить типы новеллистических сказок по сюжетам, основой которых является загадка: о мудрых девушках, об испытании жен, о ловких и удачливых отгадчиках, о ловких ворах и разбойниках, о хозяине и работнике, о попах, о глупцах, о шутах, о злых женах.

Кумулятивные сказки характеризуются многократным усиливающимся повторением одних и тех же действий. Образуется своего рода цепь, которая либо расплетается (как в сказке «Репка»), либо идет в убывающем порядке (например, «Петушок подавился») [Пропп 2001: 343–344]. Композиция кумулятивных сказок «развивается» в связи с характерными функциями для этого вида сказок: незначительное событие, соединение с цепью: мотивированное или немотивированное, развязка. В.Я. Пропп определяет принцип кумуляции как реликтовый. Эти сказки являются продуктом ранних форм сознания [Пропп 2000: 348]. Звенья цепи представляют последовательность событий, что свойственно примитивным типам мышления. Однако в сказках нет точного отражения той или иной стадии развития культуры. В них сохранились лишь типичные образцы поведения и мышления.

Четвертый вид сказок В.Я. Пропп определяет как сказки о животных. Главными действующими лицами здесь являются животные. В.Я. Пропп указывает на условность такого выделения и утверждает, что «Животные и человек взаимозаменяемы» [Там же: 352]. Композиция таких сказок характеризуется следующими функциями: коварный совет, неожиданный испуг, обман. Важно отметить, что в сказках о животных нет описания их реального

поведения, что наталкивает на мысль об их происхождении, не связанном с наблюдением за реальным миром. Происхождение таких сказок В.Я. Пропп видит в доклассовой стадии развития общества.

2. Новизна.

Необходимо признать, что работа о структуре текста В.Я. Проппа внесла огромный вклад в развитие структурного направления лингвистики. Он впервые разработал и применил структурный метод исследования художественного текста. В.Я. Пропп выделяет повторяющиеся постоянные элементы — «функции», положив начало структурно-типологическому изучению нарратива. Но В.Я. Проппа нельзя назвать формалистом. Ведь он не останавливается на рассмотрении лишь композиции, он изучает и происхождение сказок. Таким образом, элементы сказки рассматриваются ученым с помощью синхронического, исторического и генетического анализов. С этим соглашается и Б. Н. Путилов: «... неправильно ... отделять структурно-типологическую проблематику трудов В. Я. Проппа от проблематики историко-генетической. Для него то и другое существовало в неразрывном единстве, синхроническое структурное исследование обретало истинный смысл и значение постольку, поскольку оно имело в перспективе выход к исследованию генетическому» [Путилов 1975: 10]. Наследие В.Я. Проппа отражено в работах многих исследователей и послужило отправной точкой для новых дисциплин (см., например: [Структура текста 1980], [Глухова 1990, 1992]). Исследования В.Я. Проппа не противоречат современным идеям, которые служат основой для объектного программирования. Методы, изложенные в «Морфологии сказки», нашли свое применение как в структурном анализе фольклорных текстов, так и в исследованиях по искусственному интеллекту с целью синтеза волшебных сказок. Первый опыт был проведен в 1977 Шелдоном Клейном. Его система использовала последовательности функций В.Я. Проппа и процедуру случайного выбора с целью производства сказочных текстов [Рафаева 1998: 473].

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на актуальность изучения и применения наследия В.Я. Проппа, мы можем обнаружить некоторые недостатки его концепции. При классификации сказок автор выделяет волшебные и кумулятивные по структурному принципу, новеллистические – по сюжетному, сказки о животных – по принципу главных действующих лиц. Такое смешение принципов отражает сложность лингвистических классификаций в целом, однако требует дальнейшей доработки.

Важно отметить справедливое замечание Ю.С. Рассказова о том, что В.Я. Пропп «не различает композицию и сюжет» [Пропп 2000: 399]. Автор говорит о развитии композиции, но ведь композиция не развивается, это статичное образование. Скорее, В.Я. Пропп говорит о сюжетном развитии. Кажется однако, что данное смешение понятий не мешает восприятию теории и не является существенным упущением, так как оно не мешает восприятию концепции автора.

В.Я. Пропп отмечает, что сказка существует только в устах рассказчика, но рассмотрению подвергается письменный вариант сказок, что вызывает некое противоречие. Однако оно может быть объяснено тем, что автор не стремится к разграничению понятий речь и текст, что открывает возможность к развитию концепции, предложенной исследователем.

Связный текст в представлении С.И. Гиндина.

1. Содержание.

Целью своего исследования С.И. Гиндин видит возможность представления связного текста с учетом использования ЭВМ. Опираясь на определение, предложенное Н.Н. Леонтьевой [Леонтьева 1969], автор определяет связный текст как «такой набор предложений, в котором, независимо от того, между какими двумя предложениями проводится граница, получившиеся две последовательности будут связанными...» [Гиндин 1971: 16]. Механизмами связности предложений или *цепочек* (термин С.И. Гиндина) в работе исследователя принято считать зацепление и повтор. Зацепление предполагает наличие в составе цепочек элементов связки (например: и, но, а, так, следующее и др.) [Там же: 4]. Автор отмечает, что этот механизм может быть охарактеризован заданием списка таких элементов связки.

Однако механизм повтора — гораздо более сложное явление в связанном тексте. Исследователь придерживается позиции, что данный механизм может быть связан со всеми уровнями языка, т.е. выражаться в звуковом составе, грамматических категориях, семантических признаках, лексемах или целых фразах [Гиндин 1971].

Средством реализации лексического повтора считается словоизменительная парадигма; синтаксического — грамматические категории; фонетического или графического тождества — алфавитное или обратно-алфавитное разбиение, а также разбиение на классы слов с совпадающими последними символами [Там же: 6]. «Определение повторов как пересечений структурных характеристик» [Там же: 24] и понимающейся несвязанной последовательности из определения связного текста, дает возможность автору провести топологические аналогии. Связный текст может представлять собой как связное, так и несвязное топологическое пространство, что отражается наличием двух его подклассов, которые выделяются на основе критерия связности цепочек (субтекстов) текста.

Таким образом, С.И. Гиндин выделяет тексты «всюду связанные» и «всюду мотивированные». В первом подклассе каждая цепочка текста связана. Однако связь между цепочками наблюдается не всегда. Существуют тексты типа «кольца», связь которых обнаруживается только после прочтения всего текста, а также тексты «углы», которые имеют несвязные субтексты. Их и относят ко всюду мотивированным текстам.

Рассматривая тексты, составленные из произвольных совокупностей предложений, автор утверждает, что некоторые предложения могут образовывать «сгустки» (быть теснее связанными, чем с другими предложениями в тексте). В данном аспекте вводятся следующие ограничения:

- 1) связочные элементы могут соединять несколько последовательностей предложений;
- 2) даже при ограничении одним типом связей можно наблюдать иерархизацию структуры;

3) возможность существования нескольких разных типов связей предполагает «несовпадение структур текста», которые обнаруживаются при анализе одного из этих типов [Гиндин 1971: 30].

Отсюда можно сделать вывод, что «организация текста в каждой данной точке предстает как диалектическое единство связанности по одним параметрам... и несвязанности по другим» [Там же: 31].

Интерес представляет исследование С.И. Гиндина о специфике правил организации текста и предложения [Гиндин 1972]. Он отвергает уподобление организации текста организации отдельного предложения и предлагает два способа организации текста: «жесткий» и «гибкий». «Жесткий» способ предполагает разделение всей потенциальной совокупности субтекстов на конечное число классов и задание схемы, определяющей, как субтексты должны быть расположены друг относительно друга в тексте. При «гибком» способе упор делается на соотношение субтекстов внутри текста. Тем не менее «жесткий» способ непригоден в качестве единого общеязыкового принципа задания текстов: язык здесь дает лишь общую матрицу, а в различных областях коммуникации и в различных жанрах устанавливаются свои разбиения субтекстов и свои жесткие схемы. «Гибкий» принцип оказывается общеязыковым принципом задания и построения текстов [Гиндин 1977: 355–356].

2. Новизна.

Рассматривая новизну данного исследования, необходимо проанализировать понятие *остова текста*. Под ним понимается система субтекстов (членов разложения), в которой «каждый субтекст потенциально связан одним субтекстом системы» [Гиндин 1972: 35]. С.И. Гиндин различает внешний и внутренний виды остова текста. Внешний остов представляет собой реферат текста, который выражается при помощи выбора определенных кусков текста; в то время как внутренний остов является «осмысляющим рефератом», так как в этом случае речь идет о «пересказе своими словами» [Там же]. Автор предлагает типологию текстов на основе возможности удаления из текста одного или нескольких субтекстов. В таком случае критерием для выделения типов

станет степень устойчивости связности текста. Следовательно, в общем виде все тексты могут быть разделены на минимально устойчивые и максимально устойчивые. К первым относятся тексты, которые становятся несвязными, если удалить хотя бы один субтекст. Такие тексты автор называет «цепями без возвращений» [Гиндин 1972: 36]. Они характеризуются отсутствием связей по зацеплению и являются всюду мотивированными. Второй тип текстов можно разделить на «тривиально устойчивые» (в каждом субтексте есть связка) и «гимнические» (в них выделяется элемент повтора, который выходит в любой субтекст) [Там же: 39].

С.И. Гиндин выделяет еще один критерий для типологизации текстов – по соотношению их связности к членению на субтексты. «Тексты, всюду связные по цепочкам, и тексты, связные по цепочкам, но не всюду мотивированные ни при одном своем разложении, составляют два полюса текстов...» [Гиндин 1971: 42–43]. Остальные связные тексты могут изменять характер связности. К ним относятся тексты с размахом и тексты с ограниченным размахом. Тексты с ограниченным размахом представляют собой класс максимально устойчивых, а тексты с размахом являются всюду связными относительно любого разложения.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на всю стройность представлений, в работе обнаруживается ряд противоречий. Рассматривая потенциальную связность цепочек (взятых вне текста и не зависящих от контекста), С.И. Гиндин оставляет открытым вопрос разбора непосредственной связи цепочек в тексте. Автор утверждает, что «цепочки называются непосредственно связанными в последовательности текста, если и только если они связаны и ни одна из промежуточных цепочек не связана с ними тем же агентом связи» [Там же: 14]. Возникает вопрос – должен ли один и тот же агент связи обнаруживаться хотя бы с одной или с каждой цепочкой в тексте?

В работе заявлена иерархизация структуры текста, которая не очевидна из предложенного разбора текста [Там же: 30].

Однако данные недостатки скорее связаны с постановкой других целей в исследовании.

Структурные исследования 1980х годов.

В 1980 году вышел сборник работ исследователей текста под названием «Структура текста» под редакцией Т.В. Цивьян. Для описания основных направлений изучения структуры текста рассмотрим несколько примеров исследований.

I. Числовая символика текстов В.Н. Топорова.

1. Содержание.

В.Н. Топоров занимался рассмотрением числовой символики в архаичных текстах. При исследовании таких текстов различных культур он пришел к выводу, что их структура непосредственно была связана с числами. Он обнаружил два основных принципа строения такого рода текстов. На первоначальном этапе доминировал классификационный принцип построения текстов. Он предполагает, что «все существа и предметы связаны друг с другом определенными иерархическими отношениями» [Структура текста 1980: 7]. Для определения диахронических и синхронических планов таких текстов необходимо понять принцип системы. Любая иерархия в этом плане «подразумевает идею числовых характеристик» [Там же]. Развитие такого классификационного принципа с числовыми характеристиками приводит впоследствии к появлению текстов, способных перечислить все предметы окружающего мира и степени родства.

Следующим этапом в сравнительно-историческом плане становится появление последовательных структур. Здесь речь идет о «последовательном порождении членов числового ряда» [Там же: 50].

Рассматривая отношения слова и числа, В.Н. Топоров приходит к выводу, что существуют два подхода к их рассмотрению.

1) За словом видится число. В таком случае поэзия рассматривается как математика [Там же: 53].

2) Семантизация числа. Этот процесс явно противоположен первому подходу. В данном случае символика числа приобретает огромное значение в смыслопорождении и восприятии текстов.

В.Н. Топоров отмечает, что число и по сей день является объектом исследования и в современных текстах, так как оно в большинстве случаев несет смысловую нагрузку.

2. Новизна.

Очевидно, что в данной работе можно увидеть новый подход к соотношению слова и числа в текстах. Работа В.Н. Топорова отражает особенность структурной субпарадигмы в ЛТ, которая заключается в совмещении методов сравнительно-исторического подхода и собственно лингвистического (структурного). Он рассматривает архаичные тексты и их числовую символику, которая является основой структуры текстов того времени, а также проводит анализ современных текстов на семантизацию числа и его влияние на структуру текста. Основной функцией всех чисел является классификационная. Эта функция предполагает, что «все объекты ... связаны друг с другом определенной системой иерархических отношений» [Топоров 1980: 629]. Число в данном случае является определенным кодом, при помощи которого описывается мир. В зависимости от того, обладает ли число данной функцией, В.Н. Топоров разделяет тексты на сильночисловые и слабочисловые. К слабочисловым текстам он относит различные отчеты, то есть тексты, в которых число не имеет какой-либо классификационной функции.

Необходимо отметить также рассмотрение пространства и текста, проделанного автором на основе мифов. В.Н. Топоров рассмотрел эти понятия как взаимосвязанные, то есть текст имеет признак пространственности, а пространство в своем общем виде представляет текст. Мифопоэтический текст представляет собой описание мифопоэтического пространства, которое обладает такими элементами, как центр и путь. Центр пространства соотносится с временем, к которому ведет путь (изложение мифа) [Топоров 1983: 227–284].

3. Проблемные аспекты.

Важно отметить, что, несмотря на интересный подход к проблеме, можно выявить некоторые несоответствия. Так, при рассмотрении классификационных моделей не четко описывается, как именно происходит выявление синхронического и диахронического компонента в зависимости от структуры текста. Очевидным также представляется недостаточное рассмотрение современных текстов.

В область рассмотрения пространства и текста автор вводит понятие *пространства созерцания*, которое заключается в понимании и интерпретации текста. Однако данный вид пространства не находит рассмотрения в работе.

II. Структура древнегреческих поэтических текстов Вяч.Вс. Иванова.

1. Содержание.

Объектом исследования Вяч.Вс. Иванова стали древнегреческие поэтические тексты. Он выделяет три направления их исследования.

1. Традиционно лингвистический подход. Такой подход предусматривает «сравнительно-историческое исследование отдельных словосочетаний древнегреческого стихотворного языка» [Структура текста 1980: 59].

2. Статистический подход. Здесь речь идет о «реконструкции абстрактных метрических схем» [Там же: 60].

3. Выделение повторных эпических формул.

Такого рода процесс происходит «путем перенесения закономерностей южнославянского фольклора» [Там же].

Автор предлагает объединить все эти три подхода и выводит типичные схемы структурной организации древнегреческих поэтических текстов.

2. Новизна.

В данном случае можно обнаружить объединение нескольких методов исследования для получения общей картины структуры поэтического текста, что является новизной данной работы. Важно также отметить наличие большого количества иллюстративного материала и попытку систематизации накопленных знаний, что, несомненно, является преимуществом данной работы.

3. Проблемные аспекты.

Очевидным недостатком данной работы является собственно предмет исследования, который значительно ограничивает возможность применения результатов.

III. Структурирование румынских заговоров Т.Н Свешниковой.

1. Содержание.

Объектом исследования Т.Н. Свешниковой являются заговоры от оборотней в эпической повествовательной форме. Исследователь видит четкую структуру в подобных текстах. Она выделяет линейную последовательную цепочку мотивов: «1) начальная ситуация; 2) перечисление злокозненных существ; 3) злокозненные существа совершают по отношению к герою ряд действий и вносят в его тело болезнь; 4) герой призывает на помощь чудесных помощников, которые изгоняют болезнь из его тела; 5) перечисление частей тела, из которых изгоняют болезнь; 7) мотив отсылки болезни; 8) конечная формула заговора» [Структура текста 1980: 212].

Автор отмечает, что на каждом этапе присутствует образ героя, отмечает типичные характеристики каждого мотива.

2. Новизна.

В данном случае можно говорить о попытке применения теории В.Я. Проппа на заговоры. Данная попытка кажется очень удачной, ведь собственно румынские заговоры относятся к фольклору, как и сказки, рассмотренные в работах В.Я. Проппа. Т.Н. Свешникова приводит достаточно много иллюстративного материала.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на новизну применения подхода В.Я. Проппа, заключающуюся в новом предмете исследования, можно обнаружить, что слишком большой набор типичных характеристик для каждого из мотивов представляется несистемным и требует доработок. К примеру, начало заговора может включать или не включать упоминание места отправления, может включать или не включать описания дороги. Очевидно, требуется пояснение, с чем связано включение тех или иных характеристик в заговор.

1. Содержание.

Л.А. Черняховская в своей диссертации «Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения» [Черняховская 1983] подробно раскрывает метод поиска содержательной характеристики текста.

Исследователь рассматривает текст как «упорядоченную и письменно зафиксированную последовательность знаков, которая вместе с заголовком образует законченное и литературно обработанное речевое произведение» [Там же: 117]. Смысл текста рассматривается как «психическое отображение сегмента реальности, образующейся в сознании индивида в результате взаимодействия текста с фоновым знанием индивида» [Там же]. Л.А. Черняховская предлагает выделять три уровня смысла текста:

1) «психическое отображение реальности в сознании отправителя в процессе отображения в текст;

2) смысл уже созданного текста, когда субъективное переживание отправителя перенесено в вербальную форму линейной цепочки знаков, и смысл получил независимое от отправителя существование как заложенное в текст потенциальное психическое переживание некоего получателя;

3) психическое отображение сегмента реальности в сознании получателя, образующееся в результате взаимодействия текста с фоновым знанием получателя» [Там же].

Л.А. Черняховская подчеркивает невозможность анализа 1-го и 3-го типа смысла. В связи с этим анализ смысловой структуры касается 2-го типа.

Одним из элементов смысла текста является информация. Ее автор рассматривает как «идеальный продукт отражательного процесса». В данной работе выделяются следующие виды информации:

- актуально идеальное (психическое переживание в процессе познания или коммуникации);

- потенциально идеальное (статистическое неосознаваемое знание в долговременной памяти);
- виртуально идеальное (информация, перерабатываемая на неосознанном уровне);
- потенциально идеальное на внешнематериальном субстрате (потенциальное переживание);
- потенциально идеальное на внешнематериальном и социальном субстрате (энциклопедическое знание).

Единицей информации является сегмент (понятие). По сути в текст входят два комплекса информации, а именно комплекс языковых значений и семантический комплекс. При выявлении структуры смысла текста автор говорит об информативном инварианте текста, к которому можно применить метод под названием «сетка денотатов». В него положен принцип опредмечивания познавательной реальности при помощи языковых средств. В процессе анализа выделяются три типа элементов смысла: элементарные смысловые единицы; усложненные смысловые единицы первой степени и второй степени; усложненные смысловые единицы, сравнимые с текстом.

Элементарные смысловые единицы отражаются в сознании «получателя» текста при помощи предикативного выражения. Предикативное выражение бывает трех видов:

- развернутое (придаточное предложение);
- свернутое (аттрибутивное словосочетание);
- нулевое (предметное имя=слово).

Однако предикативное выражение может содержать в себе субъективные характеристики и тем самым отражать усложненные смысловые единицы. В тексте новые элементарные смысловые единицы вводятся усложненными. Данные единицы взаимосвязаны друг с другом как элементы любой структуры, в данном случае речь идет о тексте. Л.А. Черняховская выделяет три типа основных связей: внутренняя (связь между именем и предметом реальности); одинарная (свойство приписывания предмету имени); внешняя (групповая предикация).

Посредством этих связей смысловая структура текста будет оперировать единицами. Однако автор также выделяет «зонтичную связь», которая пронизывает весь текст. Она «нанизывает» элементарные или усложненные смысловые единицы, что приводит в итоге к выделению темы текста, то есть того, о чем текст.

Данный метод определения смысловой структуры текста, по мнению Л.А. Черняховской, позволяет обнаружить содержательный компонент текста и имеет прикладное значение. Результаты применения данного метода «денотативной сетки» могут быть использованы при обучении иностранным языкам, при выполнении переводов и в других целях.

2. Новизна.

Основными новшествами данной работы с точки зрения теоретической ценности можно считать проработку понятия информации и смысла текста, разработку иерархии смысла, рассмотрение специальной семантической теории информации.

Главным нововведением также можно считать применение метода «денотативной сетки». В целом метод может быть рассмотрен как достаточно продуктивный. Несмотря на многообразие содержания текста, автор выявила в нем базовые компоненты определенного состава, которые взаимосвязаны друг с другом и входят друг в друга по принципу иерархии. Таких элементов Л.А. Черняховская выделила три типа: 1) элементарные смысловые единицы (имя предмета, информация о наличии этого предмета в экстралингвистической реальности, оценивание уровня реальности его существования, пространственные и временные характеристики предмета); 2) усложненные смысловые единицы разных степеней сложности: а) первой степени сложности, которые состоят из элементарной смысловой единицы и её характеристики; б) второй степени сложности, в которые входит не полная элементарная смысловая единица (субститут) и ее характеристика; 3) усложненная смысловая единица, которая возникает в результате совмещения нескольких единиц. Далее Л.А. Черняховская изучает связи между этими единицами, возникающие в тексте. С помощью такой

модели можно изучить и структурировать начальный уровень семантики текста и его денотативную сторону. Концепция Л.А. Черняховской позволяет выявить смысловую структуру текста в виде усложняющихся семантических единств, которые могут быть разделены на элементарные смысловые единицы и которые, вступая в различного рода связи, последовательно входят друг в друга, схожа с идеей ван Дейка [Дейк 1978]. Предложенный метод является прототипом и других исследований (см., например: [Лукина 2011]).

3. Проблемные аспекты.

Концепция, предложенная Л.А. Черняховской, базируется на рассмотрении текста как письменного варианта речевой деятельности. Об этом свидетельствует определение текста, относящее нас к исследованию И.Р. Гальперина. Очевидно, что остается открытым вопрос о возможности применения предложенного метода «денотативной сетки». Сам метод базируется на функционировании элементарных единиц, что является спорным. Так, М.Я. Дымарский отмечает, что «происходит неизбежная потеря важных смысловых элементов и в конечном итоге – существенное искажение смысла целого» [Дымарский 2001: 17]. К тому же предложенный метод следует соотнести с денотативным картированием. Денотативное картирование связано с построением предметной структуры текста и представляет собой графовое изображение в виде дерева, где вершиной являются денотаты текста, а ветвями считаются предметные отношения, выражаемые ими в тексте [Екшембеева 2012]. Очевидно, что денотатная карта представляет собой предметное содержание текста нагляднее по сравнению с денотативной сеткой, которая претендует на изучение смысла текста, что представляется не вполне возможным при рассмотрении элементов содержания таким образом.

Также можно обнаружить неполноту предложенных моделей построения смысловой структуры текста, которая заключается в том, что смысловая сторона текста сводится только к процедуре «от простого и конкретного к сложному и абстрактному», несмотря на то, что текст создается не с этой целью.

Логико-психологическая система смысловой структуры текста Л.П. Доблаева.

1. Содержание.

Изучая и анализируя смысловую структуру текста как необходимый элемент его понимания, Л.П. Доблаев предлагает логико-психологическую систему.

Исследователь рассматривает текст как «группу из двух и более предложений, в которой есть свой текстовый субъект и текстовый предикат, составляющие вместе текстовое суждение» [Доблаев 1982: 17]. Анализируя тексты, Л.П. Доблаев приходит к выводу о том, что предложения в текстах связаны двумя типами связей: 1) синтаксической (наличие синтаксических характеристик, которые обуславливают семантическую связь); 2) связью, относящейся к смысловой структуре. Автор подробно останавливается на рассмотрении второго типа связи между предложениями.

Предложенные автором концепции понятия текстового субъекта и предиката определяются следующим образом: «Текстовый субъект обозначает то, о чём говорится в тексте... Текстовый предикат – это то, что говорится в тексте о текстовом субъекте» [Там же]. Что касается их выражения в тексте, то Л.П. Доблаев, анализируя тексты разных направлений, приходит к выводу о наличии в них «необходимых» и «не необходимых предложений». Необходимыми являются те предложения, удаление которых из текста нарушит его понимание, они являются необходимыми для понимания текста. Существует два случая, в которых предложения рассматриваются как необходимые: 1) когда идея первого предложения не представлена во втором; в таком случае речь идет о текстовом субъекте, а следующее предложение развивает, а не уточняет предыдущее; 2) мысль в предложении выражается неполно; здесь речь идет о текстовом предикате, понимание которого зависит от понимания текстового субъекта.

Существует четыре случая, в которых предложения являются не необходимыми: 1) конечный текстовый предикат, который раскрывает другое предложение; 2) обобщающее предложение, которое будет являться текстовым

предикатом; 3) текстовый предикат, являющийся соподчиненным предложением, но не дополняющим по смыслу; 4) текстовый субъект, который одновременно раскрывает предыдущее предложение, и следующее за ним предложение раскрывает его.

Очевидно, что эти два явления смыслового уровня текста связаны между собой. «Текст, как и само знание, выражением которого он является, может иметь очень сложное строение. Одно и то же предложение может быть одновременно текстовым субъектом и текстовым предикатом (частью предиката). Предикат определённого ранга может включать в себя один, два и более отдельных параллельных субъектов либо субъект и его предикат более низкого ранга; этот предикат, в свою очередь, может содержать субъекты и предикаты ещё более низкого ранга и так далее» [Доблаев 1982: 25].

Автор выделяет два типа связи между текстовым субъектом и предикатом. Во-первых, текстовый субъект определяет предикат. А во-вторых, существует связь между параллельными соподчиненными субъектами одного ранга, то есть между субъектами, относящимися к одному предикату. В первом случае связь между субъектом и предикатом можно обнаружить в наличии «скрытого вопроса», то есть понимание предиката связано с выяснением сути текстового предиката и выяснением сути текстового субъекта данного предиката. Тем самым, «скрытый вопрос» является двусторонним и неотъемлемым элементом смысловой структуры текста. Такие «скрытые вопросы» возникают при работе с различными текстами и появляются в «проблемных ситуациях».

Автор подразделяет проблемные ситуации в тексте на несколько видов:

- новизна текстового субъекта и многообразность его предиката;
- противоречивость текстовых субъектов;
- неполнота текстового субъекта;
- неполнота текстового предиката;
- отсутствие текстового субъекта;
- отсутствие предиката.

Все эти виды обладают рядом характеристик.

«1. Проблемные ситуации в тексте – это скрытые вопросы, которые объединяют текстовые субъект и предикат. Понимание таких ситуаций начинается не с осознания вопроса (который не задан), а ещё раньше – с обнаружения и самостоятельной постановки его на основе анализа материала текста и завершается нахождением ответа на него.

2. Текст нередко содержит не только условия («данные»), которые порождают у читателя вопрос, но и готовый ответ на несформулированный вопрос или материал, необходимый для самостоятельного нахождения (конструирования) ответа на него.

3. Ответ на скрытый вопрос можно найти либо в самом тексте, либо посредством воспроизведения имеющихся знаний, рассуждений, обращений к другому лицу или иному источнику.

4. Характерной чертой проблемной текстовой ситуации является новизна содержащейся в ней информации, которая вызывает потребность в познании нового» [Доблаев 1982: 65].

Очевидно, что приведенные в работе понятия непосредственно связаны с проблемой понимания текста. Л.П. Доблаев предлагает два определения понимания – широкое и узкое. Согласно первому подходу, понимание – это процесс построения связей между реальным предметом и знанием воспринимающего. В узком смысле понимание рассматривается как часть мышления, как часть опосредованного отражения предметов и явлений. Анализируя эти два подхода, Л.П. Доблаев принимает, что «понимание – в узком значении – это компонент мышления, состоящий в выявлении и разрешении скрытых (невыраженных) вопросов в проблемных ситуациях на основе использования имеющихся знаний и применения специальных приёмов» [Там же: 82].

Исследователь утверждает необходимость хорошего понимания текста, особенно при обучении. Он определяет набор логических приемов осмысления текста. Основным приемом является самостоятельная постановка вопроса, и как следствие – поиск и нахождение ответа на него. Также в его работе

рассматриваются производные приемы. К ним относятся постановка вопроса или предположения, предположение или догадка, антиципация (предугадывание), реципация (вспоминание прочитанного).

2. Новизна.

Необходимо обратить внимание на обращение к учебным текстам в работах Л.П. Доблаева. Предложенный иллюстративный материал по поводу понимания учебного текста несет теоретическую и практическую ценность.

Важно отметить доказанную субъектно-предикативную структуру как предложения, так и текста. Понимание текста основывается на понимании иерархии предикатов. Если на уровне предложения субъект и предикат понимаются с легкостью, то в тексте возникают дополнительные трудности, связанные с большим, чем один количеством предикатов и проблемных ситуаций. Под проблемными ситуациями автор понимал ситуацию новизны субъекта, а также ситуации неполноты или противоречивости текстовых субъектов и предикатов. Л.П. Доблаев экспериментально проследил развитость «интеллектуального чувства необходимой целостности и полноты субъектно-предикативной структуры текста» [Доблаев 1981: 90]. В ходе постановки проблемных ситуаций перед школьниками разных возрастов автор пришел к выводу о необходимости формирования умения анализировать субъектно-предикатную структуру текста для более эффективного усвоения материала.

Проанализировав смысловую структуру текстов, Л.П. Доблаев приходит к выводу, что не всегда связанные по содержанию предложения имеют семантические связи. Более того, такого рода предложения не всегда являются необходимыми в семантическом плане для соседних предложений. Семантически не необходимые предложения можно удалить из текста, хотя логика и синтаксическая структура высказывания не меняется. Вопрос же понимания такого сокращенного текста остается открытым и требует дальнейших исследований [Доблаев 1983].

Анализируя новизну работы Л.П. Доблаева, необходимо отметить, что многие исследователи высоко ценят эту теорию в методическом плане (см.,

например: [Лернер 1984: 129–131]). К тому же характеристика смысловой структуры текста представляется последовательной и очень подробно проиллюстрирована.

3. Проблемные аспекты.

Анализируя данную работу, хотелось бы отметить, что не следует определять ее дидактическую направленность, а именно – нет необходимости описывать методический аспект изучения учебных текстов автором. Данная концепция имеет ряд ограничений в отношении объекта исследования. Очевидно, что рассматриваться с точки зрения необходимости или не необходимости могут только лишь письменные тексты. Однако кажется вполне возможным применение подхода «скрытого вопроса» к процессу восприятия устного высказывания. Следовательно, данный подход может быть положен в основу новых исследований различного рода текстов.

Принимая узкий подход к пониманию, исследователь оправдывает использование таких терминов, как «текстовый субъект» и «текстовый предикат».

Иерархическая смысловая структура, с точки зрения текстового субъекта и предиката, выглядит достаточно стройной. Однако возникают вопросы в случаях включения одних предикатов в другие и тем самым построения запутанных систем смысловой структуры текста. Представляется, что применение данного подхода будет затруднительно, в особенности к художественным текстам.

Стоит также отметить, что рассмотрение проблемных ситуаций и скрытых вопросов в тексте несет большой вклад в дальнейшее развитие данной проблематики в рамках не только ЛТ, но и психолингвистики.

Уровни текста М.И. Откупщиковой.

1. Содержание.

В своей работе «Синтаксис связного текста» М.И. Откупщикова рассматривает текст, как «жестко фиксированную, передающую определенный связный смысл последовательность предложений, связанных друг с другом семантически, что выражено различными языковыми способами» [Откупщикова

1982: 28]. Такое определение основного объекта исследования базируется на 10 положениях, отраженных в работе:

- текст предстает как объект речемыслительной деятельности. Он должен существовать в нормальных условиях, то есть иметь автора и реципиента;
- текст передает некое сообщение. С позиции автора любой текст содержит в себе новые сведения для воспринимающего;
- любой связный текст является объектом языка;
- текст предстает как взаимосвязь всех уровней языка;
- уровни языка выдвинуты для упрощения его изучения;
- текст состоит из предложений, которые функционируют только в нем;
- предложения в тексте всегда связаны друг с другом;
- грамматическая структура текста включает в себя морфологический, синтаксический и гиперсинтаксический уровни;
- смысл текста бывает коммуникативный, модальный, семантический, прагматический, структурный;
- текст является знаком языка [Откупщикова 1982: 6].

Все эти положения обсуждались и в ранних исследованиях в области ЛТ. Остановимся на новизне исследования в следующем пункте анализа теории.

2. Новизна.

К нововведениям в работе М.И. Откупщиковой важно отнести выделение гиперсинтаксического уровня текста. Выделение данного уровня возможно с внесением следующего ограничения. Исследователь полагает рассмотрение не единиц текста как объекта исследования (т.е. линейного устройства текста), а единиц текста как предмета исследования (т.е. структурного исследования текста).

Единицей гиперсинтаксического уровня является гиперсинтаксема, то есть «гиперсинтаксическая связь, определенная на отрезке текста, большем, чем предложение» [Там же: 19–20]. В дальнейшем как раз связь и является объектом изучения исследователя.

М.И. Откупщикова базирует распознавание смысла текста именно по средствам выражения связи, которая подчиняется законам связности, антагонизма между линейной организацией текста и его гиперсинтаксической структурой, повторения, сокращения. Однако закон связности носит главенствующий характер и объединяет все остальные.

В работе также исследуется понятие «скрытое знание». Это знания, не выраженные в тексте вербально, а выводимые из него [Откупщикова 1982: 45]. Такие выводы могут быть извлечены путем смысловых преобразований, из грамматического содержания, а также на основе знаний о мире.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на интересный подход, изложенный в работе М.И. Откупщиковой, в ней видится ряд недостатков. Первым делом можно обратить внимание на ограниченность описания категорий текста. По сути исследованию подвергается лишь категория связности. Недостаточное количество иллюстративного материала не дает возможности утверждать, что результаты исследования могут применяться ко всем языкам и типам текстов.

Нечетким видится разграничение категории синтаксиса и гиперсинтаксиса. Введение последнего термина можно считать избыточным, так как понятие синтаксиса текста напрямую включает все проявления связности гиперсинтаксем (например: повторы, местоименные замены и т.д.).

Описывая типы связного текста в зависимости от цели коммуникации, автор пишет, что предложенные типы не всегда соответствуют понятию связного текста [Там же: 7]. Такое положение вызывает недоумение. Каким образом тип связного текста им же и не является?

В работе не полностью раскрыты понятия *прагматического* и *семантического* аспектов текста.

Несмотря на данные ограничения, работа М.И. Откупщиковой представляет новый взгляд в области исследований смысла текста.

1.Содержание.

В 1984 году была издана книга «Текст: Структура и Семантика» Ю.В. Попова и Т.П. Трегубович, в которой предлагался новый взгляд на ЛТ и текст при помощи введения понятия актуализации.

Следует отметить, что авторы предлагают рассматривать свои предложения как «гипотезу». Книга разделена на две части. Первая, написанная Ю.В. Поповым, описывает развитие лингвистических взглядов в целом и в ЛТ в частности, а также раскрывает принципиальные основы актуализации применительно к тексту. Вторая часть представляет собой научные труды Т.П. Трегубович в области семантического моделирования газетных текстов. Рассмотрим все положения подробнее.

Ю.В. Попов отмечает поворот лингвистики в целом к деятельностному подходу. Он приходит к выводу, что ЛТ является частным разделом языкознания и развивается в одном с ней направлении. Примечательно отметить, что автор отмечает полипарадигматизм в ЛТ, что описывалось выше. В своей работе Ю.В. Попов освещает принцип актуализма, который собственно и проявляется в повороте лингвистических исследований в сторону изучения деятельностного подхода. Принцип актуализации предполагает рассмотрение языка как объекта исследования с точки зрения процесса порождения текста. Он материализует и актуализирует сознание в коммуникативной ситуации. Текст рассматривается как абстрактная система [Попов 1984: 28]. Порождение же текста основывается на объективизации субъективной мысли. При этом автор вводит термины *внутреннего и внешнего кода* [Там же: 55]. Внутренний код характеризуется индивидуальностью его носителя. Внешний же код является объективным. Возникает вопрос: каким образом происходит перекодирование из внутреннего кода во внешний? Данный переход представляет собой перекодирование субъективных смыслов в языковые значения. Автор отмечает, что внутренний код не представляет собой языкового знака. В целом языковой процесс в данной работе представляет собой установление связей между смысловой системой и

единицами фонеморфологической системы. Под фонеморфологической системой понимаются материализованные языковые средства. Интерес представляют единицы смысловой системы. Смысл рассматривается как связь концептов. Последние, в свою очередь, подразделяются на предметные, признаковые и носители. Эти виды существуют в постоянной взаимосвязи. Такая концептуальная сеть обладает пропозициональными связями. Единицы смысловой системы моделируются пропозициями. Структура же пропозиции «представляет собой связь логического предиката с его аргументом по формулам $P(x)$, $P(x, y)$ » [Попов 1984: 59], то есть связь происходит между предметным концептом и концептом-носителем. Автор относит данные процессы к актуалистической теории языка.

Процесс порождения текста включает ряд операций: семантизация, референция, предикация, импликация, темарематизация. Семантизация представляет собой изначальное преобразование смысла в текст. Референция считается «актуализацией смысла в отношении к предметному образу» [Там же: 66]. Под импликацией понимается «скрытый смысл». Предикация относится к конструктивному уровню и предполагает ранжирование предикатов. Темарематизация рассматривается авторами как операция, направленная на текст, а не на предложение. Все эти операции взаимодействуют друг с другом в процессе порождения текста. Важно отметить, что данные операции послужили толчком к образованию идеи построения семантической модели текста на основании принципа актуализации. Построение такой модели основывается на пропозициях. Вслед за Н.Д. Арутюновой, Ю.В. Попов и Т.П. Трегубович определяют пропозиции как «семантические структуры, объединяющие денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция» [Там же: 110]. Пропозиция рассматривается как единица внутренней структуры текста.

2. Новизна.

Вслед за Е.Н. Богомоловой необходимо отметить, что Ю.В. Попов и Т.П. Трегубович были одними из первых исследователей, кто отметил важность

рассмотрения предикации в тексте [Богомолова 2011]. Исследователи впервые предложили классификацию предикатов-гиперонимов, в которую входят: статальные, процессуальные и акциональные. Определяя данные предикаты, авторы пользуются термином *текстуальный референт*. Под текстуальным референтом понимаются семантические субъекты объединенных в ряды пропозиций [Попов 1984: 125]. В связи с этим статальные предикаты описывают состояние и признак текстуального референта, процессуальные – изменения его состояния, а акциональные – его действия. Полученные данные о предикатах дают возможность провести классификацию текстуальных пропозиций и выделить пропозиции статической и динамической характеристики. В свою очередь статический класс делится на пропозиции статальной предикации, пропозиции качественной предикации, пропозиции локальной предикации и пропозиции темпоральной предикации; а динамический – на пропозиции процессуальной предикации, пропозиции акциональной предикации. Пропозиции акциональной предикации подразделяются на пропозиции детерминирующей предикации и пропозиции реляционной предикации, которые далее делятся на пропозиции объектной предикации и пропозиции экспликативной предикации [Там же: 137–139]. Данные пропозиции были положены в основу рассмотрения публицистических текстов, а именно заметок, статей, корреспонденции, комментариев и очерков на русском языке. Подобный анализ текстов привел к их типологизации по содержанию, по теме, по характеру соотношения единой текстуальной пропозициональной структуры (далее – ЕТПС) и тематической текстуальной пропозиции (далее – ТТП), по функционально-семантическому типу пропозиции в соотношении ЕТПС и ТТП. В результате такого подхода были выделены наиболее характерные тексты для газетной публицистики изученных жанров.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на новизну предложенного подхода, в работе Ю.В. Попова и Т.П. Трегубович обнаруживается ряд противоречий. Например, в ходе рассмотрения истории развития лингвистических представлений автор, пытаясь всесторонне

охватить все течения, тем не менее не всегда упоминает представителей той или иной парадигмы или школы (см., например: [Попов 1984: 42]). Более того, можно отметить периодические повторения уже рассмотренного материала (например, рассмотрение появления семантических теорий [Попов 1984: 20, 42]). Рассматривая понятия актуализационной нормы, авторы упускают из внимания собственно определение нормы (см. [Там же: 48–49]). Описывая смысл как свернутое суждение, автор отсылает читателя к «старым логикам», не конкретизируя, кто к ним относится ([Там же: 59]). Рассматривая операции актуализации смысла текста, автор говорит об уровнях их нахождения, однако только собственно референция относится к конструктивному уровню, а про другие уровни речи не идет ([Там же: 85–86]). Более того, в дальнейшем обнаруживается прямое противоречие:

«каждая операция, создав предпосылки для следующей, продолжает действовать с ней на ее уровне» [Там же: 99];

«очевидно, что темарематизация оказывает непосредственное воздействие и на предикацию, и на более «элементарные» операции, т.е. продолжает действовать и на этих уровнях...» [Там же: 100].

Далее следует отметить, что собственно применение подхода на практике ограничено объектом исследования в плане рассмотрения лишь публицистических текстов определенных жанров. Сами авторы отмечают, что при рассмотрении других жанров потребуется внести корректировки. Такие изменения отражены в работе Е.Н. Бомоловой [Богомолова 2011].

Однако несмотря на отмеченные недостатки, следует обратить внимание на то, что исследователи XXI века применяют данный подход, что подчеркивает его актуальность и обоснованность.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРУКТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Развитие структурной парадигмы прослеживается в нескольких направлениях.

Рассмотрение грамматических теорий может навести на мысль об устаревании такого рода изучения текста и отказе от него. Но, как было показано

ранее, в лингвистике происходит снятие приоритетов, а не резкая «революция» взглядов. К тому же исследования в данном аспекте ведутся и по сей день. Так, И.А. Щирова и Е.А. Гончарова отмечают продолжение рассмотрения набора текстовых категорий и насчитывают более 50 текстовых характеристик [Щирова 2007: 102]. Вопросы категорий текста также рассматриваются в работах многих исследователей (см.: [Беляева 2002; Шпар 2006; Семенова 2008] и др.). Отдельные категории применительно к конкретным текстам изучаются в исследованиях Д.Н. Салимовой [Салимова 2009], А.В. Гориной [Горина 2009], Д.А. Ичкинеевой [Ичкинеева 2011] и др.

Изучение вопросов грамматики текста также продолжается в рамках многих работ (см.: [Никитина 2001; Вейхман 2005; Уржа 2010; Медведева 2017] и др.).

Рассмотрение поверхностной и глубинной структуры текста так или иначе присутствует во всех типах исследований ЛТ, так как это помогает определить структурные, смысловые и синтаксические единицы текста, изучить категории текста и их взаимодействие на протяжении всего текста, определить характеристики того или иного жанра и так далее. Можно отметить продолжение тенденций рассмотрения внешней и внутренней структуры текста применительно к разным типам текстов, а также анализ содержательной структуры в связи с новым коммуникативным направлением в ЛТ (см., например: [Яцкевич 1999; Красноярова 2002; Реферовская 2007; Коржнева 2008; Недосугова 2010] и др.).

Важно отметить, что структурная парадигма не является единственной в пределах ЛТ. В данной работе выделяется неоструктурная парадигма на основании изменения приоритетов исследований. Вслед за преобладанием структурных теорий текста наблюдается сдвиг в сторону рассмотрения его порождения и восприятия, а значит происходит ориентация на языковую личность.

2.3. Неоструктурная парадигма

СПЕЦИФИКАЦИЯ

Здесь отражается поворот исследований в области ЛТ к человеку, а именно характеризуется антропоцентрическим аспектом изучения текста наряду с собственно структурным.

А. Личностно-ориентированная субпарадигма.

Данная субпарадигма предполагает выдвижение языковой личности на первый план. Она подразделяется на общие и частные теории. В общих теориях рассматриваются процессы порождения и восприятия, а в частных – один из них.

Б. Информационная субпарадигма.

Данная субпарадигма предполагает необходимость учета коммуникантов, но в теоретических построениях это почти не использует, что связано с особенностью изучения текста в данной субпарадигме. При этом в отличие от компьютерного (вычислительного) подхода в этой субпарадигме не используются специальные логико-математические процедуры описания и анализа, а символизация представлена с помощью естественно-языковых единиц, а не алгебраических символов. К данной субпарадигме относятся работы, развивающиеся в рамках создания искусственного интеллекта и компьютерной обработки текстов. В связи с этим они не могут относиться к общим теориям и будут определяться как частные.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ НЕОСТРУКТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Теория актуального членения предложения позволила исследователям не только выйти за пределы последнего и рассматривать текст как единицу языка и речи, но и поставила новые вопросы. Лингвистов конца 1980-х годов все больше интересует восприятие и порождение текста, а также его коммуникативная сторона. Такой поворот исследований основывается на изучении роли субъекта в организации предложения. Это своего рода продолжение работ пражской школы. Несмотря на то, что эти вопросы ранее также находили свое отражение в работах

по ЛТ, на данном этапе происходит смена приоритетов в исследовании, что позволяет выделить рассмотренные теории в отдельную парадигму.

Важно отметить, что поворот к исследованию «человеческого фактора» в тексте был намечен еще семиотикой. Ч. Морис предложил выделить в ней несколько направлений: семантику, синтактику и прагматику. Интерес к прагматическому направлению можно обнаружить в работах Ч. Пирса, Р. Карнапа, в исследованиях речевых актов у Дж. Остина, Дж. Сёрла, З. Вендлера, в прагматической теории значения П. Грайса, в лингвистической концепции референции П. Стросона, Л. Линского и др. В дальнейшем такой поворот в исследованиях развивался и в других направлениях в области ЛТ. К данной группе исследований относится большое количество теорий. В связи с отсутствием необходимости задать конечный список теорий текста в данной классификации, будут рассмотрены основные направления и тенденции в развитии данной субпарадигмы (личностно-ориентированной).

Основной предпосылкой к развитию информационной субпарадигмы является скачок в развитии информационных технологий и обращение к проблемам создания искусственного интеллекта. Впервые об этом упомянул А. Тьюринг в своей статье, где задал вопрос о способности машин к мышлению. В дальнейшем проблемы искусственного интеллекта разрабатывались такими исследователями как П. Уинстон, Ч. Бэббидж, М. Минский и др. Круг задач прикладной лингвистики расширялся в связи с желанием исследователей воспроизвести механизмы восприятия и порождения текстов человеком при помощи ЭВМ, а также разработать и усовершенствовать машинный перевод. Важно еще раз подчеркнуть, что информационная субпарадигма в настоящем исследовании предполагает изучение лингвистических теорий текста, которые не содержат математического аспекта.

АНАЛИЗ ТЕОРИЙ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СУБПАРАДИГМЫ Общие теории

Семиотический подход Ю.М. Лотмана.

1. Содержание.

Одним из ярких представителей семиотического подхода в ЛТ принято считать Ю.М. Лотмана. Первоначальное рассмотрение концепции предполагает изучение понятий языка и искусства. Искусство и язык взаимосвязаны друг с другом, так как человек постоянно сталкивается с предметами искусства, интерпретирует и создает их при помощи языка.

Ю.М. Лотман утверждает, что язык пользуется знаками на основании правил сочетаемости. Все знаки языка могут быть представлены как иерархическая структура. Такой подход явно относится к семиотическим взглядам на язык. В отличие от других систем, язык пользуется знаками и служит средством коммуникации. Язык относится не только к коммуникативным системам, но и к моделирующим.

Искусство Ю.М. Лотман определяет как «вторичную моделирующую систему» [Лотман 1998]. Тем самым можно утверждать, что искусство рассматривается как некий вторичный язык. Создаваемые художественные тексты на том или ином языке являются произведениями искусства.

Объединяя понятия *искусства* и *языка*, автор приходит к выводу, что художественный текст является знаком особого рода, обладающим рядом особенностей. Он продуцируется как уникальный знак, который специально конструируется и обладает особым содержанием. Значение в художественном тексте подвергается семантической и прагматической перекодировке, что подчеркивает его уникальность и многозначность. Между художественным текстом и языком существует своего рода посредник, а именно текст-код, который представляет собой идеальный образец. Через текст-код язык порождает текст.

Рассмотрение художественного текста в отрыве от основных представлений о тексте невозможно. Обратимся к определениям данных терминов в теории Ю.М. Лотмана.

«Текст представляет собой устройство, образованное как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение» [Лотман 1992: 151].

«Художественный текст ... можно рассматривать в качестве особым образом устроенного механизма, обладающего способностью заключать в себе исключительно высоко сконцентрированную информацию» [Лотман 1998: 18].

Эти определения показывают, что и текст, и художественный текст обладают рядом специфических характеристик и функций. Рассмотрим эти понятия с точки зрения данных критериев.

Изучая наследие Ю.М. Лотмана, можно выделить следующие характеристики текста.

1. Выраженность (зафиксированность в знаках). Очевидно, что данный аспект подчеркивает, что язык порождает текст, а текст является материальным воплощением системы языка.

2. Отграниченность. Текст противостоит не входящим в него знакам и другим системам. Это указывает на существование границ текста, а также на иерархию его элементов, которые взаимодействуют между собой.

3. Структурность. Текст обладает внутренней организацией и может быть разложен на подтексты с учетом уровней языка (фонологический, грамматический и другие уровни). Данные особенности, очевидно, имеют свое выражение и в художественном тексте.

«Все существующие в истории человеческой культуры тексты – художественные и нехудожественные – делятся на две группы: одна как бы отвечает на вопрос: «Что это такое?» (или «Как это устроено?»), а вторая – «Как это случилось?» («Каким образом это произошло?»))» [Лотман 1973]. Первая группа текстов, по Ю.М. Лотману, условно обозначается как бессюжетные тексты, вторая – сюжетные. Автор сообщает, что «бессюжетные тексты утверждают некоторый порядок, регулярность, классификацию ... Эти тексты по своей природе статичны. Если же они описывают движения, то это движения регулярно и правильно повторяющиеся, всегда равные самим себе» [Там же].

Создавая художественный текст, писатель использует определенный набор знаков языка, что ведет к уникальности и неповторимости произведения. Именно писатель (человек) осуществляет выбор тех или иных знаков для создания текста.

Ю.М. Лотман говорит, что создатель текста, по сути, является хранителем индивидуализированных социальных кодов. В данном аспекте художественный текст рассматривается как зафиксированное на письме речевое произведение. Выраженность художественного текста в языковой форме отражает и его структурность. Рассматривая структурность художественного текста, Ю.М. Лотман указывает на индивидуальные авторские особенности написания художественного произведения, а именно исследователь анализирует различные уровни языкового оформления текста.

Целью данного исследования не является рассмотрение конкретных случаев. В связи с этим можно ограничиться лишь рассмотрением и выявлением специфических характеристик художественного текста. Отграниченность художественного текста может быть обнаружена в его композиции. Анализируя большой ряд произведений, Ю.М. Лотман говорит о «рамке» произведения, которая обуславливает его начало и конец. Также любой художественный текст обладает сюжетом. Единицей сюжета является событие. Под событием Ю.М. Лотман понимает перемещение персонажа через границу семантического поля. Элементами сюжета являются семантические поля (делящиеся на взаимодополняющие подмножества), границы между подмножествами, герой-действователь. Очевидно, что все взаимосвязи между характеристиками художественного текста открывают еще одну его особенность, а именно целостность.

С самых общих позиций Ю.М. Лотман утверждает, что текст, во-первых, служит для передачи значения, а во-вторых, порождает новые значения. Применив такие представления для художественного текста, он приходит к следующим выводам. Художественный текст как явление семиотики и искусства обладает следующими функциями.

- Общение между адресатом и адресантом.
- Общение между личностями и культурной традицией.
- Общение читателя с самим собой.
- Общение читателя с текстом.

- Общение между текстом и культурным контекстом.

Несмотря на ограниченность художественного текста со структурной позиции, можно увидеть, что он открыт с позиции значения и смысла. Процесс взаимообогащения художественного текста и культуры смыслами двусторонний. Таким образом, язык, культура и текст представляют своего рода неразделимые понятия в процессе рассмотрения художественного текста.

2. Новизна.

Собственно подход к изучению центрального понятия ЛТ, а именно текста, и является новизной исследования Ю.М. Лотмана. Несмотря на очевидную ориентацию в работах Ю.М. Лотмана на семиотический подход, можно обнаружить, что происходит его сращение с культурологическим направлением. Очевидно, что эти два подхода имеют общие точки соприкосновения. Хотя семиотика представляет собой науку о знаках (в том числе рассматривает язык как знаковое явление) и может быть включена в лингвистический анализ, а культурологический подход относится к металингвистике, между ними есть ряд связей, основной из которых и является текст. Ведь текст (а в работе Ю.М. Лотмана речь идет в основном о художественных текстах) является объектом культуры, с одной стороны, и семиотики (как знак), с другой стороны. К тому же любое явление культуры можно рассмотреть с точки зрения знака, то есть и семиотики. Такая постановка вопроса при рассмотрении художественного текста заслуживает внимательного изучения, а также отвечает современным тенденциям к междисциплинарным исследованиям.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на новизну подхода исследования, высокую воспроизводимость работы и полученные выводы, можно найти в концепции ряд ограничений.

Важно отметить, что порой автор слишком отвлеченно говорит о текстах в ракурсе культуры. Складывается впечатление, что текстом можно назвать все. Стоит отметить, что проводя анализ всех работ Ю.М. Лотмана, можно прийти к выводу о характеристиках текста, рассмотренных в общих положениях данной теории. Многие авторы также отмечают сложность изучения подхода Ю.М.

Лотмана к тексту. «Каждый из аспектов понятия, затронутый тартуским исследователем, заслуживает отдельного внимания – это и вопрос о границах текста, и проблема соотношения текста и составляющих его элементов, и момент отношения текста и воспринимающей его аудитории, и проблема связи текста с окружающим его контекстом. Однако чаще всего при фокусировке внимания на одной стороне понятия сторона эта зачастую абсолютизируется исследователями наследия Ю. М. Лотмана, остальные же незаслуженно оказываются в тени. Трудности в освоении – количество трудов ученого (более восьмисот) и их исключительная насыщенность, сложность структурально-семиотической терминологии и многообразие сфер приложения – только способствуют подобным упрощениям и абсолютизациям. В результате понимание текста Ю. М. Лотманом теряет львиную долю своей универсальности и, как следствие, жизнеспособности» [Леута 2009: 295–296].

Рассматривая взаимодействие текста и человека, Ю.М. Лотман утверждал, что «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности. В связи с этим меняется представление об отношении потребителя и текста. Вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная — «потребитель общается с текстом». Он вступает с ним в контакт. Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [Лотман 1992: 132]. Текст вступает в диалог с читателем (потребителем), и наоборот. Такая трактовка восприятия текста не нова. Однако ранее термин *общение* не использовался при рассмотрении восприятия текста читателем. Такой подход очевидно продиктован работами того времени в сферах интертекстуальности, порождения и восприятия текстов. Важно отметить также, что текст, по Ю.М. Лотману, может нести различную информацию в зависимости от воспринимающего и его кругозора.

Отдельно необходимо остановиться на анализе функций текста, предложенных в работе Ю.М. Лотмана. Очевидно, что его трактовка функций текста носит скорее культурологический характер, нежели чисто лингвистический или литературоведческий, которые бытовали ранее. Однако такой подход также позволяет трактовать как текст все явления культуры, что существенно затрудняет восприятие концепции применительно к тексту в обыденном или традиционно лингвистическом понимании.

Понятие личности также является центральным объектом исследования в работах Ю.М. Лотмана. Адресант и адресат общаются при помощи текста и взаимообогащают его. Налицо антропоцентрические приоритеты в работе.

В целом работы Ю.М. Лотмана наметили сдвиг в исследованиях по ЛТ и открыли новые проблемы исследования.

Стилистика декодирования текстов И.В. Арнольд.

1. Содержание.

Интересным для рассмотрения в рамках ЛТ представляется подход И.В. Арнольд, изложенный в книге «Стилистика декодирования» [Арнольд 1974]. Автор проводит изучение художественных текстов в свете теории информации. Целью интерпретации текста И.В. Арнольд видит кибернетический процесс, а именно воздействие произведения на читателя. Собственно, по ее мнению, стоит изучать именно восприятие текста читателем, а не замысел автора в процессе его создания.

Текст определяется как «структура с внутренней организацией, элементы которой значимы не только сами по себе, но и в своих отношениях с целым и с другими элементами, в том числе и с внеположенными тексту элементами языка и внеязыковой действительности – ситуации» [Там же: 67]. Такой подход к тексту в целом определяет тенденции данного исследования. Текст рассматривается как целостная структура, основной единицей которой является слово [Там же: 21]. Текст имеет уровневую структуру. Каждый низший уровень становится содержанием последующего. Аналогию такой иерархии уровней можно обнаружить и в языке. Язык представляет собой такой «тип кода, который

распадается на ряд субкодов и в процессе функционирования взаимодействует с другими кодами и сообщениями» [Арнольд 1974: 6]. К субкодам языка И.В. Арнольд относит фонетический, графический, лексико-грамматический, стилистический, идейно-тематический уровни. В силу такого разнообразия уровней процесс порождения и восприятия текста может быть описан как сложная структура кодировок и перекодировок.

В процессе порождения текста, автор получает информацию, кодирует ее в виде образов, далее образы кодируются средствами языка, и создается художественное произведение [Там же: 7]. И.В. Арнольд применяет информационный, кибернетический подход Кл. Шенона и истолковывает процесс порождения и восприятия текста посредством составляющих:

- окружающая реальная действительность как источник сообщения;
- писатель – передатчик;
- канал передачи – литература;
- приемник – читатель;
- истинный адресат – окружающая читателя общественная действительность [Там же: 14].

Кодирование информации писателем происходит при помощи квантов, то есть элементов информации. Отражение информации может быть упорядоченным или хаотическим [Там же: 15]. Однако художественный текст характеризуется упорядоченностью. Главными функциями упорядоченности текста исследователь считает «эстетический эффект, компрессию информации и защиту от помех» [Там же]. Любой текст несет в себе сообщение, то есть «совокупность отражения в тексте свойств источника информации и их эмоциональную и этическую оценку» [Там же: 16]. Информация в тексте может быть разделена на предметно-логическую и добавочную. Такое разделение информации обосновано делением лексического значения слов на денотативное и коннотативное. Интерпретация текста (или его восприятие) зависит от многих факторов. Автор приводит ряд причин непонимания текста:

- недостаточный тезаурус (т.е. кругозор, содержание памяти);

- атомарный подход (анализ текста без синтеза);
- собственная норма произведения (бывает количественная (необычное скопление языковых элементов) и качественная (слова употребляются в несвойственных им значениях));
- пренебрежение коннотативным значением (буквализм);
- непонимание квантования информации в тексте;
- предвзятость [Арнольд 1974: 24].

И.В. Арнольд предлагает интерпретировать текст при помощи анализа и синтеза. Она выделяет два уровня для интерпретации: стилистические приемы и принципы выдвижения. Данные уровни необходимо рассматривать в совокупности, чтобы осуществлялся принцип целостности изучения текста.

Под стилистическими приемами автор понимает «все средства, которые создают помехоустойчивость и обеспечивают передачу информации второго типа (добавочного) в содержании литературного произведения» [Там же: 46]. Принципы выдвижения «устанавливают иерархию значений и элементов внутри текста, ...обеспечивают единство структуры текста и его системность...» [Там же: 44]. К ним автор относит конвергенцию (скопление стилистических приемов с одной целью), сцепление, параллелизм, повтор, обманутое восприятие. Все данные виды выражения принципов выдвижения представляют собой набор стилистических приемов, использующихся для определенной цели воздействия на читателя.

2. Новизна.

Новизной данного подхода можно считать рассмотрение восприятия читателем художественного текста при помощи анализа и синтеза стилистических приемов и принципов выдвижения. К тому же важно отметить новый подход к интерпретации текста в целом, а именно стилистике декодирования. Стилистика декодирования «рассматривает художественное произведение как источник впечатлений для читателя» [Там же: 5]. Такой подход в совокупности с применением основ теории информации позволяет произвести целостную интерпретацию текста.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на отмеченные достоинства работы И.В. Арнольд, неочевидными представляются некоторые аспекты работы.

Во-первых, рассмотрение интерпретации лишь художественного типа текста существенно ограничивает область применения предложенного метода изучения восприятия текста.

Во-вторых, рассматривая выражение принципов выдвижения в тексте, мы видим, они так или иначе сводятся к конвергенции, что приводит к мысли об избыточности выделения именно такого списка методов (например, «обманутое ожидание может сочетаться с конвергенцией» [Арнольд 1974: 49].)

Однако отмеченные недостатки не являются столь значимыми для работы в целом.

Дериватологическая концепция Л.Н. Мурзина.

1. Содержание.

Любопытный подход к анализу понятия текста предлагает дериватолог Л.Н. Мурзин. Ученый впервые применил принципы дериватологии в теории текста. Рассмотрим основные положения данной концепции.

Основной целью языка является построение текстов. В связи с этим положением автор утверждает, что есть единица выше предложения, которая должна рассматриваться как деривационная. К таким единицам языка и относится текст. Однако текст не является наивысшим уровнем языка. Его Л.Н. Мурзин видит в культуре.

Автор определяет текст как «продукт речевой деятельности, в котором воплощается мысль говорящего о мире или его фрагменте» [Мурзин 1984: 22]. Очевидно, что автор утверждает ситуативность текстов. Все тексты связаны между собой синтагматически (по смежности) и парадигматически (по сходству). Тексты обладают рядом свойств. Основными, согласно мнению Л.Н. Мурзина, являются связность и цельность. Очевидно, что первое относится к формальной стороне текстов, а второе – к содержательной. Связность текста определяется его линейностью, а цельность – «введением в текст соответствующих

парадигматических отношений» [Мурзин 1991: 11]. Различаются два типа связности: интрасвязность и экстрасвязность. Первый тип относится к смыслам, то есть к внутренней стороне текста, а второй – к внешней стороне текста, то есть к звукам и буквам. Условием цельности текста является отношение его к определенной ситуации, а именно единство описываемого объекта. Цельность не является лишь лингвистическим свойством, она также имеет психологическую составляющую. Ведь единый смысл текста не вытекает из суммы отдельных смыслов, а существует как бы над ними и объединяет их. Отсюда и постоянная взаимосвязь между связностью и цельностью текста. Несмотря на цельность, текст все же дискретен, то есть может быть расчленен. Автор считает единицей членения предложение, которое в свою очередь разделяется на тему и рему. Еще одним свойством текста является его интенция. Данное понятие автор относит к категориям проспекции и ретроспекции (по И.Р. Гальперину).

Далее Л.Н. Мурзин обращается к типологиям текстов. Он отмечает размытость границ в существующих классификациях и предлагает построение типологий по принципу наличия или отсутствия тех или иных признаков. Основаниями же для классификаций он выделяет следующие:

- 1) функция текста;
- 2) жесткость/мягкость (в зависимости от степени интерпретации);
- 3) сложность структуры по вертикали (одномерные или многомерные по смыслу) или горизонтали (семантически одномерные или многомерные).

Описывая текст, автор утверждает, что он динамичен, то есть существует только в процессе порождения и восприятия. Текст с динамической точки зрения представляет собой текстообразование. Важно отметить, что текстообразование происходит при продуцировании и при восприятии текстов. Динамика текста имеет два уровня: глубинный (семантический) и поверхностный (лексико-грамматический). Оба уровня взаимосвязаны. Автор выделяет законы текстообразования. Построение текста базируется на инкорпорировании, которое включает в себя процесс предикации и номинации. В поверхностном плане предикация представляет собой соединение предиката с субъектом, а номинация –

существительное или субстантивированное словосочетание. На поверхностном уровне выделяются такие процессы, как контаминация и компрессия. Контаминация представляет собой продукт инкорпорирования, реализует тему и преобразует ремю. Можно утверждать, что контаминация – это «переход с глубинного на поверхностный уровень» [Мурзин 1991: 37]. Компрессия же представляет собой процесс реализации связности текста. Линейное развертывание текста представляет собой постоянный процесс свертывания смыслов.

2. Новизна.

Основным новшеством в данной работе можно рассматривать применение деривационных принципов к текстообразованию. Л.Н. Мурзин предпринял попытку разбора основных языковых единиц и функций. Важно отметить, что исследователь объединил текст и культуру как уровни языковой системы. Это возможно было сделать на основании следующих доводов. В процессе речевой деятельности человек воспринимает текст и тем самым приобщается к культуре. Тем самым автор высшей единицей языка видит культуру. Л.Н. Мурзин также обращает внимание на размытость текстовой синтагматики и парадигматики. В связи с этим обнаруживается такая особенность текста, как неопределенность. Несмотря на то, что все языковые единицы в составе текста определены, он ориентируется на внеязыковую действительность. Следовательно, тексту необходим неязыковой уровень, чтобы объяснить его общий смысл. Таким уровнем и является культура.

Рассматривая законы порождения текста, Л.Н. Мурзин подробно описывает процессы, связанные с глубинным и поверхностным уровнями. Здесь же и возникает вопрос об условиях работы этих законов с целью текстообразования. Л.Н. Мурзин говорит о внутренних и внешних условиях. К внешним условиям относится сам говорящий или машина, которая производит текст. Интерес же представляют внутренние условия, к которым относится «свобода языка» и обратная связь между коммуникантами. Свобода языка понимается как неограниченный выбор языковых ресурсов при построении текста, который четко

регламентирован языковыми нормами. Обратная связь между коммуникантами относится к вопросу о понимании/непонимании. Л.Н. Мурзин отмечает, что понимание текста предполагает построение собственного текста, и только если исходный и интерпретируемый текст тождественны, то можно говорить о понимании.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на все рассмотренные характеристики данной работы, можно отметить ряд противоречий, возникающих в связи с разбором этой теории.

Во-первых, это относится к пониманию предложения как единицы языка. Однако автор рассматривает предложение как часть текста и основывает тематическое представление именно на предложении, хотя в рамках текста вернее было бы говорить о фразах или СФЕ.

Во-вторых, понятие *интенции* определяется автором как свойство текста, однако в дальнейшем он указывает, что это характеристика связности [Мурзин 1991: 12].

Далее открытым остается вопрос дискретности текста. Автор не определяет это понятие ни как свойство, ни как характеристику текстовых свойств.

Кроме выше перечисленных вопросов, можно поставить под сомнение факт, что «вне восприятия текст не существует» [Там же: 22]. Утверждается отсутствие письменных текстов в принципе, так как в дальнейшем автор приводит пример монографии о Луне, которая имеет письменное выражение, и характеризует ее как текст [Там же: 45].

Несмотря на перечисленные противоречия, можно отметить высокую степень преемственности идей Л.Н. Мурзина в работах его последователей (например, А.С. Штерн и др.).

Коммуникативная теория О.Л. Каменской.

1. Содержание.

Одним из направлений в изучении текста становится коммуникативный подход. В своей работе «Текст и коммуникация» О.Л. Каменская [Каменская 1990] видит объектом исследования не сам по себе текст, а элементарную

коммуникативную цепочку: автор – текст – реципиент, что существенно меняет приоритеты в области исследования. Очевидно, что в данном случае делается акцент на производстве и восприятии текста, а также механизмах данных процессов. Но без рассмотрения текста как промежуточного звена предложенной конечной цепочки обойтись невозможно.

О.Л. Каменская относит к понятию текста только содержательные тексты [Каменская 1990: 39], которые и служат материалом для анализа. В любом тексте наблюдается набор следующих свойств: целостность, членение на СФЕ, типологические характеристики, стилистические особенности, значение слов, предложения, семантика предложений, грамматические конструкции, значение грамматических конструкций, актуальное членение предложений (на тему и рему), набор связей и демаркаторов внутри текста.

Целостность текста определяется связностью и обособленностью. Связность текста прослеживается на языковом и мыслительном (содержательном) уровне. Под обособленностью автор понимает наличие начала и конца в тексте.

В данной теории подробно разбираются внутритекстовые связи (ВС – сокращение О.Л. Каменской), как один из важнейших компонентов текста. Они делятся на два вида: эксплицитные и имплицитные. К эксплицитным ВС принято относить рекуррентные (полные, т.е. повтор слов, и частные, т.е. однокоренные слова), координатные (фразы типа «см. выше»), инцидентные (юнктивы и проформы), демаркаторы (граничные (обложка, титульный лист) и внутритекстовые (специальные шрифты, красная строка)). Имплицитные же ВС делятся на эллиптические, тезаурусные, транзитивные. Все данные виды ВС опосредованы выбором автора, соответственно, являются частью процесса порождения текста, а также осмысливаются реципиентом, тем самым являясь необходимым элементом при понимании текста. О.Л. Каменская рассматривает данные явления с точки зрения коммуникативного подхода.

В обоих случаях говорится о речемыслительной деятельности. В случае речемыслительной деятельности автора речь идет о процессе, движущемся от мысли к тексту, а с точки зрения восприятия, т.е. речемыслительной деятельности

реципиента, – от текста к мысли. Этапом речемыслительной деятельности является речевая деятельность. Речевая деятельность автора заключается в «объективации мысли средствами языка» [Каменская 1990: 16], а речевая деятельность реципиента – «процесс восприятия знаков текста внешними рецепторами и экстрагирование содержательно-фактуальной информации текста» [Там же]. Тем самым в речемыслительной деятельности можно наблюдать три категории: индивидуальное знание коммуникантов о мире (представляет концептуальную систему); экстралингвистические условия акта коммуникации; языковые категории.

В индивидуальном сознании коммуникантов О.Л. Каменская выделяет мыслительные структуры, которые определяет как С-модели. Они бывают двух видов: первичные и вторичные. Первичные модели делятся на деятельностные и внедеятельностные. Вторичные С-модели имеют большую вариативность. К ним относятся конструктивные (те объекты, с которыми не было контакта в окружающем мире, но индивид имеет о них представления); ирреальные (не встречающиеся в реальности), которые в свою очередь делятся на сказочные и фантастические; абстрактные; художественно-поэтические. О.Л. Каменская утверждает, что продуцирование текста строится по принципу образования С-модели и ее линейной реализации в тексте. Подобные представления о линейности текста можно обнаружить и в работе С.И. Гиндина. Однако С-модели представляют собой сложную иерархическую систему, в то время как текст является линейным. В связи с этим автор выделяет промежуточный этап под названием кортеж (линейная модификация содержания С-модели). Именно посредством кортежа С-модель превращается в текст. Такой процесс линеаризации включает два этапа: дезинтеграцию исходной С-модели на некоторые фрагменты-субмодели и упорядоченное расположение этих фрагментов в линейную структуру (языковую).

Сам процесс порождения текста рассматривается О.Л. Каменской, вслед за А.А. Леонтьевым, как трехчастная поступательная процедура. Первым этапом является мотивация. На данной стадии автор побуждает к созданию текста

определенный коммуникативный вектор. Однако надо отметить, что создание текста не является самоцелью. Чаще всего конечный результат не связан с познавательной деятельностью при содействии коммуникативного акта. «Проблему мотивации текстопорождающего действия следует рассматривать с позиций комплексного анализа предметно-практической, познавательной и коммуникативной деятельности индивида» [Каменская 1990: 114]. Следующими этапами является осуществление замысла и сопоставление реализации с замыслом. Второй этап соотносится с линеаризацией, рассмотренной нами ранее. Сопоставление же реализации с замыслом происходит в постепенном развертывании текста. Автор постоянно соотносит продуцируемую информацию с уже произведенной. О.Л. Каменская отмечает, что в коммуникативном векторе автора при создании текста всегда есть коммуникативный портрет реципиента, то есть текст всегда направлен на определенную личность или группу лиц.

Важно уточнить, что О.Л. Каменская говорит о том, что речемыслительная деятельность в акте коммуникации тесно связана с памятью. Языковая память актуализирует речемыслительную деятельность. В связи с этим порождение и восприятие текстов являются функциями памяти. Здесь автор придерживается модели Р. Аткинсона, оперирующего понятиями сенсорных регистров, кратковременной памяти, долговременной памяти и его лексического хранилища. О.Л. Каменская различает словарный запас и тезаурус личности. Словарный запас – это набор слов, который начинает формироваться с детства. Собственно тезаурус личности определяется как систематизированные группы слов, то есть структура словарного запаса.

О.Л. Каменская рассматривает восприятие текста как коммуникативный процесс, обратный его порождению. Здесь автор также выделяет трехступенчатую структуру: мотивация; интенция; глубинное понимание текста. Этап мотивации реципиента также характеризуется О.Л. Каменской через понятие коммуникативного вектора. Коммуникативный вектор реципиента содержит цель прогнозируемого восприятия, подмножество виртуальных текстов с необходимой информацией, прогнозируемую С-модель предстоящего акта

восприятия. Важным является тот момент, что портрет автора в коммуникативном векторе реципиента присутствует только в случае непосредственной необходимости (например, у литературоведов или историков науки). Рассматривая этап мотивации, О.Л. Каменская выделяет два вектора текста: информационно-содержательный компонент и пространственно-временные координаты. В связи с этим выделяются и различные виды интенции реципиента: 1) при условии достаточно точного прогнозирования двух векторов текста; 2) прогнозирование одного из векторов текста; 3) спонтанная интенция. Непосредственный процесс понимания текста зависит от первых двух ступеней восприятия текста, а также от тезауруса личности и других характеристик.

2. Новизна.

В работе О.Л. Каменской наблюдается коммуникативный подход к тексту. Такого рода изучение предполагает рассмотрение участников общения, условий общения, организации общения, способов общения [Карасик 2006]. В данной теории внимание автора сконцентрировано на вопросах организации общения. Исследователь подробно характеризует мотивы, цели, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств. В работе вводятся такие термины, как *С-модели, кортеж, коннекторы, коммуникативный вектор автора и реципиента, концептуальная система*.

Новыми результатами исследования О.Л. Каменской принято считать конструктивный подход, применимый к анализу текста и его функционирования, а также понимание выбора и применения средств языка участниками речи в процессе порождения и восприятия текстов. Особой чертой исследования можно считать системный подход с использованием концептуальных моделей в ходе изучения коммуникации.

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на несомненные сдвиги, положенные этой работой, в ЛТ, можно обнаружить некоторые противоречия. Во-первых, изобилие новых трактовок терминов может затруднять восприятие самого подхода к тексту.

Во-вторых, основная часть исследования посвящена речемыслительной деятельности индивида. О. Л. Каменская применяла файло-фреймовой подход к организации знаний у человека. Это предполагает, что знания у индивида организованы в четкую структуру в виде файлов, мыслительных моделей, которые автор называла «С-моделями». Такая позиция до сих пор является дискуссионной. Данный подход связан с разработкой искусственного интеллекта. Обширные исследования в данной области проводились в рамках информационной субпарадигмы и представлены работами Х.Я. Ыйма, Е.А. Шингаревой.

Очевидно, что работы О.Л. Каменской относятся к антропоцентрической парадигме, так как основное ударение падает на рассмотрение процессов порождения и восприятия через призму личности автора и реципиента. Такой подход открывает новые границы в изучении ЛТ. Однако в самой работе возникают вопросы, связанные со свойствами текста. Представляется, что приведенный список включает в себя явления разного порядка. Очевидно, что предложенные свойства относятся к разным уровням текста и требуют систематизации в плане изложения. Также не ясно разграничение понятий *СФЕ* и *субтекста*.

В целом работы О.Л. Каменской трудно переоценить, так как они положили начало гендерным исследованиям, а также внесли вклад в развитие идей восприятия и порождения текста.

Частные теории

Теория порождения текста Г.В. Колшанского.

1. Содержание.

Одной из коммуникативных теорий порождения текста является также теория Г.В. Колшанского. Автор определяет текст как «минимальную языковую единицу, функционирующую в реальном процессе коммуникации» [Колшанский 1987: 39]. Главным интересом его исследования является порождение текста.

Мыслительная деятельность человека является непрерывным процессом. Этот процесс связан с познавательной деятельностью. Мыслительная

деятельность непосредственно связана с языковой материей. «Мышление, являющееся одновременно индивидуальным и общественным, закрепляется в языковой материи в виде результатов познания, осуществляемого путем формирования дискретных промежуточных единиц, которые образуют определенную формальную логическую структуру, адекватно воплощающую в себе акты бесконечного процесса познания» [Колшанский 1983: 44]. Формами мышления являются понятия, суждения, умозаключения.

Жизнедеятельность человека связана с постоянным контактом с окружающим миром. Такой контакт способствует не только познанию, но и формированию плана действий, который в свою очередь приобретает языковое выражение. Автор подчеркивает линейность речевых структур. Порождение текста неразрывно связано с языком и осуществляется посредством непрерывного дискретного движения речемыслительных единиц. Такой дискретный процесс текстопорождения строится на «обратной связи». Данный принцип заключается в «выборе последующего элемента в зависимости от осмысленного выбора из ряда форм, оптимальных для корреляции с реальной ситуацией» [Там же: 46]. Действие программы формирования конкретного высказывания обеспечивается одновременно работой памяти, в которой параллельно откладываются уже найденные и отобранные единицы, включаемые в процесс речепроизводства в определенное время и в определенное место в линейной цепи речевых единиц. Естественно, что место каждой единицы фиксируется благодаря непрерывному процессу обратной связи, управляющему построением корректного речевого акта [Там же: 47]. Помимо обратной связи в процессе текстопорождения важную роль имеет окружающая среда, которая является своего рода контекстом, имеющим две стороны: материальную и языковую.

В самом общем виде процесс текстопорождения включает: 1) предвосхищение смысла и языковой формы; 2) вербальное развертывание мысли.

2. Новизна.

В данной теории вводится понятие *обратной связи* для текстопорождения. Полагаем, что данный термин весьма продуктивен в этом аспекте и может быть применен в исследованиях такого рода.

Важно также обратить внимание, что работы Г.В. Колшанского стали толчком для развития коммуникативного направления в теории текста. Его последователями принято считать многих выдающихся лингвистов, которые дополнили и расширили его идеи с учетом новых исследований (см., например: О.Л. Каменская).

3. Проблемные аспекты.

В процессе анализа теории Г.В. Колшанского можно прийти к выводу, что он использует модель А.А. Леонтьева. Однако в представлении ученого интенция не входит непосредственно в уровень мыслительной деятельности текстопорождения. Данный вопрос является спорным и по сей день.

К тому же возникает вопрос, относящийся к терминологии исследования, а именно: чем отличаются термины «текстопорождение» и «речепорождение». По-видимому, это все же явления разного порядка. Данный вопрос требует более подробного рассмотрения в работе исследователя. Думается, что *речепорождение* – термин более широкий и включает в себя *текстопорождение*.

В целом, теории производства текста оперирует всеми необходимыми для этого понятиями, связанными с мышлением, памятью и языковым выражением. Все предположения иллюстрированы примерами, помогающими понять суть теории.

Филологическая герменевтика Г.И. Богина.

1. Содержание.

Еще одним направлением рассмотрения текста под новым углом зрения стала филологическая герменевтика. Наиболее ярким представителем этого течения в отечественной лингвистике является Г.И. Богин. Основные положения его теории изложены в его обобщающей монографии «Обретение способности понимать: Введение в Герменевтику» [Богин 2001]. Г.И. Богин определяет филологическую герменевтику как «научную дисциплину, изучающую процессы

понимания текста» [Богин 2001]. Отсюда следует и предмет его исследования – понимание. Ученый выделяет три типа или уровня понимания: 1) семантизирующее понимание (понимание неизвестного слова); 2) когнитивное понимание (понимание содержания текста); 3) распредмечивающее понимание (понимание смысла текста).

Семантизирующее понимание представляет собой расшифровку единиц текста. Одним из примеров данного процесса может служить перевод незнакомого слова при восприятии текста на иностранном языке. Когнитивное понимание связано с восприятием предикаций, «которые лежат в основе составляющих текста пропозициональных структур, данных читателю в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание» [Там же]. Распредмечивающее понимание связано с пониманием «идеальных реальностей», представленных в тексте «помимо средств прямой номинации, но определенными именно в средствах текста» [Там же]. Распредмечивающее понимание может быть связано с семантизирующим и когнитивным или с их аналогами. Тем самым Г.И. Богин обращает внимание на то, что все типы понимания взаимосвязаны при восприятии текста как знаковой ситуации.

Человек при понимании текста может пользоваться различными типами понимания и их сочетания в зависимости от ситуации текста. Г.И. Богин предлагает выделить три типа ситуаций в тексте: знаковую ситуацию, ситуацию объективной реальности, идеально-реальностный вид ситуации. При возникновении необходимости понимания автор говорит о существовании «трех граней понимаемого: 1) что стремился сказать автор; 2) что это место текста говорит современному человеку; 3) что из понятого человек может вынести в свою деятельность» [Там же].

Анализируя опыт прошлых исследований, Г.И. Богин систематизирует техники понимания текстов и выделяет шесть видов: техника усмотрения и построения смыслов; техника «рефлексивного мостика»; техника «расклеивания»

смешиваемых конструкторов; техника интерпретационного типа; техника перехода и замены; техника выхода.

Выбор техники понимания субъективен и чаще всего при работе над текстом реципиент имеет дело с несколькими видами техник.

Исследователь видит две стороны в понимании, а именно субстанциональную и процессуальную. «Субстанциональная сторона понимания – это способность человека понимать и все то, что получено или может быть получено при помощи понимания» [Богин 2001]. В субстанцию понимания входит следующее.

1. Простые единицы:

- 1) содержание (состоит из предикаций в рамках пропозиций);
- 2) смысл (предмет прямой номинации в тех или иных предикациях);
- 3) значение (общие для всех понятия, внеконтекстные);
- 4) средства текстопостроения.

2. Метаединицы:

- 1) метасмыслы (идея текста);
- 2) метасредства (жанр текста);
- 3) метасвязки (связь между метасмыслом и метасредствами);
- 4) задания и самозадания;
- 5) категоризованные значащие переживания.

Процесс понимания состоит из «множества действий, процедур и техник, обеспечивающих переход от непонимания к пониманию» [Там же]. Процессуальная сторона рассматривается с позиции схемы действия языковой личности в процессе понимания. Существует пять типов языковой личности, которые могут быть соотнесены с типами понимания. Уровни языковой личности выделяются по принципу развитости на «основе системы социальных оценок речевой деятельности». В целом же процесс понимания описывается Г.И. Богиным как индивидуальный. В связи с этим схемопорождение тоже субъективно. Однако можно проследить две стадии действия в процессе понимания:

- «реципиент видит форму текста и на этой основе распредмечивает в ней содержание» [Богин 2001]. Такого рода распредмечивание зависит от того, как протекает рефлексия;
- эта рефлексия отражается в знании, человеческом чувстве, но чаще – в понимании.

В связи с рассмотрением рефлексии Г.И. Богин, вслед за Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 1989], применяет СМД (системомыследеятельность) подход. Исследователь выделяет три пояса СМД: мыследействие, мысль-коммуникация, действительное чистое мышление. Рефлексия может фиксироваться в одном из поясов, а может сразу во всех, что усиливает ее. Согласно представлениям Г.П. Щедровицкого, фиксируемая во всех поясах рефлексия носит название *герменевтического круга* и позволяет адекватно воспринимать текст. Фиксация рефлексии только в поясе мыследействия предполагает лишь предметные представления о тексте, в поясе мысль-коммуникация – формальную рефлексия, в поясе мышления – «приводит к подмене понимания пустой декларативностью» [Богин 2001]. Очевидно, что фиксация рефлексии лишь в одном из поясов приводит к неправильному восприятию текста.

2. Новизна.

Новизна подхода рассмотрения понятия *текст* в работах Г.И. Богина заключается в нелинейном подходе, а также в том, что это подход с точки зрения системной методологии. Ученый выделяет в нем единицы разных уровней (сравните средства текстопостроения и метапостроения). Г.И. Богин не пытается построить универсальную систему понимания любого текста, включая психофизические процессы. Он утверждает, что понимание социально и возникает только в случае возможного непонимания, то есть в знаковых ситуациях. Понимание рассматривается и с позиции человека, а именно *языковой личности* (в терминах автора). Тем самым подчеркивается субъективность данного процесса.

В работах Г.И. Богина понимание текстов в культуре и коммуникации не сводится к «семантизирующему» и «когнитизирующему». Такого рода подход упрощает общественную коммуникацию. Автор утверждает существование другого («третьего») типа понимания, которое строится «на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста [Богин 2001]. Такие представления базируются на теории СМД. Понимание строится на выделении определенных параметров в исходном наборе схем мыследеятельности, которые в свою очередь сопоставляются со смыслами. В дальнейшем смыслы классифицируются на основе схем МД. Важно отметить прикладной аспект работ Г.И. Богина. «Пробуждение рефлексии» напрямую связано с успешностью понимания текстов.

3. Проблемные аспекты.

Работа Г.И. Богина послужила огромным стимулом в развитии герменевтических взглядов в филологии, педагогике и ЛТ. Что касается ограничений, то можно отметить лишь рассмотрение текста в плане его восприятия. В связи с этим работа не может считаться полноценной теорией в плане ЛТ и была отнесена нами к частным теориям.

Анализ теорий информационной субпарадигмы

Частные теории

Модель «Смысл↔Текст» И.А. Мельчука.

1. Содержание.

В 1974 году вышла книга И.А. Мельчука «Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст»» (в 1991 вышло переиздание, на которое опирается данный анализ в связи с тем, что в нем было изменено только предисловие, см. [Мельчук 1991]). В связи с целями данной кандидатской диссертации основной задачей при рассмотрении содержания работы И.А. Мельчука является описание предлагаемой модели «Смысл↔Текст».

В понимании автора рассматриваемой концепции модель языка представляет собой соотношение между смыслом и текстом, то есть она

осуществляет процесс кодирования смыслов в текст и наоборот. И.А. Мельчук выдвигает три требования к модели «Смысл↔Текст».

1. Модель должна быть действующей. Данное требование включает в себя характеристику соотношений между текстами и смыслами, а также раскрытие процессов осуществления данных соотношений как в условиях синтеза (продуцирования текста), так и анализа (процесса восприятия текста). Подобные описания должны включать в себя подробный перечень сем (минимальная смысловая единица), правил их сочетаемости в семантические представления (сложные смысловые единицы), морфем и правил их сочетаемости, а также правила отождествления единиц смысла с единицами текста в направлениях синтеза и анализа. Это требование предполагает, что модель «Смысл↔Текст» будет обладать двумя частями: лингвистической и алгоритмической. Первая предполагает передачу сведений о языке, в то время как вторая регламентирует осуществление первой.

2. Модель должна быть формальной. Это требование предполагает реализацию модели при помощи вычислительной техники.

3. Модель должна быть преобразующей. По сравнению с порождающей моделью Н. Хомского, модель «Смысл↔Текст» предполагает только движение от смыслов к текстам и обратно на заданном языке.

В связи с описанными требованиями модель «Смысл↔Текст» в общих чертах включает 5 основных уровней.

1. Семантический. На данном уровне осуществляется запись смысла, т.е. семантического представления. В семантическом представлении выделяются два элемента: семантический граф и данные о коммуникативной стороне текста. Семантический граф предполагает наличие вершин, в которых находятся семы или семантические подграфы (пучки сем с единым смыслом) и дуг, которые показывают связи между семами.

2. Синтаксический. И.А. Мельчук выделяет здесь два подуровня: глубинный и поверхностный синтаксис. На этих уровнях реализуются соответственно глубинно-синтаксическое и поверхностно-синтаксическое

представления. Каждое из них членится на пять элементов. Первые компоненты этих представлений подразделяются на глубинно-синтаксическую структуру и поверхностно-синтаксическую структуру соответственно. В остальном их компоненты совпадают и подразумевают информацию о коммуникативном оформлении фразы, просодике, группировании слов, совмещении денотатов именных групп.

3. Морфологический. Данный уровень имеет также деление на два подуровня: глубинная и поверхностная морфология. На этих этапах формулируются глубинно-морфологические и поверхностно-морфологические представления. На обоих подуровнях осуществляется выстраивание словоформ при учете просодики фразы.

4. Фонологический. На этом уровне строится фонемная транскрипция.

5. Фонетический. Здесь реализуется звуко-речевая манифестация текста. Текст рассматривается И.А. Мельчуком как «достаточно детализированная фонетическая транскрипция речи» [Мельчук 1991: 9], которая может быть записана орфографически.

Функционирование модели предполагает переходы между уровнями, которые включают четыре компонента. В данном случае описывается движение продуцирования текста (синтеза), а не его понимания (анализа). Однако обратные механизмы осуществимы при каждом переходе, только в обратном направлении (понимание).

1. Семантический (здесь происходит переход от семантического представления к глубинному уровню путем таких механизмов, как расчленение семантического графа, выбора соотношений лексем на абстрактном уровне, выбора соотношений грамматических средств на абстрактном уровне, определение синтаксического строения фразы).

2. Синтаксический (предполагает переход от глубинно-синтаксического к глубинно-морфологическому уровню при помощи сопоставления глубинно-синтаксической структуры с поверхностно-синтаксической и поверхностно-синтаксической структуры с глубинно-морфологическим представлением, что

осуществляется путем превращения узлов поверхностно-синтаксической структуры в лексемы, детализации их морфологических характеристик, установления отношения между лексемами на поверхностно-синтаксическом уровне, а также разработки синтаксически обусловленных морфологических характеристик, уменьшения вариантов глубинно-морфологических представлений, учета просодики).

3. Морфологический (осуществляет соотношение между глубинно-морфологическим представлением отдельной словоформы и ее фонемной транскрипции путем соотнесения каждого глубинно-морфологического представления с поверхностно-морфологическим и последующее соотнесение с фонемной транскрипцией).

4. Фонологический (предполагает построение фонемной транскрипции фразы).

2. Новизна.

Новизну данного подхода трудно переоценить. В сущности, все содержание теории подразумевает новый взгляд на проблему продуцирования и понимания текста. В данном случае повторение вышеизложенного неуместно. В связи с этим перечислим основные нововведения данной работы.

И.А. Мельчуком разработана модель языка «Смысл↔Текст», которая базируется на четкопроработанном понятийном аппарате и включает в себя необходимые этапы для построения теории, а именно собственно теоретические представления, которые раскрывают основные понятия и характеризуют функционирование модели «Смысл↔Текст», а также рассмотрение семантического и синтаксического уровней реализации данной модели.

3. Проблемные аспекты.

Что касается ограничений данной теории, то можно отметить направленность реализации модели «Смысл↔Текст» лишь на синтезирование речи. Вопрос анализа речи, другими словами, восприятия или интерпретации текстов, остается не полностью описанным, хотя данное ограничение вводится самим автором (см. [Мельчук 1991: 43]).

По замыслу И.А. Мельчука, модель «Смысл↔Текст» должна быть применима к любому языку, на практике же рассмотрению подвергался в основном русский язык.

Несмотря на то, что в рамках данной работы рассматривается подход к тексту в целом, стоит отметить, что в исследовании И.А. Мельчука разбирается семантический и синтаксический уровни построения текста. Можно заметить, что синтаксический компонент во многом опирается на семантику, что вызвало споры среди лингвистов (см., например: [Круассанов 2007]).

В целом теория «Смысл↔Текст» отличается строгостью и сложностью построения модели синтеза языка. В связи с этим она не получила большого распространения в лингвистической среде, несмотря на многие ее преимущества, в том числе такие прикладные аспекты, как построение толково-комбинаторного словаря.

Информационная теория Р.Г. Пиотровского.

1. Содержание.

В 70-е годы XX века интерес исследователей все больше и больше привлекает создание искусственного интеллекта. Начинаются попытки создания междисциплинарных исследований в области лингвистики и компьютерных технологий, а также математической лингвистики. Одним из примеров междисциплинарных исследований может служить исследование Р.Г. Пиотровского «Текст, машина, человек». В этой монографии исследования в области математической лингвистики применяются к тексту без использования специального символического описательного аппарата.

Результаты исследования можно рассматривать в чисто лингвистическом ключе, то есть «с точки зрения перспектив развития лингвистики речи, стремящейся к преодолению противоречия между индивидуальной (интроспективной) оценкой языка лингвистами и коллективной (социальной) его природой путем введения правил отстранения» [Пиотровский 1975: 293]. Этому посвящены часть вторая и начало третьей части книги. Здесь исследователь последовательно применяя статистико-дистрибутивный и вероятностно-

информационный методы, показывает текстообразовательную иерархию лексико-фразеологического, морфологического и синтаксического уровней языка. Наряду с этим Р.Г. Пиотровский обращает внимание, что вероятностно-информационная методика не может применяться в одиночестве, а ее следует совмещать с приемами не количественного описания, а именно с методами, бытующими в теории нечетких множеств и алгоритмов и теорией распознавания смыслового образа текста. Однако отмечается, «что пока созданы лишь общие контуры этих последних теорий» [Пиотровский 1975: 293]. По утверждению самого автора, третья часть книги с точки зрения лингвистического рассмотрения является иллюстративным подтверждением гипотез и моделей второй главы.

Р.Г. Пиотровский утверждает, что текст является случайным процессом. Он выделяет моделирующий и натуральный текст. Первый тип определяется как «последовательность независимых испытаний, не учитывающих вероятностные связи..., существующие между словоупотреблениями текста» [Там же: 61]. Собственно же текст относится к определенному «подязыку» и фиксирован в определенный период времени. Единицами текста служат буквы, буквосочетания, морфемы, словоупотребление, словосочетания, грамматические схемы. Все единицы текста, по мнению автора, являются случайными событиями.

Основным понятием в рассмотрении текста с точки зрения математической лингвистики становится информация. Автор утверждает, что «информация – это величина, характеризующая различные формы отражения в приемнике структурного разнообразия взаимодействующего с ним источника сообщения» [Там же: 8]. Р.Г. Пиотровский выделяет следующие виды информации:

1. прагматическую (цель приемника и ее достижение),
2. семантическую (отношения в ходе семиозиса между означающим и десигнатом),
3. сигматическую (отношения означающего и денотата),
4. аффективную (эстетическое воздействие),
5. синтаксическую («оценка приемником тех ограничений, которые накладываются на комбинаторику и частоту употребления знаков») [Там же: 10].

Объединяя семантический, прагматический и сигматический виды информации, автор утверждает о существовании смыслового вида информации.

При компьютерной обработке текста во главу угла ставится его восприятие, а именно восприятие информации. В связи с этим автор выделяет 5 уровней восприятия текста, которые несут выражено лингвистический характер: грамматический, словарный, фразеологический, лексико-грамматический, семантический. Р.Г. Пиотровский рассматривает три подхода в определении количества информации в тексте, а именно комбинаторный, вероятностный, алгоритмический. В ходе выполнения последовательных процедур в каждом подходе машина (компьютер) формирует сокращенный (или цифровой) текст, который является «закодированной и одновременно компрессированной формой исходного текста» [Пиотровский 1975: 130]. На основе этого автор утверждает такую характеристику текста, как обратимость, то есть возможность восстановления исходного текста из сокращенного.

2. Новизна.

Информационный подход Р.Г. Пиотровского привел к появлению таких новых понятий, как первичный и вторичный семиозис. Первичный семиозис заключается в следующем: при восприятии текста происходит соединение между референтом (объектом внешнего мира) и отражением знака в сознании воспринимающего. Такое соединение может происходить двумя путями, а именно: денотативным и сигнификативным. Денотативный способ предполагает, что референт и его отражение, т.е. денотат, связываются с произвольно взятым сигналом. Сигнификативный способ предполагает, что внутренняя форма текста отражает некий концепт (детерминант референта); тем самым подтверждается наличие двух составляющих образа референта – денотата и сигнификата (сущность референта). В дальнейшем происходит процесс вторичного семиозиса, который предполагает образование новых смыслов для уже существующего текста. В процессе первичного семиозиса у знака существует денотат и сигнификат. При помощи коннотата, который является дополнительным значением (эмоциональным, эстетическим, общественным, индивидуальным и

т.д.), происходит наложение значений и образование новых денотата и сигнификата.

Подобные воззрения развиваются и до сих пор, находя свое применение в различных областях не только ЛТ, но и лингвистики в целом.

3. Проблемные аспекты.

Применение математического подхода в области ЛТ представляется нам достаточно широким, что подтверждают результаты возможности аннотирования и реферирования текстов, представленные в работе в ходе выполнения вычислительных операций компьютером. В целом работа Р.Г. Пиотровского объединяет подходы, полученные на тот момент, и стремится обойти ограничения. Однако нами были выявлены некоторые недостатки.

Спорным остается вопрос о номенклатуре единиц текста. Они объединяют явления разного порядка. Единицы текста включают буквы, буквосочетания, морфемы, словоупотребление, словосочетания, грамматические схемы, случайные события. Очевидно, что такое выделение базируется на необходимости анализа именно таких частей текста путем его компьютерной обработки. Однако налицо необходимость упорядочивания данных объектов в иерархическую систему. К тому же единицы текста включают в себя явления разного плана, а именно знаки и не знаки, языковые экспоненты и явления математического плана.

В работе рассматриваются также не все типы текстов. Исследованию подвергались документы и статьи, то есть тексты «жесткого» типа. Открытым остается вопрос: подходит ли применение предложенных принципов к нежестким текстам других стилей? В связи с этим хотелось бы отметить отсутствие измерения аффективной информации в тексте.

Однако данные противоречия и ограничения носят характер временных. Исследования в математической лингвистике на современном этапе шагнули далеко вперед вслед за развитием компьютерных технологий.

1. Содержание.

В своей работе Х.Я. Ыйм рассматривает вопросы понимания текста и языка. Он утверждает, что на интерпретацию смысла влияют знания. В области лингвистики анализу может подвергаться универсальная область знаний человека. Автор выделяет два типа знаний: семантические и прагматические. К семантическим знаниям он относит знания о теме текста, в то время, как к прагматическим относятся «знания о закономерностях социального характера, управляющие процессами общения» [Ыйм 1983: 8]. Исследователь отмечает, что в лингвистике могут подвергаться изучению семантические знания, которые не зависят от индивидуальной деятельности людей. К ним относятся: 1) «знания об объектах физического мира, их свойствах, типичных взаимоотношениях и способах оперирования ими» [Там же], 2) знания о человеческой деятельности; 3) знания о психическом мире людей. К прагматическим знаниям Х.Я. Ыйм относит «закономерности и правила общения, речевые акты, конверсационные импликатуры, правила объединения высказываний в крупные содержательные блоки – эпизоды» [Там же]. Подобное деление знаний приводит автора к мысли о компетенциях индивида, влияющих на процесс коммуникации. Х.Я. Ыйм выделяет когнитивную, интерактивную, чисто языковую и коммуникативную компетенции. Коммуникативная компетенция подразумевает сочетание когнитивной, интерактивной и чисто языковой. Под когнитивной компетенцией понимается «умение людей использовать свои (внеязыковые) знания о строении реальности для понимания языковых текстов» [Там же: 9]. Интерактивная компетенция выражается в «умении людей использовать свои прагматические знания для понимания текстов» [Там же]. Чисто языковая компетенция отражает «знания грамматических правил использования единиц языка» [Там же].

Х.Я. Ыйм выделяет два уровня понимания текста. Это уровни микроструктур и макроструктур. Первый уровень представляет собой набор «элементарных единиц и структур, из которых строится содержание языковых выражений» [Там же: 10]. Макроуровень представляет собой сочетание нулевого

уровня и собственно макроуровня. Автор поясняет, что надстройка над микроуровнем происходит постепенно, через нулевой уровень, так как человек всегда стремится представить себе то, что описывается в тексте. Переход от нулевого уровня к макроуровню Х.Я. Ыйм называет вторичной интерпретацией.

Смысл текста может быть описан при помощи минимальных единиц содержания. В работе они называются ЭСЗ (элементарные схемы знаний). Собственно ЭСЗ построены по принципу фреймов и включают «тело» и «ветви». Ветви тела идут к другим ЭСЗ. Рассматривая лексику и тексты директивного характера, автор выделяет 18 ЭСЗ и 10 ветвей.

2. Новизна.

Новизной данной работы является рассмотрение именно директивной лексики и текстов эстонского языка. К тому же применение понятия *знания* в области понимания текстов является новой категорией в рассмотрении ЛТ.

Также важно отметить, что в докторской диссертации Х.Я. Ыйма впервые была сформулирована задача теоретической лингвистики, которая заключается в разработке методологии описания языка с учетом теории речевого общения. Отсюда констатируются сдвиги в целях лингвистических исследований. Для этого Х.Я. Ыйм критически осмыслил исследования понимания в психологии и теориях искусственного интеллекта. Обе эти области знания связаны с речевым общением. В своей работе Х.Я. Ыйм изложил основные понятия и принципы лингвистического подхода к пониманию языка. Подробному рассмотрению подверглось понятие *знания*, разработана его типология, описываются его уровни в ходе понимания текста. К понятию *знания* подключается понятие *памяти*, функциональные типы которой были подробно рассмотрены.

Отдельное место занимает система формальных средств понимания текста. Элементарной единицей описания понимания текста была определена ЭСЗ. Автор также обращает внимание на правила оперирования структурами знаний в ходе понимания текста.

3. Проблемные аспекты.

В исследовании можно обнаружить ряд ограничений.

Во-первых, при рассмотрении лишь директивной коммуникации, остается открытым вопрос о возможности применения данного подхода к другим видам коммуникации.

Во-вторых, работа ограничивается рассмотрением лексики и текстов лишь эстонского языка. Однако это не отрицает возможности применения предложенных принципов к другим языкам.

Фреймово-скриптовой подход к изучению смысла текста Е.А. Шингаревой.

1. Содержание.

Е.А. Шингарева придерживается позиции, что такие явления, как текст, слово, словосочетание и предложение относятся к знакам. В связи с этим она определяет следующие характеристики текста как знака. Текст как знак имеет материальный и идеальный уровни, что собственно отражается в планах выражения и содержания. Исследователь также отмечает наличие таких компонентов текста, как внутренние и внешние. Материальный и идеальный уровни текста отражаются в его статусе. К материальному уровню относится собственно лингвистический статус, а к идеальному – семиотический и коммуникативный [Шингарева 1987: 6–7]. Отсюда следует, что текст как знак имеет трехчастный статус [Шингарева 1986: 29]. Лингвистический статус выражается в линейном построении языковых единиц в тексте. Семантический статус текста реализуется в рамках первичного семиозиса, т.е. «регулярного обозначения явлений реального мира знаками языка, одинаково понимаемыми носителями языка» [Там же: 28]. В рамках первичного семиозиса коммуникативный аспект текста имплицитен, а во вторичном приобретает эксплицитный характер. Вторичный семиозис определяется как «переосмысление инвариантного смысла текста в акте коммуникации» [Шингарева 1986: 28]. Тем самым автор отмечает, что «смысл текста при включении в коммуникацию меняется под действием прагматических установок коммуникантов» [Шингарева 1987: 6]. Это подчеркивает тот факт, что каждый реципиент в связи со своими индивидуальными установками реализует свое понимание текста.

Центральным понятием работ Е.А. Шингаревой становится возможность распознавания смысла текста при помощи его обработки ЭВМ. Е.А. Шингарева отмечает три типа смысла текста: инвариантный, авторский и перцептивный. В своей работе «Фреймы для распознавания смысла текста» Е.А. Шингарева предлагает применить понятие *фрейм* для распознавания смысла текстов трех уровней сложности: жестких, полужестких и гибких. Под *фреймом* понимаются «структуры признаков, характеризующие участников и их действия в конкретных ситуациях» [Гончаренко 1984: 3]. Рассматривая принципы распознавания смысла текста, Е.А. Шингарева отмечает необходимость построения двоичной структуры, базирующейся на статических и динамических представлениях о тексте. Статический компонент текста отражает необходимость дескрипторного анализа его тезауруса, то есть определения предметной области. Динамический же компонент предполагает объектно-признаковую структуру и позволяет построить фреймы понимания. Фреймы делятся на текстовые и классификационные. Текстовые фреймы включают в себя синтагматику и прагматику, воплощенные в тексте, а классификационные фреймы отражают парадигматику текста. Тем самым автор приходит к выводу, что «сочетание тезауруса и фрейма позволяет формализовать две «семантики» текста: ситуативную и объектную» [Там же: 19]. Такая процедура помогает представить смысл текста наиболее целесообразно.

2. Новизна.

Заслугой работы Е.А. Шингаревой является применение фреймово-скриптового подхода к распознаванию смысла текста при помощи ЭВМ. Несмотря на то, что данный подход может быть обнаружен и в других работах, важно его применение на новом материале текстов. Представляется также важным аспект представления трех типов смысла текста, что позволяет применение данного подхода. К тому же можно отметить развитие идей первичного и вторичного семиозиса.

Важно отметить, что Е.А. Шингарева развивает представления Р.Г. Пиотровского о знаке. Это существенно в связи с тем, что текст рассматривается исследователем как знак. Рассматривая историческое развитие представлений о

знаке в лингвистике, Е.А. Шингарева выделяет три направления: референциальное, коммуникативное и лингво-коммуникативное. По ее мнению, все они рассматривают природу знака односторонне и описывают либо только один статус знака, либо не проводят границы между ними. Базируясь на лингво-коммуникативном подходе (представителем которого являлся Р.Г. Пиотровский), Е.А. Шингарева предлагает свою семиотическую модель языкового знака [Шингарева 1986]. Собственно отличием от версии Р.Г. Пиотровского является включение не только нематериальных психофизических элементов, а и референта и сигнального референта в компоненты знака. Е.А. Шингарева выделяет следующие слои в знаке: референтный, семантический, синтаксический и лексический.

3. Проблемные аспекты.

Проанализировав данную работу, можно отметить, что Е.А. Шингарева развивает идеи, предложенные Р.Г. Пиотровским, что доказывает воспроизводимость его исследований. В целом, в работе можно обнаружить ряд ограничений.

Во-первых, это связано с неполным набором типов текста для исследований. Полагаем, что данный недостаток можно отнести к слабой развитости компьютерных технологий того времени. Очевидно, что для построения фреймов художественных текстов требуется больше оперативной памяти и процедурных команд.

Во-вторых, рассматривая смысл текста, Е.А. Шингарева говорит о его трех типах, что представляет собой парадокс. Однако при выделении инвариантного, авторского и перцептивного типов смысла, выявляются противоречия в определениях понятий. Перцептивный тип текста автор определяет как информацию [Гончаренко 1984: 50], что также относится и к авторскому, и к инвариантному типам. Такое положение дел несколько затрудняет понимание теории.

Прагматика текста не соотнесена с понятием языковой личности, а та – с системами искусственного интеллекта.

Несмотря на указанные противоречия, можно отметить, что в целом работа представляет собой значительный сдвиг в парадигме исследований в области ЛТ.

Динамико-системный подход к изучению текста в работе Н.Л. Мышкиной.

1. Содержание.

Зарождение синергетического подхода в рамках антропоцентрической парадигмы можно обнаружить в исследовании Н.Л. Мышкиной «Динамико-системное исследование смысла текста» [Мышкина 1991]. Рассмотрим основные положения данного исследования.

Рассматривая понятие *текст*, автор определяет его как «непрерывно движущуюся, динамически равновесную и динамически неравновесную систему, ориентированную в своем движении на эманативно-мерцательную реализацию динамически целостного смыслового транспространства артеавтора ... и на установление динамически равновесных отношений между сознанием реального автора и адресата благодаря ориентации смыслового транспространства ментеавтора ... на вхождение в актуальный, или действительный, мир» [Там же: 42]. Это определение в целом отражает все текстовые категории, рассматриваемые исследователем.

Текст понимается как системное явление и относится к единицам языка и речи. Системность текста базируется на трех аспектах: языковом, динамическом и речевом. Отождествление текста с системой также помогает определить такие характеристики текста: 1) невозможность переноса свойств части на целое; 2) каждый элемент должен быть системно анализируем.

В данном исследовании рассмотрение текста как динамической системы базируется на изучении категории автора текста. Это понятие делится на артеавтора и ментеавтора. В первом случае речь идет о воспроизведении позиции автора текста, его кругозора и сознания. Во втором – о роли автора в тексте. В целом автор решает две проблемные ситуации в творческом процессе продуцирования текста: предметную и коммуникативную. В первом случае автор решает проблему отражения предметной ситуации, а во втором – происходит учет факторов коммуникации. Решение таких ситуаций позволяет отразить динамику

творческих процессов в виде двух взаимосвязанных динамических систем: предметно-когнитивной и речемыслительной [Мышкина 1991: 25]. Цель коммуникации заключается в том, чтобы достичь равнозначных отношений между адресатом и автором. Очевидно, что наряду с автором можно выделить и других участников коммуникации, к ним Н.Л. Мышкина относит адресатов и индукторов. Автор выделяет два вида адресатов: адресат-эмпатик (это собственно адресат, ради кого осуществляется производство текста, т.е. на кого рассчитывается выбор средств для правильного восприятия) и адресат-критик (наблюдатель, т.е. возможный участник коммуникации, который воспринимает текст). Под индукторами Н.Л. Мышкина понимает носителей неавторских идей. Взаимодействие коммуникантов ведет к различению нескольких миров текста. Индукторы образуют внешние миры относительно автора, которые последний стремится понять. «На пересечении миров индукторов возникает мир, который истинен для всех субъектов текстового пространства» [Там же: 96]. Он представляет собой актуальный мир, который рассматривается как «ожидаемое пространство равновесных отношений между автором, адресатом-эмпатиком и адресатом-критиком» [Там же]. Такое положение дел дает возможность характеризовать стратификационную модель текста с учетом четырех вариантов членения: 1) реальный и возможный миры; 2) противопоставление внешнего и внутреннего миров автора; 3) предметная и коммуникативная ситуации; 4) соотношение пространства и времени.

Еще одной важной категорией текста принято считать проявление симметрии/ассиметрии, которая характеризует изменения в системе текста. «Симметрия – это эквивалентность некоторой конфигурации относительно определенной группы преобразований, понимаемых в самом общем виде как проецирование (транспонирование) одного множества на другое» [Там же: 57]. Все аспекты изучения текста как динамического явления можно рассматривать с учетом данной категории.

2. Новизна.

В работе Н. Л. Мышкиной разрабатывается теория энергетической природы текста, описываются ее формы, механизмы, характерные черты с точки зрения положений их синергии. В последствии формируется контрадиктно-синергетический анализ текста. Он показывает контрадикции как движущееся текстовое пространство. Синергия же единиц текста проявляется в самоорганизованной системе спонтанных и определенных процессов. Н.Л. Мышкина рассмотрела моделирование текстов, а также их понимание.

Новизной данного исследования также принято считать не только рассмотрение текста как динамической системы, но и вариант интерпретационного анализа и синтеза текста. Н.Л. Мышкина выделяет три этапа интерпретационного анализа и синтеза текста:

- выделение фаз движения текстовой системы (анализ категории симметрии-асимметрии, анализ и моделирование смысловой и материальной субстанции);
- установление системно-релевантных изменений (происходит динамическая интерпретация данных первого этапа);
- завершение динамической интерпретации текста (установление значимых внутренних противоречий в системе, изучение динамики взаимодействия сознаний, выявление воздействия среды) [Мышкина 1991: 129].

3. Проблемные аспекты.

Несмотря на представленные положения, в работе можно выделить ряд противоречий.

Во-первых, к ним относится нелогичность изложения текстовых категорий. Рассматривая предложение исследователя разделить все категории на общетекстовые, дифференциально-текстовые и идиотекстовые [Там же: 63], трудно предположить, каким образом они соотносятся с парадигмой текстовых категорий, представляющей деление на прагматические, субстанционально-материальные, функторные, субстанционально-смысловые, стратификационные, динамико-структурные, динамико-целевые категориальные компоненты текста.

Во-вторых, характеристика наблюдателя начинается с того, что он не является «прямым адресатом текста» [Мышкина 1991: 95], хотя далее он определяется как адресат-критик. Такой подход к классификации адресатов может вызвать недопонимания в восприятии концепции.

Заявляя системный подход в исследовании текста, автор не всегда четко определяет критерии анализа понятий (см., например: симметрия-асимметрия [Там же: 56])

Несмотря на изложенные недостатки, работа представляет интерес для исследования, а также изучения текстов различных типов в связи с предложенными этапами интерпретационного анализа и синтеза речевых произведений.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕОСТРУКТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

На сегодняшний день изучение процессов понимания и продуцирования текстов остается актуальным. Огромный интерес представляют методы обучения пониманию и производству различных текстов (см. работы: [Артемьева 2015, Жумадилова 1994, Васильева 1994, Вырыпаева 2007, Королева 2007] и др.), а также собственно общие представления об этих процессах (см. работы: [Крюкова 1999; Пузько 2008; Кружилина 2016] и др.). Исследованию подвергаются различные типы текстов (см. работы: [Милостивая 2001; Кудлаева 2006; Казирина 2011] и др.). Стремление к междисциплинарным исследованиям также несет с собой развитие данных представлений в психолингвистике (см. работы: [Рафикова 1999; Мохамед 2000; Залевская 2005; Моисеева 2017] и др.), когнитивной лингвистики (см. работы: [Стасюкевич 2002; Нефедова 2003; Немчинова 2010] и др.), теории речевого воздействия (см. работы: [Дудина 2000; Степкина 2001; Дегтярева 2008] и др.).

Перспективами развития становятся изучение текста с помощью аппарата математической лингвистики, поиск возможности создания искусственного интеллекта, развитие отдельных направлений прикладной лингвистики, в том числе автоматизированного анализа текстов (см. работы: [Петрова 1995; Леонтьева 2000; Мячина 2002; Азарова 2015] и др.).

Выводы по второй главе

Построение классификации теорий текста и собственно их анализ не противоречат шести принципам системных исследований. Это отражается в следующих результатах.

1. Изучение отдельных теорий не носит самостоятельного характера, а дает возможность внести его в общую систему исследований, определив место.

2. Все концепции обладают различным набором параметров в зависимости от их положения в классификации.

3. К условиям существования предложенной классификации относится то, что существует огромное количество теорий текста, которые можно относить к тому или иному параметру системы.

4. В современной лингвистике нет полносистемной теории текста. Во всех подходах наблюдаются определенные элементы, которые либо не являются до конца разработанными, либо не описываются.

5. Системно сбалансированные теории можно выделить только относительно парадигмы и субпарадигмы, к которой они относятся. В связи с этим производилось деление теорий на общие и частные относительно субпарадигм ЛТ. Можно утверждать, что общие теории обладают более системным подходом к рассмотрению текста, нежели частные. В частных теориях, несмотря на некоторые сдвиги в рассмотрении отдельных аспектов текста, нет преобладания высокой объяснительной силы.

6. Предложенная классификация является самоорганизующейся, так как любая новая теория может быть отнесена к парадигме ЛТ, образуя или нет новую субпарадигму.

Проблемные аспекты в теориях можно разделить на два класса: отсутствие полноценного рассмотрения текста со всех сторон и противоречия в самих работах. Незавершенность некоторых теорий ограничивает область применения теории. Противоречия в теориях требуют уточнения и устранения, с одной стороны, и выявляют возможные корректировки и развития теорий, с другой стороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимая ЛТ как комплексную парадигму (мегапарадигму) исследований текста, с системно-структурной точки зрения можно отметить, что отечественная ЛТ развивалась в русле европейской традиции, что отражается в достаточно точном построении теорий и разработке их структуры и понятий. Зарубежные исследования в области ЛТ, очевидно, влияли на отечественную ЛТ, но в большинстве случаев ее результаты перерабатывались и уточнялись, поэтому можно наблюдать достаточную независимость теоретических построений. В рамках исследования текста отечественная ЛТ достигла результатов в разных аспектах рассмотрения текста.

Создание классификации направлений ЛТ сталкивается с рядом затруднений, обусловленных сложностью строения объекта и его членимостью. Один критерий дает возможность выделить только один уровень членения. Оптимальным в данном случае будет являться построение нескольких классификаций по разным основаниям. В работе представлена классификация по таким аспектам: цель и функции классификации, выбор деления объекта, зона действия, описание группировок теорий и параметров отнесения к ним, минимизация неклассифицируемых остатков.

Все теории можно разделить на две группы в зависимости от парадигмы исследования. Второй ступенью деления при построении иерархической классификации является объединение теорий по принципу их основных положений и новизны, что позволяет выделить субпарадигмы. Третьей ступенью является полнота исследования. На данном этапе теории объединяются в общие и частные.

Анализ концепций показал, что наибольшей объяснительной силой характеризуются те теории, в которых текст рассмотрен с позиции глубинной и поверхностной структур, а также те, которые рассматривают различные типы текстов. Такие концепции представляются более универсальными и располагают широким спектром рассмотрения центрального понятия. В рамках данных концепций происходит разработка понятий структуры, единиц, категорий, восприятия и производства, происходит выделение характерных особенностей для

каждого типа текста. Среди концепций в качестве наиболее полных и системно разработанных можно выделить теории И. Р. Гальперина, О.И. Москальской, Ю.М. Лотмана. Преимущество данных концепций заключается во всестороннем рассмотрении текста. Остальные концепции ориентируются на одну или несколько сторон рассмотрения объекта исследования (В.Я. Пропп, З.Я. Тураева, Г.И. Богин и другие исследователи).

Проведенный системный анализ теорий текста показал, что не существует полноценной всесторонней концепции. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, такой объект анализа, как текст очень сложен. Текст является весьма сложной системой с обширным количеством элементов и, соответственно, тяжелым для описания. Из этого следует пропуск отдельных моментов и, как следствие, невозможность рассмотрения всех параметров и особенностей. Во-вторых, исследователи не владеют специальными навыками, позволяющими производить системный анализ. В силу того, что объект сложен, для его структурирования необходимо использование понятий общей теории систем и системного анализа. В некоторых работах трудно проследить саму структуру исследования. Результаты теории скрываются за анализом практического материала, неточностями в терминологии и иногда бессистемным представлением элементов.

Из приведенных данных о результатах можно сделать вывод, что необходимо производить четкое структурирование теории и учитывать различные аспекты текстов.

Недостатки в теориях можно разделить на два вида: отсутствие полноценного рассмотрения текста на всех уровнях и противоречия в самих работах. Первый класс проблем присущ преимущественно частным теориям. Однако теории могут в той или иной степени не покрывать всего материала, поэтому в результатах их исследования можно найти непроработанные фрагменты. В каждой субпарадигме наблюдается отсутствие рассмотрения той или иной характеристики текста. Так, в ряде работ, принадлежащих грамматической субпарадигме, отсутствует характеристика глубинного уровня текста, а именно разработанность вопроса о производстве и восприятии текста. Структурные теории также не уделяют должного

внимания этому вопросу, а зачастую в них не проработаны категории текста и их специфика. Напротив же, антропоцентрические теории страдают от нехватки исследований в области поверхностной структуры текстов. Очевидным кажется факт, что необходимо четко разработать аппарат единиц текста на обоих уровнях. Недочеты данного класса не так важны для теории в целом и могут быть устранены. Второй класс проблем также влияет на целостность теории, поскольку он, прежде всего, связан с терминологией той или иной теории. Создание базы терминов для теории должно основываться на таком подходе, чтобы исключить противоречия и иметь возможность устанавливать разницу, исследуя единицы разных уровней.

Интересным видится будущее ЛТ. Необходимо отметить, что выявляется ряд проблем, требующих подробного изучения для построения единой концепции текста. К таким нерешенным вопросам можно отнести определение текста; выявление соотношения текста, речи, дискурса, языка и знака; не исследованы до конца единицы текста и т.д. Необходимо также интегрировать исследования всех субпарадигм для создания полноценной и непротиворечивой теории текста. Важно отметить, что современные лингвистические исследования в основном проходят в других парадигмах, однако необходимость создания системной теории текста все еще актуальна.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЕТПС – единая текстуальная пропозициональная структура

ВС – внутритекстовые связи

ЛТ – лингвистика текста

МД –мыследеятельность

СКИ – содержательно-концептуальная информация

СМД – системмыследеятельность

СПИ – содержательно-подтекстная информация

СПП – сложно-подчиненное предложение

СФЕ – сверхфразовое единство

СФИ – содержательно-фактуальная информация

ТТП – тематическая текстуальная пропозиция

ЭВМ – электронно-вычислительная машина

ЭСЗ – элементарные схемы знаний

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Грамматика и текст / В. Адмони // Вопросы языкознания. 1985. – № 1. – С. 63–70.
2. Азарова И.В. RussNet как база представления лексического блока в системах автоматизированного анализа текстов / И.В. Азарова. – СПб: СПбГУ, 2015. – 74 с.
3. Айдаров П.Е. Категория «целое» в рамках общей теории систем [Электронный ресурс] / П.Е. Айдаров. – Режим доступа: <http://focusnik.nsk.ru/article1> (дата обращения 15.11.2009).
4. Акишина А.А. Структура целого текста / А.А. Акишина // Вып. I-II. – М.: Изд-во Высшая школа проф. движения ВЦСПС им. Н.М. Шверника, 1979. – 168 с.
5. Алексеев П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: Проспект, 1998. – 568 с.
6. Арбузов П.В. Основы высшей математики для юристов [Электронный ресурс] / П.В. Арбузов, С.В. Гуде, В.Н. Герасименко, Д.В. Медянцеv. – Режим доступа: <http://posobie-mii.narod.ru/HTML.html> (дата обращения 24.11.2014).
7. Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигения и проблемы экспрессивности / И.В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1975. – С. 11–20.
8. Артемьева О.Н. Обучение приемам понимания текста / О.Н. Артемьева. – 3 изд. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2015. – 142 с.
9. Артоболевский Г.В. Основы художественного чтения / Г.В. Артоболевский // Очерки по художественному чтению / Под ред. и с доп. С.И. Бернштейна. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 3–46.
10. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.

11. Базаров И.П. Термодинамика [Электронный ресурс] / И.П. Базаров. – М.: Высшая школа. – 1991. – Режим доступа: <http://padabum.com/d.php?id=15025> (дата обращения 13.10.10).
12. Базылев В.Н. Структура языка и литературного текста в их эволюции: лингвофилософский аспект синергетики / В.Н. Базылев // Реферативный журнал. Серия 6. – Языкознание, 1997. – № 1. – С. 35–40.
13. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 281–307.
14. Беляева Н.И. Содержательные категории художественного текста и их языковая экспликация (на материале произведений Ю.М. Нагибина) / Н.И. Беляева. – Великий Новгород: НовГУ, 2002. – 107 с.
15. Белянин В.П. Психологические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. – М.: Изд-во Моск. ун-та., 1988. – 150 с.
16. Березин Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1984. – 319 с.
17. Берталанти Л. фон. История и статус общей теории систем / Л. фон. Берталанти // Системные исследования. Ежегодник. 1973. – М.: 1973. – С. 20–36.
18. Блауберг И.В. Целостность и системность / И.В. Блауберг // Системные исследования: Ежегодник. – М.: Наука, 1977. – С. 5–28.
19. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – 4-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2004. – 239 с.
20. Богомолова Е.Н. Проблема определения типов пропозиций при анализе китайских публицистических текстов [Электронный ресурс] / Е.Н. Богомолова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-tipov-propozitsiy-pri-analize-kitayskih-publitsisticheskikh-tekstov> (дата обращения: 12.07.2015).
21. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] / Г.И. Богин. – М.:

Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – Режим доступа: http://superlinguist.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=701:2011-01-13-16-59-52&catid=10:2009-11-23-13-36-04&Itemid=10 (дата обращения 12.10.12).

22. Богин Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Калинин: Изд-во Калинин.гос. ун-та, 1986. – 160 с.

23. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н. С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томск. пед. ин-та, 1994. – 210 с.

24. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.

25. Валгина Н.С. Теория текста [Электронный ресурс] / Н.С. Валгина. – М.: Логос. 2003. Режим доступа: [http://yanko.lib.ru/books/language/ru/%C2%E0%EB%E3%E8%ED%E0,%20%CD.%D1.%20%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%F2%E5%EA%F1%F2%E0.%20%CC%EE%F1%EA%E2%E0,%20%CB%EE%E3%EE%F1.%202003.%20%D0%E0%F1%EF.%20\(sl\).pdf](http://yanko.lib.ru/books/language/ru/%C2%E0%EB%E3%E8%ED%E0,%20%CD.%D1.%20%D2%E5%EE%F0%E8%FF%20%F2%E5%EA%F1%F2%E0.%20%CC%EE%F1%EA%E2%E0,%20%CB%EE%E3%EE%F1.%202003.%20%D0%E0%F1%EF.%20(sl).pdf) (дата обращения: 4.10.09).

26. Васильева А.Е. Восприятие и продуцирование текстов юмористического характера как способ речевого развития учащихся 5 классов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / А.Е. Васильева. – СПб., 1994. – 18 с.

27. Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход / Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2014. – 330 с.

28. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21 / Л.Г. Васильев. – СПб.: 1999. – 35 с.

29. Васильев Л.Г. Развитие синтаксической семантики в американском языкознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Г. Васильев. – Калинин, 1983. – 191 с.

30. Вейхман Г.А. Грамматика текста / Г.А. Вейхман. – М.: Высшая школа, 2005. – 638 с.

31. Вентцель Е. Теория вероятности [Электронный ресурс] / Е. Вентцель. – М.: Наука, 1964. Режим доступа: <https://www.for->

stydents.ru/matematika/uchebniki/teoriya-veroyatnostey.html (дата обращения 10.12.09).

32. Винокур Г.О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи. / Г.О. Винокур // Избр. работы по русскому языку. – М.: Просвещение, 1948. – С. 257–300.

33. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата / О.П. Воробьева. – Киев: Вища школа, 1993. – 200 с.

34. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

35. Вырыпаева Л.С. Формирование навыка продуцирования собственного текста у учащихся начальных классов: на примере фольклора: дис. ... канд. пед. Наук: 13.00.02 / Л.С. Вырыпаева. – Рязань, 2007. – 232 с.

36. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста / И.Р. Гальперин // Изв. АН СССР. Сер.лит. и яз. – 1977. – № 6. – С. 522–532.

37. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Комкнига, 2006. – 144 с.

38. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

39. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. / М.Л. Гаспаров. – М.: Яз.русск. культуры, 1997. – 501 с.

40. Гиндин С.И. Внутренняя организация текста (элементы теории и семантический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.И. Гиндин. – М., 1972. – 23 с.

41. Гиндин С.И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии / С.И. Гиндин. – М.: Ин-т рус. языка, 1971. – 44 с.

42. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты: (1948—1975) / С.И. Гиндин // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1977. – № 4. – С. 348–361.

43. Глухова Н.Н. Коммуникативно-прагматические характеристики текстов марийского фольклора / Н.Н. Глухова // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. – 2A. Summaria Dissertationum. – Debrecen: 1990. – 58 с.
44. Глухова Н.Н. Текстовые признаки марийских заговоров / Н.Н. Глухова // IV Симпозиум по пермской филологии. Материалы региональной конференции. – Сыктывкар, 1992. – С. 18–20.
45. Гончаренко В.В. Фреймы для распознавания смысла текста / В.В. Гончаренко, Е.А. Шингарева. – Кишинёв: Штиинца, 1984.– 198с.
46. Гончарова Е. А. Интерпретация текста: немецкий язык: учебное пособие / Е. А.Гончарова, И. П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 268 с.
47. Гончарова Е.А. «Сильные позиции» текста / А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончарова // Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1989. – С. 66–68.
48. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности: психолингв. основы искусств, интеллекта / И.Н. Горелов. – Таллин: Валгус, 1987. – 190 с.
49. Горина А.В. Пространство и время как базовые категории художественного текста: на материале романа У. Голдинга «Свободное падение»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.В. Горина. – Краснодар, 2009. – 212 с.
50. Гримен Х. Теория научных революций Томаса Куна / Х. Гриммер // Теория и методы в социальных науках. / Под ред. С. Ларсена. Пер. с англ. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 39–57.
51. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: ДИ ДИК, 1994. – 638 с.
52. Дегтярева Л.М. Речевое воздействие текстов памятников правоохранительных органов на население: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.М. Дегтярева. – Ростов-на-Дону, 2008. – 187 с.
53. Дейк Ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – Благовещенск: Прогресс, 1978. – 264 с.

54. Декарт Р. Разыскание истины / Р. Декарт. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 63–99.
55. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.
56. Демьянков В.З. Парадигма в лингвистике и теории языка / В.З. Демьянков // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 27–37.
57. Демьянков В.З. Термин парадигма в обыденном языке и в лингвистике / В.З. Демьянков // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 15–40.
58. Доблаев Л.П. К вопросу о семантических связях ближайших предложений текста [Электронный ресурс] / Л.П. Доблаев. – 1983. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1983/833/833101.htm> (дата обращения 12.11.12).
59. Доблаев Л.П. Об «интеллектуальном чувстве» необходимой полноты высказывания. [Электронный ресурс] / Л.П. Доблаев. – 1981. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1981/813/813089.htm> (дата обращения 12.11.12).
60. Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста / Л.П. Доблаев. – М.: Педагогика, 1982. – 207 с.
61. Добренков В.И. История зарубежной социологии [Электронный ресурс] / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. – 2004. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/dobrenkov_istorija/ (дата обращения 21.10.12).
62. Дудина М.Г. Умозаключение как средство речевого воздействия в тексте: на материале текстов рекламы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.Г. Дудина. – М., 2000. – 183 с.
63. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв. / М.Я. Дымарский. – М.: URSS, 2001. – 328 с.

64. Екшембеева Л.В. Картирование в учебном процессе [Электронный ресурс] / Л.В. Екшембеева. Вестник КарГу. – 2012. – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/6493> (дата обращения 16.08.14).

65. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VI классов / Н.И. Жинкин // «Изв. Академии пед. наук РСФСР». – 1956. – № 78. – С. 141–250.

66. Жолковский А.К. Работы по поэтики выразительности: Иварианты – Темы – Приемы – Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – М.: Прогресс, Универс, 1996. – 344 с.

67. Жумадилова Г.А. Речевое развитие учащихся при восприятии и продуцировании текста: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Г.А. Жумадилова. – СПб, 1994. – 206 с.

68. Заец Д.Ю. К проблеме смены парадигм в языкознании [Электронный ресурс] / Д.Ю. Заец. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2010». – М.: МАКСПресс, 2010. – С. 257–258.

69. Зайцев А.К. Философия ведической цивилизации / А.К. Зайцев. Калуга: ИД «Эйдос», 2005. – 308 с.

70. Зайцев А.К. Философия на перепутье. [Электронный ресурс] / А.К. Зайцев. – 2008. – Режим доступа: www.geometriya-tvoreniya.ru (дата обращения 7.12.09).

71. Залевская А.А. Слово. Текст: избранные труды: психолингвистические исследования / А.А. Залевская. М.: Гнозис, 2005. – 542 с.

72. Зарубина Н.Д. О некоторых психолингвистических особенностях внутренней структуры письменного текста / Н.Д. Зарубина // Материалы III Всесоюз. симпозиума по психолингвистике. – 1970. – С. 76–78.

73. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты / Н.Д. Зарубина. – М.: Русский язык, 1981. – 113 с.

74. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып.10. Лингвистическая семантика. – С. 5–32.

75. Золотова Г.А. Говорящее лицо и структура текста/ Г.А. Золотова // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Изд-во ин-та рус.яз. РАН, 1995. – С. 120–132.
76. Ичкинеева Д.А. Дискретность как категория текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.А. Ичкинеева. – Оренбург, 2011. – 183 с.
77. Казарина М.А. Грамматические типы текстов деловой письменной речи: на материале английского, немецкого и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.А. Казарина. – М., 2011. – 185 с.
78. Каменская О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.
79. Кандинский Б.С. Целый текст как интонационная структура / Б.С. Кандинский. – Т.42. – М.: УЗ Моск. пед ин-те ИЯ, 1968. – С. 34–38.
80. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «английский чужак»: монография / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
81. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
82. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
83. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / И.Э. Клюканов. – Саратов, 1999. – 99 с.
84. Колшанский Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения / Г. В. Колшанский // Иностр. яз.в shk. – 1985. – № 1. – С. 10–14.
85. Колшанский Г.В. О языковом механизме порождения текста / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 44–51.
86. Колшанский Г.В. От предложения к тексту / Г.В. Колшанский // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987. – С. 37–40.
87. Кольцова Л.М. Художественный текст в современной лингвистической / Л.М. Кольцова, О.А. Лунина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – 51 с.

88. Копосов Н.Е. Что такое критика социальных наук? [Электронный ресурс] / Н.Е. Копосов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Том 2. – Выпуск 3. – Режим доступа: <http://www.old.jourssa.ru/1999/3/4kopos.html> (дата обращения 18.01.10).

89. Коржнева Е.А. Экспериментальное исследование структуры текста / Е.А. Коржнева. – Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2008. – 149 с.

90. Королева Т.В. Обучение студентов юридических специальностей продуцированию уголовно-процессуальных текстов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Т.В. Королева. – Тула, 2007. – 233 с.

91. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология / А.В. Кравченко // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – М., 2001. – Т. 60. – № 5. – С. 3–13.

92. Краснаярова О.В. Структура журналистского текста / О.В. Краснаярова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. – 205 с.

93. Круассонов С.П. Теория «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» [Электронный ресурс] / С.П. Круассонов. – 2007. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/mscl/2007/example.pdf> (дата обращения 12.10.2015).

94. Кружилина Т.В. Понимание текста в онтогенезе / Т.В. Кружилина. – Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2016. – 151 с.

95. Крюкова Н.Ф. Средства метафоризации и понимание текста / Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 128 с.

96. Кубрякова Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Междунар. конф. – М., 1999. – С. 186–197.

97. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. Текст. Структура и семантика / Е.С. Кубрякова. – Т. 1. – М.: Наука, 2001. – С. 72–81.

98. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 53. – № 2. – 1994. – С. 3–16.

99. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
100. Кудлаева А.Н. Типы текстов в структуре дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.Н. Кудлаева. – Пермь, 2006. – 329 с.
101. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. Сост. Кузнецов В.Ю. / Т. Кун. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 605 с.
102. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
103. Кушнина Л.В. Введение в синергетику перевода / Л.В. Кушнина, И.Н. Хайдарова, С.С. Назмутдинова и др. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. – 278 с.
104. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ / И. Лакатос // Вопросы философии, 1995. – № 4. – С. 135–154.
105. Лазарев В.В. Когнитивная парадигма: исторические предпосылки и современные реалии / В.В. Лазарев // Вестник Пятигорского гос. лингвист. ун-та. – Пятигорск. – Вып. 2. – 2000. – С. 14–39.
106. Ландау Л. Д. Теоретическая физика. (Том 1 Механика, т.2 Теория поля, т.3 Квантовая механика, т.4 Квантовая электродинамика, т.5 Статистическая физика, ч.1, т.6 Гидродинамика, т.7 Теория упругости, т.8 Электродинамика сплошных сред, т.9 Статистическая физика, ч.2), т.10 Физическая кинетика / Л.Д. Ландау, Е.М. Лифшиц. – М.: Физматлит, 1964. – 3625 с.
107. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста / Ю.А. Левицкий. – М.–Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 208 с.
108. Ленк Х. О значении философских идей В. С. Стёпина / Х. Ленк // Вопросы философии. – М.: Наука, 2009. – № 9. – С. 9–12.
109. Леонтьева Н.Н. К теории автоматического понимания естественных текстов / Н.Н. Леонтьева. – Ч. 1. – М. Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 42 с.

110. Леонтьева Н.Н. О смысловой неполноте текста (в связи с семантическим анализом) / Н.Н. Леонтьева. – В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 12. – М.: Наука, 1969. – С. 106.
111. Лернер И.Я. Проблемы понимания учебного текста / И.Я. Лернер // Советская педагогика. – 1984. – № 10. – С. 129–131.
112. Леута О.Н. Ю. М. Лотман о трех функциях текста / О.Н. Леута. – Под ред. В. К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 294–309.
113. Лингвистика текста. Материалы науч. конф. Моск. пед ин-та ИЯ. – Ч.1–2. – М.: [б.и.], 1974. – 230 с.
114. Лосева Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева. – М.: Наука, 1980. – 94 с.
115. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л., 1972. – 271 с.
116. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. [Электронный ресурс] / Ю.М. Лотман. – 1992. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3207190> (дата обращения 12.01.10).
117. Лотман Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1998. – 703 с.
118. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Электронный ресурс] / Ю.М. Лотман. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – Режим доступа: <http://biblioteka.teatr-obraz.ru/node/4480> (дата обращения 10.10.14).
119. Лукин В. А. Художественный текст / В. А. Лукин. – М.: Ось-89, 2005. – 555 с.
120. Лукина Н.В. Смысловая структура метатекста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Лукина. – Волгоград: 2011. – 35 с.
121. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания / Э.А. Макаева. – М.: Наука, 1977. – 205 с.
122. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

123. Малинин В.Н. Статистические методы анализа гидрометеорологической информации / В.Н. Малинин. – СПб.: Изд-во РГГМУ, 2008. – 408 с.
124. Маляров Д.В. Системный анализ концепций отечественной синтаксической семантики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.В. Маляров. – Москва: ПроСофт-М, 2005. – 198 с.
125. Мартынов С.Н. Новые парадигмы экономической науки [Электронный ресурс] / С.Н. Мартынов. – 2003. – Режим доступа: <http://smartpage.narod.ru/Russian/P2-NPEN.htm> (дата обращения 27. 01.10).
126. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр Академия, 2007. – 272 с.
127. Материалы 5-го Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – Ленинград: АН СССР. – Ин-т языкознания. – Ч. 1–2. – 1975. – 257с.
128. Матусевич А.А. Общение в социальных сетях : прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Матусевич. – Киров, 2016. – 190 с.
129. Медведева Н.П. Грамматика научного текста / Н.П. Медведева. – Новосибирск: НГТУ, 2017. – 81 с.
130. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст» / И.А. Мельчук. М.: Школа «Языки русской литературы», 1999. – 346 с.
131. Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.В. Моисеева. – Уфа, 2017. – 242 с.
132. Милостивая А.И. Социопрагматические типы текста немецкой газеты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.И. Милостивая. – Пятигорск, 2001. – 238 с.
133. Москальская О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
134. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: УРСС, 2003. – 296 с.

135. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста / Г.Г. Москальчук. – Барнаул: АлтГУ, 1998 – 240 с.
136. Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Мохамед. – Тверь, 2000. – 346 с.
137. Мурзин Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1991. – 171 с.
138. Мышкина Н.Л. Динамико системное исследование смысла текста / Н.Л. Мышкина. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 212 с.
139. Мячина Е.В. Автоматизированный анализ текста на основе вероятностно-статистической модели и его применение в региональном законотворчестве: дис. ... канд. техн. наук: 05.25.05 / Е.В. Мячина. – М., 2002. – 188 с.
140. Недосугова Т.А. Деловое письмо: стилистика и структура текста / Т.А. Недосугова. – М.: Восток-Запад, 2010. – 76 с.
141. Немчинова Н.В. Когнитивно-дискурсивное исследование текста корпоративной поздравительной открытки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Немчинова. – Барнаул, 2010. – 198 с.
142. Нефедова Л.А. Когнитивный подход к интерпретации текста / Л.А. Нефедова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. – 70 с.
143. Никитина Т.Н. Грамматика древнекитайских текстов / Т.Н. Никитина. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – 259 с.
144. Откупщикова М.И. Моделирование языка / М.И. Откупщикова // Прикладное языкознание. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – С. 100–112.
145. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста / М.И. Откупщикова. – Л.: Ленинградский ун-т, 1982. – 104 с.
146. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1992. – 944 с.

147. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П.Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.
148. Петрова М.Б. Конструирование лингвистического обучающего автомата на основе функционально-коммуникативного анализа текста (на материале лингвистической игры и автоматизированного учебного курса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21. – М., 1995. – 18 с.
149. Печенкин А. А. Обоснование научной теории: Классика и современность / А.А. Печенкин. – М.: Наука, 1991. – 183 с.
150. Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек / Р. Г. Пиотровский. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 327 с.
151. Плотников Б.А. Основы семасиологии / Б.А. Плотникова. – Мн.: Высшая школа, 1984. – 220 с.
152. Покровский М.П. О задаче описания классификации / М.П. Покровский // Ежегодник–2008. – Вып. 156. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – С. 323–327.
153. Попов Ю.В. Текст: структура и семантика / Ю.В. Попов, Т.П. Трегубович. – Минск: Вышэйшая школа, 1984. – 189 с.
154. Поппер Карл Р. Все люди — философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант — философ Просвещения / Карл Р. Поппер. – Пер. с нем., вступит. статьи и примеч. И. З. Шишкова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 56 с.
155. Поппер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход / Карл Р. Поппер. – Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В. Н. Садовский. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.
156. Пospelов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке / Н.С. Пospelов // «Ученые записки МГУ». – Вып. 137. – Труды кафедры русского языка, кн. 2. – М.: Изд. МГУ, 1948. – С. 37–62.

157. Прокопчук А.А. Сложно-подчиненное предложение и текст / А.А. Прокопчук. – Харьков: Изд-во Основа при Харьковском государственном университете, 1990. – 192 с.
158. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Изд-во Лабиринт, 2001. – 192 с.
159. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа) / В.Я. Пропп. – Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. – М.: Изд-во "Лабиринт", 2000. – 416 с.
160. Пузько В.И. Множественность способов понимания текста / В.И. Пузько. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 346 с.
161. Путилов Б. Н. Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа / Б.Н. Путилов // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа. – М., 1975. – С.3–47.
162. Пушина Н.И. Лингвокультурологический анализ текста / Н.И. Пушина, Н.В. Маханькова, Е.А. Широких. – Ижевск: УГУ, 2017. – 167 с.
163. Рафаева А.В. Методы В.Я. Проппа в современной науке / А.В. Рафаева // Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа). – М.: Изд-во Лабиринт, 1998. – С. 467–485.
164. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста / Н.В. Рафаева. – Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 1999. – 146 с.
165. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е.А. Реферовская. – Изд. 2-е испр. – М.: URSS, 2007. – 165 с.
166. Рорти Р. Философия и зеркало природы: [Пер. с англ.] / Ричард Рорти. – Науч. ред. В. В. Целищев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 296 с.
167. Ряднова Т.С. Анализ абзаца как композиционно-синтаксического элемента языка художественной литературы (на материале «Вэкфилдовского

священника» Голдсмита) / Т.С. Ряднова // «УЗ Моск. пед. ин-та». – М: 1961. – № 165. – С. 91–118.

168. Салимова Д.А. Время и пространство как категории текста: теории и опыт исследования (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус) / Д.А. Салимова, Ю.Ю. Данилова. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 196 с.

169. Семенова Н.В. Базовые категории текста: когнитивный аспект представления связности / Н.В. Семенова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 111 с.

170. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 224 с.

171. Серио П. В поисках четвертой парадигмы / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ. – Вып. 1. – Харьков: 1993. – С. 36–48.

172. Сидоров Е.В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики / Е.В. Сидоров // Вопросы системной организации речи. – М.: 1987. – С. 38–50.

173. Смирнов А.А. Психология запоминания / А.А. Смирнов // В кн.: Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. – М.: «Просвещение», 1948. – С. 7–352.

174. Солганик Г.Я. Стилистика текста / Г.Я.Солганик. – 2-е изд. – М: Флинта: Наука, 2000. – 256 с.

175. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 292 с.

176. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. М.: Наука, 1985. – 168 с.

177. Сорокин Ю.А. Текст и его пространство / Ю.А. Сорокин // Категоризация мира: пространство и время. Под ред. Е.С. Кубряковой, О.В. Александровой. – М.: Диалог, МГУ, 1997. – С. 37–38.

178. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа/ В.Н. Спицнадель. – СПб.: Изд. дом Бизнес-пресса, 2000. – 326 с.

179. Стасюкевич Т.С. Лингвистика текста. Когнитивно-прагматический аспект / Т.С. Стасюкевич. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. – 195 с.

180. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 334с.
181. Стёпин В.С. Теоретическое знание [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/stepin/index.html> (дата обращения: 8.07.2011).
182. Стёпин В.С. Философия науки и техники. Особенности формирования научной гипотезы [Электронный ресурс] / В.С. Стёпин, В.Г. Горохов. – 2014. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/stepin_sciencephilo/ch62_ii.html (дата обращения: 22.11.2014).
183. Степкин И.Р. Речевое воздействие: проблема понимания инокультурного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Р. Степкин. – М., 2001. – 161 с.
184. Структура текста. [Электронный ресурс] / М.: Наука, 1980. – Режим доступа: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1980_Struktura_teksta.pdf (дата обращения 27.07.10).
185. Субботин А.Л. Классификация / А.Л. Субботин. – М.: ИФ РАН, 2001. – 94 с.
186. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание (электронный учебник) [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – Тверь: 1999. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm> (дата обращения: 12.03.2015).
187. Сусов И.П. Языковое общение и лингвистика / И.П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин: 1985. – С. 3–12.
188. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1987. – 168 с.
189. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – Пер. с франц.; Редкол.: Г.В. Степанов и др. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
190. Топоров В.Н. Пространство и текст [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров. – М.: 1983. – Режим доступа: http://es-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html (дата обращения: 11.09.2014).

191. Топоров В.Н. Числа. Мифы народов / В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 629–631.
192. Тулмин Ст. Человеческое понимание [Электронный ресурс] / Ст. Тулмин. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/241355/> (дата обращения: 30.07.2010).
193. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
194. Уржа А.В. Семантика и грамматика текста / А.В. Уржа. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2010. – 24 с.
195. Фигуровский И.А. От синтаксиса отдельного предложения – к синтаксису целого текста / И.А. Фигуровский // РЯШ. – М.: 1948. – № 3. – С. 21–31.
196. Фигуровский И.А. Пунктуации целого текста / И.А. Фигуровский // РЯШ. – М.: 1936. – № 5. – С. 143–147.
197. Филиппов К.А. Лингвистика текста / К.А. Филиппов. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. – 336 с.
198. Филиппова Д.Ю. Лингвистика текста как научная парадигма (на примере исследований советского периода) / Д.Ю. Филиппова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 2 Языкознание. – 2014. – № 3 (22). – С. 70–75.
199. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Л. Флек. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 208 с.
200. Чебанов С. В. Единство теоретизирования о способах упорядочивания / С.В. Чебанов // Теория и методология биологических классификаций. – М.: Наука, 1983. – С. 18–28.
201. Чебанов С. В. Логико-семиотические основания классификаций в лингвистике: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.21 / С.В. Чебанов. – СПб.: 2000. – 66 с.

202. Чернявская Е.В. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / Е.В. Чернявская. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
203. Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы / Л.А. Черняховская // Вопросы языкознания. – М.: 1983. – № 6. – С. 117–126.
204. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
205. Шингарева Е.А. О семиотических основах прагматического подхода к распознаванию смысла текста (онтология) / Е.А. Шингарева // НТИ. – М.: 1986. – Сер. 2. – № 3. – С. 28–39.
206. Шингарева Е.А. Прагматика в языке и тексте (методология и технология) / Е.А. Шингарева // НТИ. – М.: 1987. – Сер. 2. – № 1. – С. 5–14.
207. Шпар Е.В. Базовые категории текста: когнитивный аспект представления связности / Е.В. Шпар. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 158 с.
208. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок [Электронный ресурс] / Г.П. Щедровицкий. – 1981. – Режим доступа: <http://www.circle.ru:10125/archive/Zip/81A.ZIP> (дата обращения: 4.07.2010).
209. Щедровицкий Г.П. СМД-методология и философия практики. [Электронный ресурс] / Г.П. Щедровицкий. – 1989. – Режим доступа: <http://www.shkp.ru/lib/archive/family/1989/2> (дата обращения: 18.01.2015).
210. Щирова И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: Книжный дом, 2007. – 472 с.
211. Ыйм Х.Я. Семантика и теория понимания языка. Анализ лексики и текстов директивного общения эстонского языка: дис... д-ра филол. наук: 10.02.07 / Х.Я. Ыйм. – Тарту: 1983. – 40 с.
212. Ярхо Б.И.. Границы научного литературоведения / Б.И. Ярхо // Искусство. – М.: 1925. – № 2. – С. 45–60.
213. Ярхо Б. И. Простейшие основания формального анализа / Б.И. Ярхо // ArsPoetica. – М., 1927. – Вып. I. – С. 7–28.

214. Яцкевич Л.Г. Структура поэтического текста / Л.Г. Яцкевич. – Вологда: Русь, 1999. – 238 с.
215. Bahner W. “Paradigm” or “current” in the history of linguistics / W. Bahner // Proceedings of the XIII th Intern. Congress of Linguistics. – Tokyo: 1983. – P. 847 – 849.
216. Beaugrande R. de. Linguistic theory: the discourse of fundamental works [Электронный ресурс] / R de. Beaugrande. – N. Y.: Longman, 1991. – Режим доступа: <http://beaugrande.bizland.com/> (дата обращения: 10.02.2010).
217. Feyerabend P.K. Consolation for the Specialist / P.K. Feyerabend // Lakatos I. and Musgrave A. (eds.). Criticism and the Growth of Knowledge. – Cambridge: 1970. – P. 197–218.
218. Feyerabend P.K. Three dialogues on knowledge / P.K. Feyerabend. – Oxford: 1991. – 167 p.
219. Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes / I. Lakatos // Criticism and the growth of knowledge / Edi by Lakatos I., Musgrave A. – Cambridge: 1970. – P. 34–67.
220. Percival W. K. The applicability of Kuhn’s paradigms to the history of linguistics / W.K. Percival // Language. – 1976. – V. 52. – № 2. – P. 285–294.
221. Popper K. R. The logic of scientific discovery / K.R. Popper. – London, 1959. – 453 p.
222. Popper K. R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K.R. Popper. – Oxford: Clarendon Press, 1979. – 380 p.
223. Saussure F. de. Cours de linguistique generale / F. de. Saussure. Publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. Ed. critique prep. par Tullio de Mauro. – Paris: 1972. – 520 p.